

Российское
психологическое
общество

ISSN 1812-1853 (Print)

Том 18 № 1

РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ /
RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL

Издательство
КРЕДО

Москва

2021

Российский психологический журнал

Учредитель – Общероссийская общественная организация «Российское психологическое общество»

Главный редактор – д. пс. н. Зинченко Ю. П. (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. н. Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара, РФ)
д. пс. н. Асмолов А. Г. (МГУ, Москва, РФ)
д. биол. н. Бабенков В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. биол. н. Безруких М. М. (ИВФ РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Богоявленская Д. Б. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. биол. н. Григорьев П. Е. (СевГУ, Севастополь, РФ)
д. пс. н. Донцов А. И. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Карабущенко Н. Б. (РУДН, Москва, РФ)
д. пс. н. Караяни А. Г. (Военный университет, Москва, РФ)

д. пс. н. Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пед. н. Малофеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Митина Л. М. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. пед. н. Реан А. А. (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
д. пс. н. Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва, РФ)
д. пед. н. Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Черноризов А. М. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Яницкий М. С. (КемГУ, Кемерово, РФ)

Редакционная коллегия

д. пс. н. Александров Ю. И. (ВШЭ, Москва, РФ)
д. филол. н. Белянин В. П. (Университет Торонто, Канада)
д. пс. н. Берберян А. С. (РАУ, Ереван, Армения)
д. пс. н. Богомаз С. А. (ТГУ, Томск, РФ)
Ph. D. Bernard R. M. (Конкордия, Монреаль, Канада)
Ph. D. Бороховский Е. (Конкордия, Монреаль, Канада)
д. пс. н. Величковский Б. М. (ТУ, Дрезден, Германия)
д. пс. н. Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Долгова В. И. (ЮУрГПУ, Челябинск, РФ)
Ph. D. Granhag Pär-Anders (University of Gothenburg, Sweden)
Sc. D. Кроник А. А. (Институт каузометрии, Вашингтон, США)

Ph. D. Kalmus V. (University of Tartu, Estonia)
д. пед. н. Манжелей И. В. (ТюмГУ, Тюмень, РФ)
д. пед. н. Масалимова А. Р. (КФУ, Казань, РФ)
д. пед. н. Повзун В. Д. (СурГУ, Сургут, РФ)
д. биол. н. Полевая С. А. (ПИМУ, Нижний Новгород, РФ)
Ph. D. Sequeira H. (Lille 1 University, Лилль, Франция)
Dr. Стошич Л. (Institute of management and knowledge, Скопье, Македония)
д. пед. н. Хайруллина Э. Р. (КНИТУ, Казань, РФ)
д. пс. н. Хотинец В. Ю. (УдГУ, Ижевск, РФ)
д. пс. н. Цветкова Л. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Шайдуллина А. Р. (АГНИ, Альметьевск, РФ)

Ответственный секретарь – Алексеева Д. С.

Редактор английской части – Панасенко Е. С.

Выпускающий редактор – Буняева М. В.

Технический редактор – Проненко Е. А.

Адрес редакции:
344006, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 140,
ком. 114
E-mail: editor@rpj.ru.com

Адрес издательства:
129366, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес учредителя:
125009, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: russpsysoc@gmail.com

Каталог Роспечати «Газеты, Журналы»
Подписной индекс 46723
Цена свободная

© Российское психологическое общество, 2021

© ООО "КРЕДО", 2021

Веб-сайт: rpj.ru.com

Концепция, миссия, цель и задачи Российского психологического журнала

Российский психологический журнал – научное рецензируемое издание, открытое для международного сотрудничества и публикующее оригинальные научные статьи и обзоры по психологии.

Журнал основан Российским психологическим обществом в 2004 году, выпускается 4 раза в год. С 2019 года издается на русском и английском языках.

Миссия журнала – в повышении качества и открытости психологической науки. Журнал стремится к поддержанию высокого уровня психологических исследований и повышению доступности научного знания для всех категорий читателей.

Цель журнала заключается, с одной стороны, в вовлечении российских исследователей в международное научное пространство, что обеспечивается внедрением современных международных издательских практик, с другой стороны, в содействии научной коллаборации российских и зарубежных авторов за счет знакомства иностранных исследователей с российскими научными разработками, не имеющими аналогов за рубежом.

Задачи журнала:

- 1) предоставление качественных научных результатов для начинающих и опытных ученых;
- 2) предоставление возможности исследователям публиковать и делиться своими работами в научных кругах по всему миру;
- 3) продвижение статей журнала в международном научном пространстве через вхождение в авторитетные международные базы данных и каталоги;
- 4) повышение международной кооперации авторов;
- 5) повышение видимости, цитирования, доверия и авторитета российских научных работ в мировом научном пространстве.

В журнале осуществляется двойное слепое рецензирование, каждая рукопись оценивается не менее чем двумя экспертами.

Журнал придерживается международных стандартов издательской этики в соответствии с рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Читательская и авторская аудитория журнала

Читательская аудитория Российского психологического журнала состоит из нескольких категорий.

Наибольший интерес статьи журнала представляют для академического сообщества, исследователей в сфере психологии; на страницах журнала публикуются передовые исследования в актуальных областях науки.

Студенты и аспиранты могут найти необходимый материал, который послужит опорой в обучении и который поможет начать собственные исследования. Также статьи журнала будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся конкретными или новыми темами в сфере психологии.

Авторскую аудиторию журнала составляют сотрудники университетов (преподаватели, доценты, профессора), научные сотрудники научно-исследовательских организаций, активные исследователи различных областей психологии, практикующие специалисты, а также аспиранты и соискатели ученой степени – им предоставляется возможность публиковать статьи высокого качества.

Журнал входит в Перечень ВАК, включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Scopus, Ulrichsweb, ResearchBib, Directory of Open Access Journals (DOAJ) и другие базы и каталоги научных журналов. Журнал является членом ассоциаций АНПИ, EASE, CrossRef.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» 4.0 Всемирная.

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-16511 от 13 октября 2003 года.

СОДЕРЖАНИЕ

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кузьмина Т. И.

Использование методики «Сетевой самоотчет» для изучения специфики интернет-социализации подростков и юношей с нарушением интеллекта 5

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Яровая Н. П., Аравийская Е. Р., Зуева В. С., Скуратова К. А., Шелепин Е. Ю.

Взаимосвязь самоотношения и глазодвигательных паттернов при восприятии женщинами собственного лица 22

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Яремчук С. В., Бакина А. В., Ситяева С. М.

Особенности жизненного мира юношей и девушек разных возрастных периодов 34

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Красильников Г. Т., Крачко Э. А., Мальчинский Ф. В.

Разработка методики прогностической оценки устойчивости к профессиональному информационному стрессу летного состава 47

Скипор С. И., Воробьева А. Е.

Психологические особенности адаптации психологов к онлайн-консультированию во время пандемии COVID-19 61

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Исаева Е. Р., Трегубенко И. А., Мухитова Ю. В., Шошина И. И.

Функциональное состояние магно- и парвоцеллюлярных нейронных систем и когнитивные нарушения при шизофрении на разных этапах заболевания 74

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Гудзовская А. А., Мышкина М. С.

Имплицитная расовая идентичность российских школьников на этапе коммитмента 91

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.1>

Использование методики «Сетевой самоотчет» для изучения специфики интернет-социализации подростков и юношей с нарушением интеллекта

Татьяна И. Кузьмина^{1, 2}

¹ Институт коррекционной педагогики Российской академии образования, г. Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

^{1, 2} ta-1@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2367-3390>

Аннотация

Введение. Изучение специфики сетевой социализации подростков и юношей с ОВЗ и, в частности, с нарушением интеллекта является новым и перспективным направлением в специальной психологии и нуждается в разработке методологических подходов и методических основ проведения исследований подобного рода.

Методы. Изучение специфики сетевой социализации лиц с нарушением интеллекта связано с описанием особенностей их социализационно-сетевого становления, в сравнении с нормативно развивающимися сверстниками предполагающим понимание исследователем интернет-взаимодействия как формы альтернативной коммуникации, способа адаптации и потенциального источника сетевых рисков личности. Методический инструментарий представлен авторской методикой «Сетевой самоотчет», апробированной с участием 181 респондента подросткового и юношеского возраста с нормативным развитием и 119 респондентов тех же возрастов с нарушением интеллекта.

Результаты. Апробация методики «Сетевой самоотчет» с участием выборок подростков и юношей с умственной отсталостью и их нормативно развивающихся сверстников показала, что данный инструментарий доступен для выполнения респондентам обеих групп и применим для выявления качественно-количественных различий между выборками. У респондентов с умственной отсталостью наблюдаются меньшая активность в Сети по поиску информации, низкая осведомленность о сетевых явлениях и феноменах сетевого взаимодействия, использование Интернета как дополнительного поля реализации выраженной потребности в общении и более агрессивная защита своего сетевого пространства от вмешательства родителей.

Обсуждение результатов. Представленные данные открывают ряд перспективных направлений исследования в предметной области сетевой социализации обучающихся с нарушением развития: 1) первичный скрининг в рамках ведущего нарушения по сравнению с нормативно развивающимися сверстниками; 2) углубленное исследование по возрастным диапазонам в рамках одной нозологии и выявление возрастных различий внутри одной нозологической

группы; 3) дифференцированное исследование по сравнению разных нозологических категорий и выявлению межгрупповых различий.

Ключевые слова

умственная отсталость, сетевая социализация, Интернет, личность, подростки, юноши, интернет-пользователи, сетевые риски, общение, сетевое взаимодействие

Основные положения

- разработка инструментария для изучения сетевой социализации связана с пониманием сетевого взаимодействия как альтернативной коммуникации, способа адаптации, потенциального источника сетевых рисков личности;
- подростки и юноши с умственной отсталостью и нормативным развитием имеют общие характеристики сетевой социализации: высокую мотивацию к использованию Сети для своих нужд, например, просмотра фото и видео, поиска разнообразной информации, сетевых игр, общения, развлечений с использованием интересного мультимодального контента;
- подростки и юноши с умственной отсталостью имеют недостаточно реализуемую в сетевом контексте потребность в общении, тенденцию к сетевой гиперсоциальности.

Благодарности

Работа выполнена в рамках Государственного задания Министерства просвещения РФ No 073-00028-20-03 ПР Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт коррекционной педагогики Российской академии образования» по научному проекту «Специальная дидактика цифрового образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью».

Для цитирования

Кузьмина, Т. И. (2021). Использование методики «Сетевой самоотчет» для изучения специфики интернет-социализации подростков и юношей с нарушением интеллекта. *Российский психологический журнал*, 18(1), 5–21. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.1>

Введение

Социальная реализация в Сети для лиц с ограниченными возможностями здоровья и, в частности, для обучающихся с нарушением интеллекта может быть охарактеризована как альтернативная форма социальной адаптации, расширяющая абилитационные предпосылки интеграции таких лиц в социум и активизирующая компенсаторные возможности подростка или юноши с особыми потребностями. Сетевая адаптация может потребовать от педагога и психолога оценки необходимости создания дополнительных специальных условий благополучной сетевой социализации обучающихся с нарушением развития. Качественное своеобразие и потенциальные возможности сетевой социализации лиц с ОВЗ и, в частности, с нарушением интеллекта на сегодняшний день почти не изучены, что представляет собой обширную научную проблему.

Целью данного исследования явилась разработка и апробация методики «Сетевой самоотчет» в контексте изучения отдельных аспектов сетевой социализации лиц подросткового

и юношеского возраста с ОВЗ – в частности, с умственной отсталостью, в сравнении с их нормативно развивающимися сверстниками. Предложенный в настоящей статье подход к изучению специфики интернет-социализации подростков и юношей с нарушением интеллекта и разработанный методический инструментарий обосновываются нами с использованием ряда предварительных рассуждений.

Мы считаем, что сетевая социализация в данном случае должна пониматься не только как процесс развития личности, усвоения сетевого опыта, но и как поликонтекстуальный интегративный модус личностной реализации, демонстрирующий способность субъекта обеспечивать индивидуальное становление в имеющихся разнообразных и изменяющихся сетевых условиях.

Определяющее влияние среди новых технологий информатизации и глобализации современного социума имеет Интернет, становящийся важнейшим социализационным институтом для человека в современном обществе (Arnoux et al., 2017; Данилов, 2012). Интернет транслирует такие характеристики пространства, которые описывают его как нечто, наполненное социальным смыслом и содержанием, несущее в себе и потенциал и риски, поскольку появление виртуальной социальной реальности является одновременно и причиной и результатом сетевых взаимодействий (Beck, 1992; Golbeck, Robles, & Turner, 2011; Данилов, 2012). Интернет, в свою очередь, становится альтернативным полем, где молодой человек имеет расширенные возможности поиска себя и реализации своих интересов (Ярцев, 1999; Карпухин, 2000).

Современная образовательная и коммуникационная среда все более «оцифровывается», сетевое взаимодействие становится основным медиамеханизмом социализации, инициируя масштабные изменения форм и содержания взаимоотношений между людьми разного возраста в сетевом пространстве (Boyd & Pennebaker, 2017; Celli, Bruni, & Lepri, 2014; Маклюэн, 2007).

Сетевое общение представляется специфичной средой для реализации социальных взаимодействий (Farnadi et al., 2016). Ему присущи следующие характеристики: 1) наличие аудитории сетевых ресурсов, обладающей общими ценностными ориентациями; 2) социальная значимость сетевой информации для возникновения и развития межличностного взаимодействия; 3) техническая среда, обеспечивающая процесс сетевого взаимодействия; 4) неоднородность социальной среды / аудитории сетевых ресурсов; 5) иллюзорность свободы поведения и действий; 6) анонимность, позволяющая преодолевать коммуникативные барьеры; 7) редукция невербального общения, частично компенсирующаяся использованием смайлов, эмодзи, аудиосообщений; 8) необходимость «достраивать» образ незнакомого в реальной жизни сетевого собеседника, в том числе с опорой на социальные стереотипы; 9) снижение темпа общения; 10) интенсификация и концентрация информации в вербальном/письменном общении (Dibble & Levine, 2013; Kalimeri, Beiró, Delfino, Raleigh, & Cattuto, 2019; Колокольцева и Лутовинова, 2012; Чуйко, 2012; Данилов, 2012).

Участие субъектов в интернет-сообществах – одна из социально-интегративных форм реализации субъекта в сетевом взаимодействии, обладающая следующими атрибутами: 1) все участники коммуникационного взаимодействия могут строить отношения со всеми; сетевая открытость друг другу рассматривается как альтернатива реальным проявлениям социального пространства, где социальное взаимодействие обусловлено рядом факторов – территорией, временем, функциональными возможностями участников; 2) анонимность как фактор неограниченного ресурса личности для трансформации своего образа, построения моделей поведения, способов реализации своих действий, выступающий как в конструктивном, так

и в деструктивном русле; 3) свобода входа/выхода как основная ценность интернет-сообществ, определяющая реализацию действий субъекта в данном пространстве; 4) конкретность интересов, приводящая к появлению различной виртуальной интеграции, групп общения, сообществ (Данилов, 2012).

Возможности сетевой социализации личности могут быть реализованы в нескольких направлениях: 1) когда субъект интериоризирует сетевые нормы, ценности, модели поведения, становится участником интернет-сообществ, приобретая сетевую грамотность и навыки сетевого взаимодействия; 2) когда субъект социализируется в реальном мире с помощью возможностей виртуального измерения; 3) когда субъект конструирует личный сетевой образ, обладающий презентационным потенциалом, поскольку от качества подачи личной информации зависят и успех социального включения и сетевая безопасность личности.

Обеспечению сетевой безопасности личности способствует поддержание сетевого этикета, различение этичного и неэтичного сетевого поведения, принятие морально-этических норм киберпространства (Maner, 1980; Moor, 2017; Ковалева и Сердюкова, 2015). Сетевая безопасность личности напрямую связана с проблемами кибербезопасности, предупреждения экстремизма и терроризма, насилия и агрессии, мошенничества и преступлений против личности в сетевом поле (Войскунский, 2000, 2010; Горшенин и Дубенский, 2018), соблюдением этических норм контроля информационных потоков при передаче данных (Овчинников и Гришин, 2012; Даниленков, 2014; Кучин, 2010).

Отмечается и различная взаимосвязь уровня морального развития личности и специфики восприятия ею сетевого контента. Так, например, обнаруживается сложная картина связи различных параметров морального развития подростков и продуктивности когнитивных способов переработки социальной информации в Сети. Для подростков с низким уровнем морального развития центральной задачей становится понимание морального содержания социальной информации и выделение морального конфликта, а для подростков с высоким уровнем морального развития – выбор оптимального решения моральной дилеммы на основе представлений о моральных нормах регуляции социальных отношений (Молчанов, Войскунский, Маркина и Бородина, 2019).

Анализ личного сетевого образа, создаваемого субъектом, позволяет определить специфику его коммуникативных умений, ценностные ориентации, потенциальные возможности и уязвимые места личностного становления (Ferwerda & Tkalcic, 2018; Celli et al., 2014; Guntuku, Qiu, Roy, Lin, & Jakhetiya, 2015; Guntuku, Lin, et al., 2017). Информация в индивидуальном сетевом профиле демонстрирует: 1) личностные черты «Большой пятерки» (Big Five) – экстраверсию, открытость опыту, добросовестность, нейротизм, дружелюбие (Azucar, Marengo, & Settanni, 2018); 2) разнообразные эмоциональные состояния (такие как радость, печаль, переживание утраты и т. д.); 3) интересы, увлечения, ценности; 4) особенности поведения в сетевых контактах; 5) наличие ограниченных возможностей здоровья, физические и психические проблемы (например, физические и ментальные отклонения, депрессивные расстройства, мании и т. д.) (Benton, Mitchell, & Hovy, 2017; Bijl, Ravelli, & van Zessen, 1998; Reece et al., 2017; Guntuku, Yaden, Kern, Ungar, & Eichstaedt, 2017).

Феноменология отклоняющихся от нормы состояний субъекта может быть обнаружена как в вербальном контенте, который продуцирует интернет-пользователь, так и в специфике его сетевых контактов, круга общения, фото- и видеоматериала, который он репрезентирует. Например, фотоматериалы в профиле лиц с депрессивными расстройствами не демонстрируют

ярко выраженных эмоциональных проявлений, таких как смех или плач, явная радость или печаль, улыбка или слезы. Изображения эмоционально нейтральны, индивидуализированы и минимально экспрессивны, что связано с притуплением разнополярных эмоциональных переживаний при депрессии и субдепрессии (Andalibi, Ozturk, & Forte, 2015; De Choudhury, Counts, & Horvitz, 2013; Reece et al., 2017; Guntuku, Yaden et al., 2017).

Таким образом, предпосылкой изучения возможностей сетевой социализации лиц с ОВЗ и, в частности, с нарушением интеллекта, в сравнении с их нормативно развивающимися сверстниками, может явиться представление интернет-взаимодействия не только как некоей формы альтернативной коммуникации и способа адаптации в контексте абилитационных перспектив, но и как потенциального источника сетевых рисков личности, которым может быть подвержен интернет-пользователь. Однако в рамках данного направления исследований существует достаточно ощутимый методологический и методический вакуум, преодоление которого связано, в первую очередь, с разработкой и апробацией новых подходов, которые позволяют проводить именно сравнительные исследования при изучении сетевых аспектов социализации лиц с ОВЗ и с нормативным развитием. И если, например, в отношении лиц с дефицитным развитием (в частности, с нарушением зрения или слуха) может быть применима методика, разработанная для лиц с нормативным развитием с учетом модификации предъявления с опорой на сохранный анализатор, то в случае с лицами с нарушением интеллекта использование вербальных методик, разработанных для лиц с нормативным развитием, затруднено и неинформативно, в связи с наличием у лиц данной группы специфики восприятия и переработки когнитивной информации в сочетании с системным недоразвитием речи, не преодолеваемым с возрастом. Затрудненное понимание инструкции к заданию, специфическое восприятие и осмысление содержания вербального контента анкет и опросников, использующихся для лиц с нормативным развитием, приводит к неосознанному, рандомному выбору ответов лицами с нарушением интеллекта, что существенно затрудняет диагностику. В связи с этим методика должна представлять собой некий унифицированный вариант самоотчета, доступный для самостоятельного выполнения лицам с нарушением интеллекта, требующий минимальной организующей помощи экспериментатора и предполагающий ее минимальное воздействие на результат диагностики.

Методы

Для исследования специфики сетевой социализации подростков и юношей с ОВЗ, в том числе с умственной отсталостью, и их нормативно развивающихся сверстников была разработана авторская методика «Сетевой самоотчет» с учетом основополагающих принципов специальной психологии: принципа качественного анализа, принципа комплексности, принципов детерминизма и структурно-динамического изучения. В основе данной методики лежит унифицированный вариант тематических стандартизированных самоотчетов, реализованных в соотношении с областями сетевой социализации, которые мы полагаем важными для подростков и юношей с нормативным и нарушенным интеллектуальным развитием. Самоотчеты респондентов в рамках данных областей представляют разнообразную информацию о возможностях их сетевой социализации:

- 1) информационный блок – информация о половозрастных характеристиках;
- 2) организационный блок – данные о том, как организованы время и деятельность респондента в Сети, его соотношенность с сетевыми правилами поведения, предпочитаемые им сетевые ресурсы;

3) блок «электронная почта и поисковые системы» – формальные данные о наличии электронной почты, частоте ее использования, о способах и целях использования почты и поисковых систем;

4) блок «соцсети и торговые площадки» – информация о предпочтительном использовании соцсетей и осведомленности о торговых сетевых площадках;

5) блок «друзья в Сети» – информация, касающаяся специфики взаимоотношений с сетевыми контактами респондента;

6) лингвистический блок – информация о специфике организации вербального общения респондента в Сети;

7) блок «родительский контроль» – информация об отношении родителей к сетевой активности респондента и способах ее контроля.

«Сетевой самоотчет» представлен 34 вопросами, сформулированными как простые пространственные предложения. Вопросы самоотчета предполагают преимущественно стандартизированные варианты ответов (формулировки являются понятными для лиц с нарушением интеллекта, поскольку предварительно получены методом контент-анализа из материалов бесед с пользователями Интернета разного возраста и разных нозологических групп, в том числе с лицами с умственной отсталостью). У респондентов также есть возможность выбрать нестандартизированный ответ «Другое» в случае трудностей выбора из предложенных вариантов или при желании респондента расширить спектр ответов и сообщить важную, на его взгляд, информацию. Лингвистический материал «Сетевого самоотчета» максимально упрощен для минимизации непонимания и неверной трактовки его семантической вариативности субъектами диагностики и реализации возможности респондентов самостоятельно выполнять данную методику. «Сетевой самоотчет» опосредованно содержит в себе маркеры потенциальной возможности столкновения респондента с сетевыми рисками (высокого и среднего уровня).

В рамках апробации методики «Сетевой самоотчет» было проведено исследование, в котором принимали участие подростки и юноши с нормативным развитием (181 человек) и 119 человек с умственной отсталостью (УО) мужского и женского пола. Для данного исследования был выбран широкий возрастной диапазон, ввиду того, что уже в младшем подростковом возрасте (в некоторых случаях даже раньше) интернет-пространство становится широко доступным для обучающегося: у него появляется собственный гаджет (телефон, планшет, компьютер) и, соответственно, становятся доступны как плюсы сетевого взаимодействия, так и возникают разнообразные сетевые риски. Основными критериями отбора в экспериментальные группы, помимо возрастного и нозологического соответствия, явилось наличие собственного гаджета (например, телефона или планшета) и/или возможный, как под контролем родителей, так и без него, доступ к стационарному домашнему компьютеру с выходом в Интернет, что в нашем понимании априори означало подверженность респондента сетевым рискам в той или иной степени. Выявление динамических внутригрупповых возрастных и гендерных различий не входило в задачи данного апробационного исследования, в связи с чем участники эксперимента разного пола и возраста были объединены в две экспериментальные группы: группа подростков и юношей с умственной отсталостью и группа подростков и юношей с нормативным развитием (табл. 1). Сравнение характеристик выборок производилось с помощью Критерия φ – углового преобразования Фишера (критерия Фишера).

Таблица 1

Нозологическая характеристика субъектов диагностики

Нозология	Младший подростковый возраст (11–12 лет)	Старший подростковый возраст (13–15 лет)	Юношеский возраст (16–18 лет)	Мужской пол	Женский пол	Всего
Нормативное развитие	57	102	22	123	58	181
Умственная отсталость	18	50	51	74	45	119

Результаты

По результатам применения «Сетевого самоотчета» были получены следующие эмпирические данные.

Организационный блок. Подростки и юноши с УО менее активно, чем их нормативно развивающиеся сверстники, используют Интернет для своих целей. Среди них меньше тех, кто проводит в Сети более пяти часов (16,4 %), но выше процент тех, кто проводит в Сети менее часа (31,9 %). Также респонденты обеих групп имеют разный стаж интернет-пользователя. От «менее года» до «более трех лет», что при более подробном изучении не всегда соответствует возрасту (например, младшие подростки в одной и другой исследуемой группе указывают стаж пользователя «более трех лет»).

Сетевой лексикон подростков и юношей с УО значительно скромнее, чем у их нормативно развивающихся сверстников. Несмотря на то, что из 22 предложенных к узнаванию сетевых терминов все были отмечены ими как известные (хотя бы единожды), большая часть данных слов находится в пассивном словаре подростков и юношей с УО и доступна только к узнаванию без последующего воспроизведения в спонтанной речи. Узнавание популярных сетевых терминов показало преимущество респондентов с нормативным развитием. Наиболее популярными терминами явились: «сайт», «пароль», «аккаунт», «чат», «логин», «браузер», «ссылка». Субъекты диагностики с УО имеют представление о сетевых правилах (60,5 %), также как и нормативно развивающиеся сверстники (65,1 %), но часто пренебрегают чтением пользовательских соглашений (38,5 %) и не могут вербализовать знакомые им правила. Респонденты с нарушением интеллекта, как правило, не сталкиваются с фактами блокировки учетной записи в связи с нарушением правил (68,1 %), но отмечают, что хотя бы единожды были заблокированы за нарушения правил (15,1 %) или предупреждены о грозящей блокировке (7,1 %), а регулярную блокировку аккаунтов отметили лишь 8 % опрошенных подростков и юношей с умственной отсталостью.

В Сеть представители обеих групп заходят для просмотра фото- и видеоматериалов, общения с другими людьми, чтения новостей, сетевых игр, покупок в интернет-магазинах, для

поиска информации, учебы и азартных игр. Самыми посещаемыми являются: сайты с играми; сайты для саморазвития; интернет-библиотеки; сайты, связанные с хобби; сайты знакомств и сайты для взрослых (рис. 1).

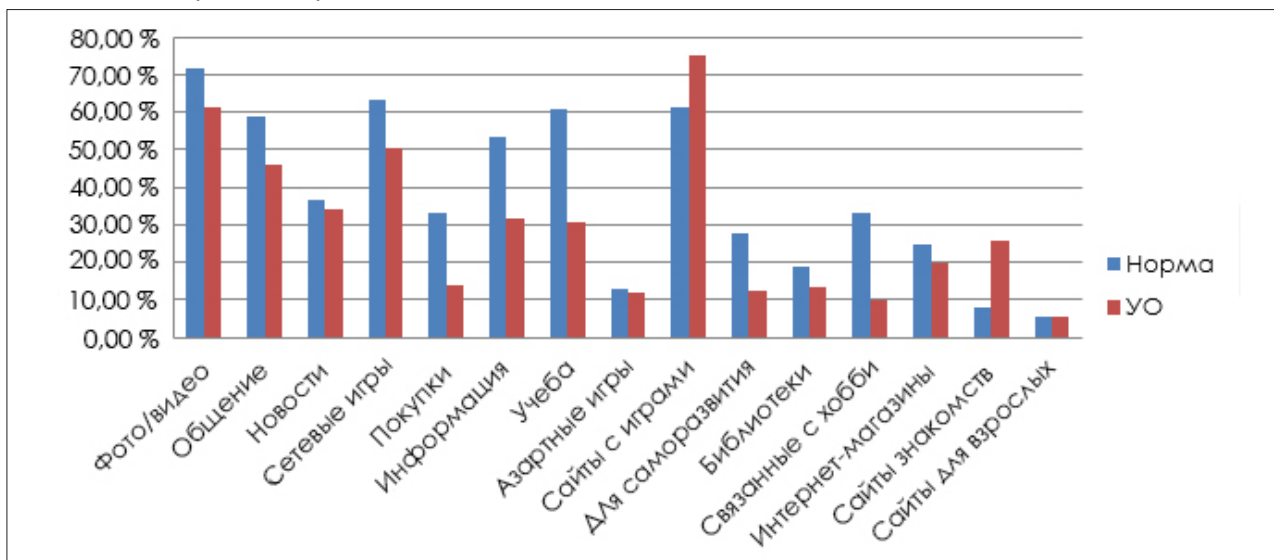

Рисунок 1. Цели посещения интернет-пространства респондентами

Блок «Почта и поисковые системы». Среди респондентов с нормативным развитием больше доля тех, кто использует личную почту – 70%, тогда как среди респондентов с УО только 49,1%. Респонденты с УО активно пользуются почтой друзей и знакомых (16,4%), тогда как респонденты с нормой развития делают это реже (6,7%). Среди подростков и юношей с УО выше процент тех, кто не имеет электронной почты (34,5%). Респонденты с нормативным развитием чаще почту используют для учебы (43,8%) и для передачи информации (40,2%), а респонденты с УО – для общения (46,9%). Обе группы используют почту для оформления интернет-заказов в сетевых магазинах. Респонденты хорошо осведомлены о поисковых системах. Наиболее известными являются «Google», «Яндекс», «Yahoo!», «Рамблер». Респонденты с УО значительно реже, чем нормативно развивающиеся сверстники (61,5%), используют их для поиска учебной информации (37,5%), предпочитая поиск развлечений (60,7%), новостей (33,9%), товаров в интернет-магазинах (19,6%).

Блок «Соцсети и торговые площадки». Респонденты обеих групп ориентированы на общение в соцсетях, заводят в них аккаунты. Лидирует по использованию сеть «Вконтакте». Там чаще всего регистрируются респонденты с нормативным развитием (71,9%) и с умственной отсталостью (71%). В соцсети респонденты, имея интерес к самому содержанию сетевого общения и зная, что у многих их знакомых уже есть там аккаунты, идут, чтобы найти интересных людей. Привлекательными характеристиками соцсетей респонденты обеих групп называют: куплю-продажу вещей, заработок, возможность найти пару, общаться с большим количеством людей, быть «на связи», высказывать мнение, заблокировать неугодного собеседника, организовывать сетевые знакомства, спорить и ругаться, а также возможность нагрубить кому-нибудь без последствий для себя. Идентификация площадок сетевой торговли не представляет трудностей для респондентов, хотя в обеих группах среди традиционных мест сетевой

торговли, таких как «Авито» и «Юла», некоторые респонденты называли сайт «Госуслуги». Также респонденты с нормативным развитием в 6,5 % случаев назвали запрещенную площадку сетевой торговли наркосодержащей продукцией «Гидра», тогда как среди респондентов с умственной отсталостью только один человек обозначил данный ресурс (рис. 2).

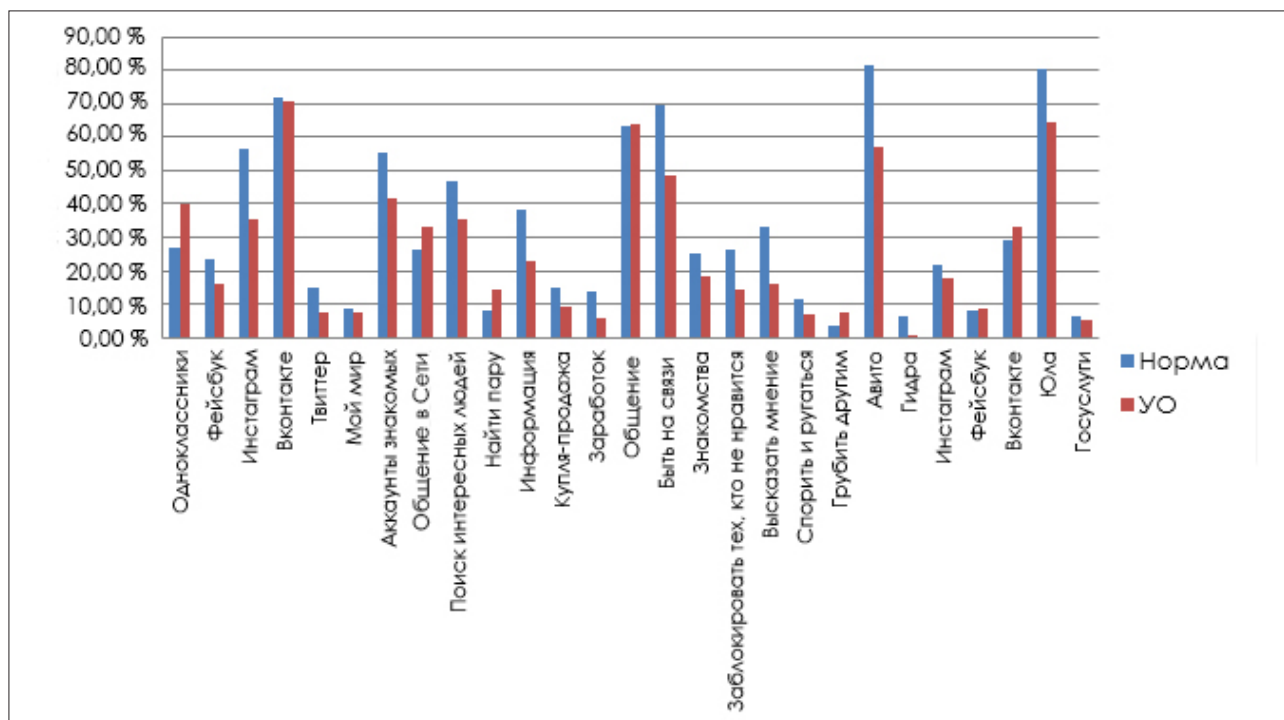

Рисунок 2. Распределение ответов блока «Соцсети и торговые площадки»

Лингвистический блок. Респонденты обеих групп в сетевом взаимодействии используют эмодзи и смайлы. На письме стараются не делать ошибок, но иногда используют обценную лексику для передачи своего эмоционального состояния (рис. 3).

Блок «Родительский контроль». Родители респондентов с УО, по данным самоотчета, больше интересуются контентом и больше контролируют время, проведенное ребенком в Сети, нежели родители их нормативно развивающихся сверстников. При этом респонденты с УО утверждают, что их родителям неизвестен контент, который респонденты этой группы используют или производят. Однако в обеих группах респонденты указывают на наличие родителей, которые в курсе специфики посещаемых сайтов и их сетевых перемещений. Родители могут ограничить время в Сети, но некоторые позволяют детям находиться там столько, сколько они желают. Часть респондентов в обеих группах готова согласиться с родительскими ограничениями, другая часть активно выступает против. Именно респонденты с УО готовы достаточно агрессивно защищать свое сетевое пространство от вмешательства родителей и готовы не позволить заблокировать контент, представляющий для них ценность, но рассматриваемый родителями как вредоносный. Вариативен и родительский контроль времени, проведенного в Сети: от менее, чем 1 час в день до более, чем 5 часов в день (рис. 4).

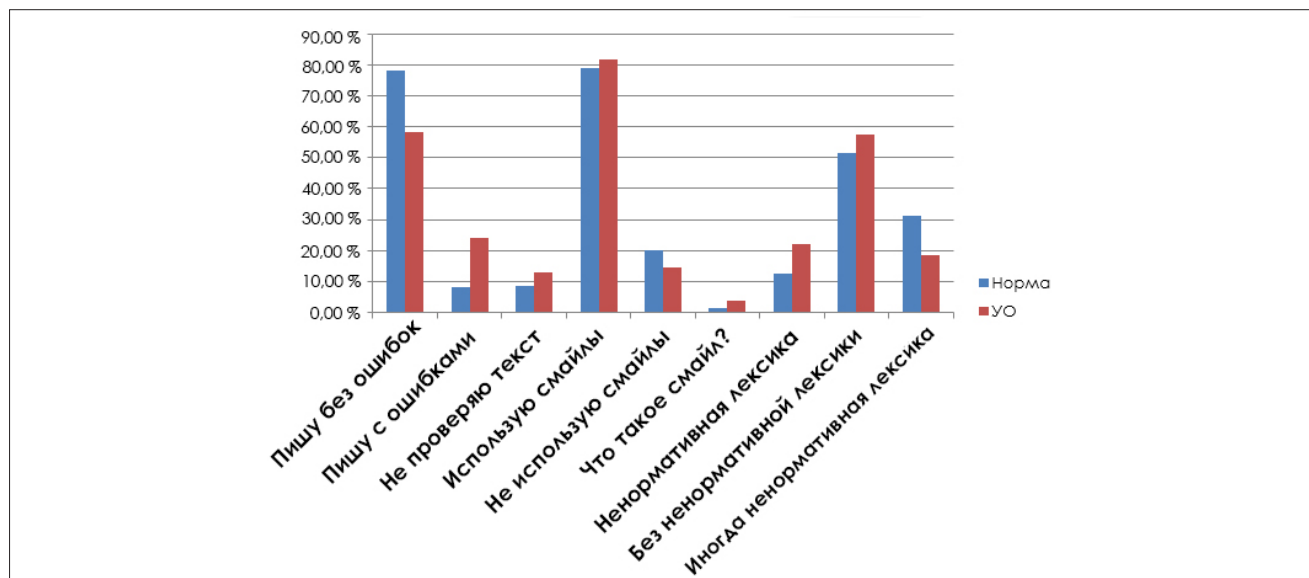

Рисунок 3. Распределение ответов лингвистического блока

Рисунок 4. Характеристика выполнения блока «Родительский контроль»

Статистически подтвержденными данными о специфике процесса сетевой социализации подростков и юношей с умственной отсталостью, по сравнению с их нормативно развивающимися сверстниками, можно считать наличие достоверных различий в сторону большей выраженности признака в группе подростков и юношей с УО по ряду параметров: посещение сайтов с играми (СИ) и сайтов знакомств (СЗ), использование чужой электронной почты для своих нужд (ЧП), отсутствие у респондента электронной почты (ОП), использования электронной почты для общения (ЭПО), использование сети «Одноклассники» (О), наличие более 100 сетевых друзей (СД), агрессивная защита внедрения родителей в свое сетевое пространство (А), отсутствие старания писать без ошибок при общении в сети (БО) (табл. 2).

Таблица 2

Значения критерия Фишера ($F^*_{ЭМП}$) при сравнении выборок по параметрам

	<u>СИ</u>	<u>СЗ</u>	<u>ЧП</u>	<u>ОП</u>	<u>ЭПО</u>	<u>О</u>	<u>СД</u>	<u>А</u>	<u>БО</u>
P	0,05	0,01	0,01	0,01	0,05	0,05	0,05	0,05	0,01
$F^*_{ЭМП}$	1,94	3,991*	2,567*	3,127*	2,212	2,067	1,737	2,161	3,474*

Примечание: * отмечены значения с высокой статистической значимостью.

Маркеры сетевого риска. По параметрам сетевой опасности респонденты с УО продемонстрировали менее частое столкновение как с высокой, так и со средней степенью сетевого риска, по сравнению с нормативно развивающимися сверстниками. Это может быть связано со сниженной познавательной активностью подростков и юношей с УО в Сети, которая в сетевом взаимодействии в норме выражается в интенсивном сетевом поиске контента, сайтов, специфических сообществ, а также с их более низкой осведомленностью об особенностях сетевой реализации. Суммарный процент возможности столкновения с сетевой опасностью среднего уровня по выборке нормативно развивающихся подростков и юношей составляет 23,6 %, по выборке подростков и юношей с УО – 16,9 %, а по сетевым рискам высокого уровня в норме – 18,2 %, при нарушении интеллекта – 12,8 %.

В контексте изучения маркеров потенциального столкновения с сетевыми рисками высокой степени опасности нами были обозначены следующие диагностические позиции: респонденту знакомо понятие «Tor Browser» (1); респонденту знакомо понятие «даркнет» (2); респонденту знакома запрещенная торговая интернет-площадка «Гидра» (3); респондент играет в азартные сетевые игры (4); респондент посещает сайты для взрослых (5); респондент общается в Сети с людьми намного старше себя (ровесниками своих родителей) (6); для респондента общение в Сети привлекательно возможностью грубить другим без последствий (7); родители не ограничивают время, проведенное респондентом в Сети (8); родители не интересуются сетевой активностью респондента (9); респонденту поступают просьбы «скинуть денег» от сетевых знакомых (10); респондент упоминает о возможности агрессивной защиты своего сетевого пространства от вмешательства родителей, используя такие формулировки, как «родители хотят ограничить мое пребывание в Интернете, но я им не позволю!» (11) (рис. 5).

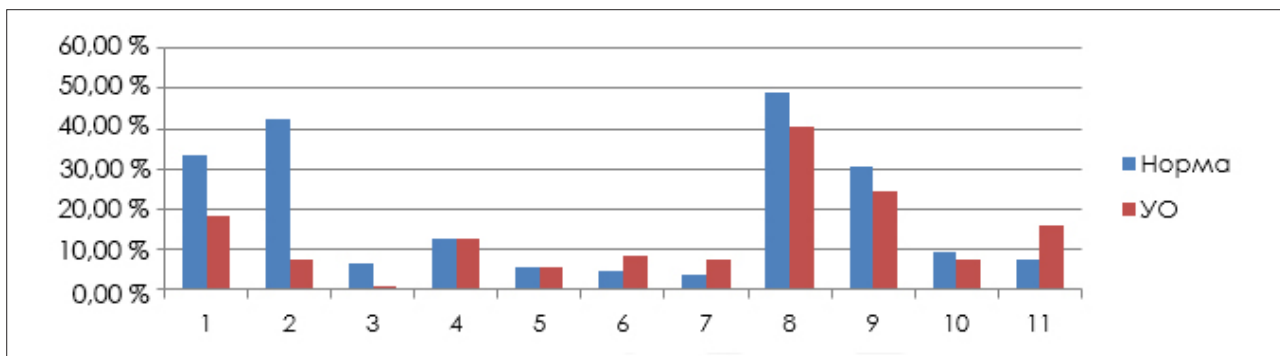

Рисунок 5. Распределение ответов в соотнесении с маркерами высокой сетевой опасности

Маркеры потенциального столкновения с сетевыми рисками средней степени опасности представляют собой следующие диагностические позиции: респонденту знакомо понятие «криптовалюта» (1); респондент рассматривает сетевое взаимодействие как способ заработка (2); для респондента привлекательно сетевое общение из-за возможности без проблем спорить и ругаться (3); респондент общается в Сети с людьми старше себя (4); респонденту поступают просьбы о помощи, и он на них откликается (5); респонденту поступают просьбы передать что-то кому-то (6); респонденту поступают просьбы помочь обмануть или разыграть кого-то (7); у респондента больше 100 сетевых друзей (8); респондент не знает ничего о занятиях его сетевых друзей (9); родители не знают, какие сайты посещает респондент (10); респондент проводит в Интернете более 5 часов в день (11) (рис. 6).

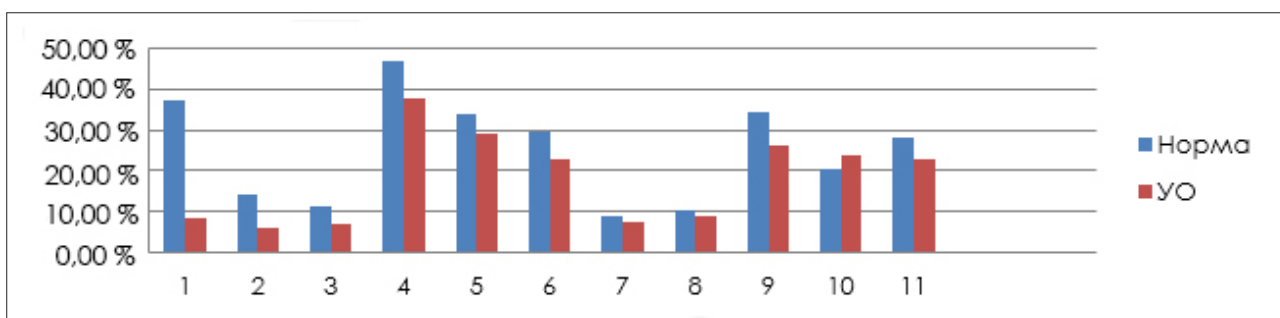

Рисунок 6. Распределение ответов в соотнесении с маркерами средней сетевой опасности

Само по себе наличие в ответах респондента маркеров сетевых рисков не свидетельствует напрямую о том, что подросток или юноша столкнулся с реальной сетевой опасностью. Это, в первую очередь, говорит о широкой сетевой осведомленности респондентов, но в любом случае нуждается в углубленной проверке и изучении в доверительном общении для минимизации сетевых рисков.

Качественный анализ полученных данных указывает на то, что осведомленность подростков и юношей в областях, которые при определенных условиях могут продуцировать сетевые риски, свидетельствует:

1) о том, что они наблюдали действие потенциально вредоносных факторов на чужих примерах;

2) о том, что они общаются с теми, кто уже подвержен воздействию данных факторов риска;

3) о том, что подросток или юноша сам создает такие риски другим участникам сетевого взаимодействия;

4) о том, что подросток или юноша напрямую подвергался сетевому риску (осознавая / не осознавая этого);

5) о том, что подросток или юноша попал в рискованную сетевую ситуацию и находится в ней в данный момент;

6) о том, что подросток или юноша осведомлен о теневых сторонах сетевого взаимодействия и это помогает ему избегать рисков.

Маркеры сетевого риска в поведении подростка или юноши должны изучаться индивидуально и всесторонне. Пристальное внимание стоит обращать как на факты столкновения с потенциальной сетевой опасностью, так и на факты, когда респондент не представляет, какие факторы сетевого взаимодействия могут нести потенциальную опасность. Низкая интенсивность сетевого взаимодействия, ограниченный опыт сетевых контактов, низкая осведомленность о сетевых «теневых» феноменах могут являться фактором риска возникновения потенциально опасного сетевого поведения в будущем. И тогда подросток или юноша с УО или нормативным развитием может некритично отнестись к поступающей сетевой информации или негативным сетевым интенциям других лиц в свой адрес ввиду отсутствия элементарных знаний в этой области.

Обсуждение результатов

Полученные в апробационном исследовании данные указывают на доступность методики «Сетевой самоотчет» для понимания и самостоятельного выполнения респондентами с умственной отсталостью и на возможность ее потенциального использования для сравнительных исследований респондентов разных нозологических групп. С помощью данной методики были выявлены общие проявления сетевого взаимодействия подростков и юношей с нормативным развитием и нарушенным интеллектом. К ним относятся: широкое использование возможностей Интернета; высокая мотивация к использованию Сети для своих нужд; относительно успешные попытки реализации такого использования для просмотра фото и видео, поиска разнообразной, в том числе учебной, информации, сетевых игр, развлечений с применением интересного мультимодального контента. Отмечено также наличие широкого диапазона сетевых терминов в пассивном словаре, частичное знакомство с сетевым этикетом. Стаж сетевого пользователя к подростковому возрасту составляет в большинстве случаев от года до трех лет, к юношескому возрасту – свыше трех лет.

Для респондентов обеих групп характерны попытки наладить сетевое общение с людьми различных возрастов, желание выражать себя и свои эмоции с помощью разнообразных вербальных и визуально-эмотивных средств, в том числе с помощью эмодзи, смайлов, ненормативной лексики, стремление познакомиться с теневой стороной сетевой жизни, посещение сайтов знакомств и сайтов для взрослых. Небольшая часть респондентов готова вступать в полемику в Сети. Некоторые респонденты готовы ссориться и ругаться с сетевыми визави, но желательно без последствий для себя.

Полученные нами данные отчасти перекликаются с результатами исследования (Собкин и Федотова, 2019), рассматривающего Сеть как пространство социализации современного

подростка, в котором принимали участие обучающиеся с 5 по 11 класс, и указывающего на иерархию важности функций Сети в понимании подростка: обеспечение возможности «общения с друзьями и родственниками», «поиск новых знакомств, расширение круга друзей», «возможность развлечься» и «найти нужную информацию», полезность использования социальных сетей в «обучении», для «самообразования» и «саморазвития», поиск «романтических знакомств» или «профессиональных контактов».

К специфическим особенностям интернет-социализации подростков и юношей с УО, по сравнению с нормативно развивающимися сверстниками, выявленным при апробации методики «Сетевой самоотчет», можно отнести: более низкую сетевую осведомленность (в том числе о теневой стороне Сети); более низкие сетевую мобильность и переключаемость; предпочтительное использование Сети для общения, игр, знакомств и поиска пары, нежели для учебы, заработка, купли-продажи, саморазвития. Респонденты с УО чаще посещают сайты знакомств, имеют высокую, но зачастую недостаточно реализуемую в сетевом контексте потребность в общении. Отмечается феномен «сетевой гиперсоциализации», когда качество межличностного сетевого взаимодействия снижается из-за попыток общаться как можно с большим количеством людей (например, у субъекта может быть больше 100 сетевых друзей). У респондентов с УО присутствует более низкая интенсивность вербального сетевого общения, сложность восприятия собеседника. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что при общении в Сети используются преимущественно вербальные средства, применение которых затруднено при нарушении интеллекта (в силу системного недоразвития речи). Также в сетевом общении, как правило, затруднено/невозможно восприятие мимики и непосредственных эмоциональных проявлений собеседника (что отчасти компенсируется использованием в переписке эмодзи и смайлов или с помощью аудиосообщений и общения по видеосвязи). Респонденты данной группы чаще упоминают о возможности агрессивной защиты своего сетевого пространства от вмешательства родителей, нежели их сверстники с нормой развития.

Таким образом, методика «Сетевой самоотчет» может быть использована при анализе сетевого взаимодействия респондента, сборе массива данных в рамках одного класса, одной параллели, одной нозологической группы респондентов и в качестве скрининга столкновения обучающегося с потенциальными сетевыми рисками. Подход к изучению специфики сетевого взаимодействия подростков и юношей с нормативным и нарушенным развитием с помощью самоотчета интернет-пользователя помимо своей информативной составляющей побуждает респондента к самоанализу, что активизирует рефлексивный механизм самосознания, находящийся в подростковом и юношеском периоде в своей сензитивной фазе, и открывает направления психолого-педагогической поддержки.

Необходимо расширять данное направление изучения в рамках анализа полученных данных не только по ведущему нарушению, но и по возрастным диапазонам в рамках одной нозологической категории, а также формировать выборки, включающие разнообразные категории обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в рамках сравнительных исследований, изучать уровни сетевой социализации и т. д.

Необходима разработка методик более углубленного исследования приверженности респондентов сетевым рискам на базе сравнения декларируемых ими фактов сетевого взаимодействия с их реальным поведением в Сети и анализом их цифровых следов (digital footprint). Целесообразно создание обучающих материалов для повышения цифровой осведомленности

обучающихся с нормативным и нарушенным развитием, их родителей и педагогов, а также формирование методов и способов психологической и педагогической поддержки сетевой социализации подростков и юношей с особыми образовательными потребностями.

Литература

- Войскунский, А. Е. (2000). Феномен зависимости от Интернета. В А. Е. Войскунский (ред.), *Гуманитарные исследования в Интернете* (с. 100–131). Москва: Можайск-Терра. Доступ 12 февраля 2021, источник https://cyberpsy.ru/docs/gumanitarnye_issledovaniya_v_Internete_voyskunskiy.pdf
- Войскунский, А. Е. (2010). Информационная безопасность: психологические аспекты. *Национальный психологический журнал*, 1, 48–53.
- Горшенин, А. А. и Дубенский, И. В. (2018). Охрана неприкосновенности частной жизни в сети Интернет. *Молодой ученый*, 19, 279–282.
- Даниленков, А. В. (2014). *Интернет-право*. Москва: Юстицинформ.
- Данилов, С. А. (2012). Риски и потенциал интернет-социализации молодежи. *Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 12(2), 42–46.
- Карпухин, О. И. (2000). Молодежь России: особенности социализации и самоопределения. *Социологические исследования*, 3, 124–128.
- Ковалева, Н. Д. и Сердюкова, Е. А. (2015). Этический аспект в ИКТ. *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*, 3–4, 745–752.
- Колокольцева, Т. Н. и Лутовинова, О. В. (ред.). (2012). *Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография*. Москва: Флинта; Наука.
- Кучин, И. Ю. (2010). Защита конфиденциальности персональных данных с помощью обезличивания. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика*, 2, 158–162.
- Маклюэн, М. (2007). *Понимание Медиа: внешние расширения человека* (В. Г. Николаева, пер. с англ.). Москва: Гиперборей; Кучково поле.
- Молчанов, С. В., Войскунский, А. Е., Маркина, О. С. и Бородина, А. С. (2019). Особенности когнитивной переработки социальной информации подростками с разным уровнем морального развития. *Национальный психологический журнал*, 4, 3–11. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0401>
- Овчинников, С. А. и Гришин, С. Е. (2012). Информационно-этические проблемы построения информационного общества. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, 1, 206–210.
- Собкин, В. С. и Федотова, А. В. (2019). Сеть как пространство социализации современного подростка. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(3), 119–137. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270308>
- Чуйко, А. Е. (2012). Этическое измерение сети интернет. *Ученые записки Российского государственного социального университета*, 10, 57–59.
- Ярцев, Д. В. (1999). Особенности социализации современного подростка. *Вопросы психологии*, 6, 54–59.
- Andalibi, N., Ozturk, P., & Forte, A. (2015). Depression-related imagery on Instagram. In *Proceedings of the 18th ACM conference companion on computer supported cooperative work & social computing* (pp. 231–234). <https://doi.org/10.1145/2685553.2699014>

- Arnoux, P.-H., Xu, A., Boyette, N., Mahmud, J., Akkiraju, R., & Sinha, V. (2017). 25 tweets to know you: A new model to predict personality with social media. In *Proceedings of the international AAAI conference on web and social media* (Vol. 11, № 1, pp. 472–475). Retrieved from <https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/14963>
- Azucar, D., Marengo, D., & Settanni, M. (2018). Predicting the Big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis. *Personality and Individual Differences*, 124, 150–159. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.12.018>
- Beck, U. (1992). *Risk society. Toward a new modernity*. London: Sage Publications.
- Benton, A., Mitchell, M., & Hovy, D. (2017). Multi-task learning for mental health using social media text. In *Proceedings of the 15th conference of the EACL* (pp. 152–162). Retrieved from <https://arxiv.org/pdf/1712.03538>
- Bijl, R. V., Ravelli, A., & van Zessen, G. (1998). Prevalence of psychiatric disorder in the general population: Results of the Netherlands Mental Health Survey and Incidence Study (NEMESIS). *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 33, 587–595. <https://doi.org/10.1007/s001270050098>
- Boyd, R. L., & Pennebaker, J. W. (2017). Language-based personality: A new approach to personality in a digital world. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 18, 63–68. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2017.07.017>
- Celli, F., Bruni, E., & Lepri, B. (2014). Automatic personality and interaction style recognition from Facebook profile pictures. In *Proceedings of the 22nd ACM international conference on multimedia* (pp. 1101–1104). <https://doi.org/10.1145/2647868.2654977>
- De Choudhury, M., Counts, S., & Horvitz, E. (2013). Social media as a measurement tool of depression in populations. In *Proceedings of the 5th annual ACM web science conference* (pp. 47–56). <https://doi.org/10.1145/2464464.2464480>
- Dibble, J. L., & Levine, T. R. (2013). Sharing good and bad news with friends and strangers: Reasons for and communication behaviors associated with the MUM effect. *Communication Studies*, 64(4), 431–452. <https://doi.org/10.1080/10510974.2013.770407>
- Farnadi, G., Sitaraman, G., Sushmita, S., Celli, F., Kosinski, M., Stillwell, D., ... De Cock, M. (2016). Computational personality recognition in social media. *User Modeling and User-Adapted Interaction*, 26, 109–142. <https://doi.org/10.1007/s11257-016-9171-0>
- Ferwerda, B., & Tkalcic, M. (2018). *You are what you post: What the content of Instagram pictures tells about users' personality*. IUI Workshops. Retrieved from <http://ceur-ws.org/Vol-2068/humanize2.pdf>
- Golbeck, J., Robles, C., & Turner, K. (2011). Predicting personality with social media. In *CHI'11 extended abstracts on human factors in computing systems* (pp. 253–262). <https://doi.org/10.1145/1979742.1979614>
- Guntuku, S. C., Lin, W., Carpenter, J., Ng, W. K., Ungar, L. H., & Preoțiu-Pietro, D. (2017). Studying personality through the content of posted and liked images on Twitter. In *Proceedings of the 2017 ACM on web science conference* (pp. 223–227). <https://doi.org/10.1145/3091478.3091522>
- Guntuku, S. C., Qiu, L., Roy, S., Lin, W., & Jakhetiya, V. (2015). Do others perceive you as you want them to?: Modeling personality based on selfies. In *Proceedings of the 1st international workshop on affect & sentiment in multimedia* (pp. 21–26). <https://doi.org/10.1145/2813524.2813528>
- Guntuku, S. C., Yaden, D. B., Kern, M. L., Ungar, L. H., & Eichstaedt, J. C. (2017). Detecting depression and mental illness on social media: An integrative review. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 18, 43–49. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2017.07.005>
- Kalimeri, K., Beiró, M. G., Delfino, M., Raleigh, R., & Cattuto, C. (2019). Predicting demographics, moral foundations, and human values from digital behaviours. *Computers in Human Behavior*,

Кузьмина Т. И.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИКИ «СЕТЕВОЙ САМООТЧЕТ»...

Российский психологический журнал, 2021, Т. 18, № 1, 5–21. doi: 10.21702/rpj.2021.1.1

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

92, 428–445. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.11.024>

Maner, W. (1980). *Starter kit in computer ethics*. Helvetia Press and the National Information and Resource Center for Teaching Philosophy.

Moor, J. H. (2017). What is computer ethics? In K. Miller, M. Taddeo (Eds.), *The ethics of information technologies* (pp. 15–24). <https://doi.org/10.4324/9781003075011-1>

Reece, A. G., Reagan, A. J., Lix, K. L. M., Dodds, P. S., Danforth, C. M., & Langer, E. J. (2017). Forecasting the onset and course of mental illness with Twitter data. *Scientific Reports*, 7. <https://doi.org/10.1038/s41598-017-12961-9>

Дата получения рукописи: 31.10.2020

Дата окончания рецензирования: 10.02.2021

Дата принятия к публикации: 12.02.2021

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Кузьмина – старший научный сотрудник лаборатории образования и комплексной абилитации лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата и множественными нарушениями развития ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики Российской академии образования», доцент кафедры специальной психологии и реабилитологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 1256-8515, Researcher ID: M-5969-2013.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.937

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.2>

Взаимосвязь самоотношения и глазодвигательных паттернов при восприятии женщинами собственного лица

Наталья П. Яровая¹, Елена Р. Аравийская², Вероника С. Зуева^{3✉}, Ксения А. Скуратова⁴, Евгений Ю. Шелепин⁵

¹ Клиника «Скандинавия АВА-ПЕТЕР», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Нейроиконика Ассистив, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

^{4,5} Институт физиологии им. И. П. Павлова Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

¹ dr.yarovaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7256-1550>

² arelenar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6378-8582>

³ neurom.v.s@gmail.com ✉, <https://orcid.org/0000-0002-7997-4654>

⁴ kseksuratova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8371-4348>

⁵ sey2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3124-5540>

Аннотация

Введение. Доказывается актуальность исследования окулomotorной активности при восприятии собственного лица в контексте самоотношения. Анализ глазодвигательной активности позволяет лучше понять перцептивные стратегии восприятия собственной внешности и изучить их взаимосвязь с механизмами самоотношения. Новизна заключается в изучении восприятия собственного лица с применением айтрекинга на психически здоровой выборке женщин и сопоставление полученных метрик с самоотношением женщин. У молодых женщин восприятие собственных привлекательных черт и недостатков связано с компонентами самоотношения, включающими оценку окружающих; для женщин зрелого возраста более характерен механизм, ориентированный на внутренние процессы своего Я.

Методы. Использовались психодиагностический метод («Опросник самоотношения» В. В. Столина, С. Р. Пантлеева), структурированное интервью, психофизиологический метод айтрекинга. Обследована 31 женщина в возрасте от 20 до 48 лет.

Результаты. У молодых женщин обнаружена статистически значимая взаимосвязь между: индексом внимания к привлекательным чертам внешности и такими компонентами самоотношения, как аутосимпатия ($r = 0,581$), самообвинение ($r = -0,589$), самоинтерес ($r = 0,543$), самопонимание ($r = 0,509$); процентом времени, уделяемым просмотру привлекательных черт внешности, и интегральной шкалой самоотношения ($r = 0,513$); процентом времени, уделяемым просмотру недостатков внешности, и отношением Других ($r = 0,616$),

самообвинением ($r = 0,522$). У зрелых женщин коррелируют: индекс внимания к привлекательным чертам внешности и самоуважение ($r = 0,610$); общее время просмотра собственного лица и самоинтерес ($r = 0,524$); процент времени, уделяемый просмотру недостатков внешности, и самоуважение ($r = -0,548$).

Обсуждение результатов. Рассматриваются два механизма восприятия собственной внешности, в зависимости от возрастной группы респондентов. Экстернальный механизм самовосприятия характерен для молодых женщин, интернальный – для зрелых женщин. Делается вывод о практической значимости исследования и возможности применения врачами-косметологами, пластическими хирургами и психологами.

Ключевые слова

восприятие лиц, движения глаз, окулография, самоотношение, аутосимпатия, самообвинение, самоинтерес, самопонимание, самоуважение, отношение других

Основные положения

- ▶ внешность является одним из ключевых показателей самоидентификации и влияет на самоотношение; в свою очередь, самоотношение отражается на самовосприятии внешности и проявляется в фокусе повышенного внимания к каким-либо свойствам или чертам внешности;
- ▶ восприятие своего лица молодыми женщинами связано с такими компонентами самоотношения, как: аутосимпатия, самообвинение, самоинтерес, самопонимание, интегральная шкала самоотношения, отношение других;
- ▶ восприятие своего лица зрелыми женщинами связано с такими компонентами самоотношения, как самоуважение и самоинтерес.

Благодарности

Выражаем благодарность Исаевой Елене Рудольфовне (ФБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова») за помощь в структурировании материала, поддержку научных интересов и критический пересмотр содержания исследования, Соколовскому Евгению Владиславовичу (ФБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова») и Богатенкову Алексею Игоревичу (клиника «Галактика») за помощь в организации исследования, а также Сорокиной Алене Валерьевне за создание фото для стимульного материала.

Для цитирования

Яровая, Н. П., Аравийская, Е. Р., Зуева, В. С., Скуратова, К. А. и Шелепин, Е. Ю. (2021). Взаимосвязь самоотношения и глазодвигательных паттернов при восприятии женщинами собственного лица. *Российский психологический журнал*, 18(1), 22–33. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.2>

Введение

Перцептивная обработка человеческих лиц является быстрым и точным когнитивным процессом, составляющие которого хорошо изучены психофизиологами. На основании эмпирических данных были разработаны различные теоретические концепты визуальной обработки лиц, наиболее известной из которых является функциональная модель. Согласно этой

модели, предполагается, что в процессе восприятия лиц человек получает несколько типов информации: графическую, структурную, семантическую, а также информацию, связанную с экспрессивной составляющей выражения лица (Bruce & Young, 1986; Russell, Duchaine, & Nakayama, 2009). Способность распознавать лица зависит от множества психологических и психофизиологических особенностей человека и может быть нарушена при возникновении прозопагнозии (Garrido, Duchaine, & Nakayama, 2008).

Несмотря на большое количество исследований по распознаванию лиц других людей, существует относительно мало исследований, посвященных восприятию собственного лица. Наше собственное лицо является важнейшим аспектом нашей идентичности и, в то же время, это самое знакомое лицо для каждого из нас (Tsakiris, 2008). Большинство исследований посвящено взаимосвязи различных психиатрических диагнозов и органических нарушений с особенностями перцептивной обработки образа своего лица. В отличие от других лиц, ментальный образ нашего собственного лица был сформирован путем многократных наблюдений в течение долгого времени (Tong & Nakayama, 1999). Перцептивная обработка собственного лица может нарушаться при многих нейropsychологических расстройствах: например, люди с повреждениями гиппокампа и парагиппокампальной извилины чаще, чем здоровые люди, распознают собственное лицо как незнакомое. Пациенты с поражением верхней лобной извилины и верхней височной борозды, напротив, чаще принимают чужое лицо за свое (Sui, Chechlacz, Rotshtein, & Humphreys, 2015). Психические расстройства также влияют на визуальную обработку собственного лица: например, около 10% пациентов, страдающих шизофренией, не могут узнать себя на фотографиях, хотя они сравнительно хорошо справляются с распознаванием знакомых и незнакомых лиц (Irani et al., 2006; Heinisch, Wiens, Gründl, Juckel, & Brüne, 2013).

Угрозы нарушения целостности лица приводят к серьезной потере чувства идентичности, к примеру, в результате обезображивания лица (Callahan, 2005). Несмотря на это, ментальный образ собственного лица не является статичным, обладает пластичностью и подвержен мультисенсорному влиянию. Данная пластичность является адаптивным качеством для поддержания целостного чувства Я, несмотря на физические изменения, с которыми сталкивается человек с течением времени (Felisberti & Musholt, 2014; Walton & Hills, 2012).

Перцептивная обработка собственного лица происходит благодаря другим нейронным процессам, по сравнению с обработкой других лиц, даже если происходит процедура сравнения собственного лица с хорошо знакомыми лицами (Alzuet, Melcón, Poch, & Capilla, 2019). Восприятие собственного лица отличается от восприятия других лиц и внешних частей тела тем, что мы можем видеть свои лица только косвенно (например, на фотографии или в отражении в зеркале). Идентификация собственного лица требует ориентации на себя из децентрализованной позиции и указывает на высокую значимость стимулов, связанных с самим собой (Heinisch, Dinse, Tegenthoff, Juckel, & Brüne, 2011).

Самосознание является одним из наиболее сложных проявлений человеческого познания и считается необходимым условием для чувства «Я и Другие» (Gallup, 1970; Keenan et al., 1999). Самосознание существует в различных областях: например, в физической сфере это образ тела, а в психической сфере – совокупность специфических черт и качеств, которыми обладает индивид (James, 1890).

Распознавание собственного лица имеет решающее значение для чувства идентичности и поддержания целостного самоощущения. Образы, к которым мы имеем доступ, – это те же

самые образы, которые могут видеть другие. Дети (в возрасте от 1,5 до 2 лет) уже способны к определенному уровню самопознания при восприятии собственного лица в отражении в зеркале (Suddendorf, Simcock, & Nielsen, 2007). Эта способность считается предпосылкой для рефлексивного самосознания (Gallup, 1970; Lewis, 2003), потому что она способствует построению и извлечению перцептивного образа лица (Young & Brédart, 2004; Gallup, 1998). Таким образом, распознавание собственного лица часто определяется как признак рефлексивного самосознания, которое следует отличать от других, более базовых форм самосознания (Zahavi & Roepstorff, 2011).

Одним из важных аспектов Я, который открыт для эмпирического исследования, являются механизмы внимания, задействованные в обработке информации, относящейся к Я (Sui & Gu, 2017).

Современные исследования восприятия собственной внешности отличаются несколькими особенностями. Во-первых, они посвящены изучению восприятия образа тела, что в большей степени касается телосложения, а не лица (Thaler et al., 2018). Во-вторых, они проводятся на выборке людей с психическими расстройствами – в первую очередь, с дисморфофобией (Ritter et al., 2020), расстройствами пищевого поведения (Esposito, Cieri, di Giannantonio, & Tartaro, 2018), а также депрессией (Aftanas et al., 2019) и шизофренией (Caputo et al., 2012). В-третьих, часто предметом исследования является лицо, имеющее видимые отклонения от нормы вследствие травм и опухолей челюстно-лицевой области (Callahan, 2005), расщелины неба (Meyer-Marcotty, Gerdes, Stellzig-Eisenhauer, & Alpers, 2011).

В отечественной психологии исследования восприятия внешности велись в рамках социально-перцептивного подхода. Внешность человека изучалась как одна из составляющих процесса общения, а лицо, по словам А. А. Бодалева, является важнейшим инструментом общения (Бодалев, 1982). Собственный внешний облик воспринимается отраженным Другими.

По мнению российских исследователей, на удовлетворенность собственной внешностью влияют, в первую очередь, личностные характеристики, такие как перфекционизм (Варлашкина и Дементий, 2010) и самоотношение к образу физического Я (Черкашина, 2012), а также паттерн привязанности (Цуркин и Разуваева, 2013). Например, степень самопринятия телесного Я выше у женщин с высоким уровнем общего перфекционизма и низким уровнем социально предписываемого перфекционизма (Варлашкина и Дементий, 2010).

Значимую роль играют используемые методы исследования. Изучение глазодвигательной активности при распознавании собственного лица позволяет не только получить объективные данные о самовосприятии, но и лучше понять перцептивные стратегии, лежащие в основе фундаментальной составляющей как физического, так и рефлексивного самосознания.

Методы

В исследовании приняла участие 31 женщина в возрасте от 20 до 48 лет (средний возраст $35,5 \pm 7,3$ года), из них 16 человек вошли в группу «молодых женщин» (средний возраст $29,5 \pm 4,3$ года), 15 – в группу «зрелых женщин» (средний возраст $41,9 \pm 3,3$ года).

Ход исследования

В качестве стимульного материала использовались цветные портретные фотографии респонденток, сделанные в фотостудии перед началом эксперимента. Для создания стимульных фото не использовались макияж и постобработка. Далее каждой респондентке была предъявлена ее фотография на мониторе компьютера, регистрация взгляда производилась

при помощи айтрекера. Структурированное интервью и заполнение опросника проводились после просмотра фотографии.

В исследовании были использованы следующие *методы*:

Метод опроса представлен структурированным интервью, в ходе которого были получены биографические данные респондентов, а также информация о том, что в своей внешности женщины считают привлекательными чертами, а что их не устраивает (примеры вопросов: «Какую часть лица Вы считаете особенно привлекательной?», «Назовите то, что Вас не устраивает в своей внешности (зона лица)», «Какой Вы считаете более привлекательную сторону (по отношению к себе) – правую или левую (“рабочий ракурс”)?»). Структурированное интервью проводил интервьюер, фиксируя данные ответов в формате записи на бумаге. Затем эти данные были перенесены в электронный формат в таблицу Excel. Таким образом, для каждой женщины был получен уникальный набор черт (например: глаза, губы, нос – привлекательные черты; овал лица, морщины – недостатки), которые они считают своими привлекательными чертами либо недостатками. Именно эти показатели были выделены в качестве зоны интереса при дальнейшей обработке данных.

Психодиагностический метод представлен методикой «Опросник самооотношения» (Гуревич и Борисова, 1997; Столин и Пантилеев, 1988). Опросник включает в себя 57 утверждений, на основании которых выделяются следующие шкалы: «интегральная шкала самооотношения», «самоуважение», «аутосимпатия», «ожидаемое отношение от других», «самоинтерес». Опросник содержит также семь шкал, направленных на измерение выраженности установки на те или иные внутренние действия в адрес Я испытуемого: «самоуверенность», «отношение других», «самопринятие», «саморуководство», «самообвинение», «самоинтерес», «самопонимание».

Психофизиологический метод: метод окулографии с применением программно-аппаратного комплекса «Нейробюро», включающего айтрекер GP3HD с частотой дискретизации 150 Гц (Шелепин, Шелепин и Скуратова, 2019).

Окулография проводилась специалистом по айтрекингу. Для прохождения исследования было организовано место с учетом требований к айтрекинг-исследованиям (отсутствие засветки айтрекера; место, позволяющее неподвижно сидеть респонденту в течение эксперимента). Респондент располагался напротив компьютера, на котором в дальнейшем предъявлялось изображение. Специалист давал следующую инструкцию: «Сначала Вам нужно будет последить за красной точкой, чтобы айтрекер произвел калибровку. После этого будет предъявлено Ваше фото – посмотрите, пожалуйста, как Вы получились, всё ли Вас устраивает. Вы не ограничены по времени. По окончании просмотра нажмите “пробел”». Таким образом, респондент мог просматривать собственное изображение без ограничения по времени и самостоятельно завершить эксперимент путем нажатия на клавишу «пробел».

Для статистического анализа окуломоторной активности были выделены области интереса на основании данных, полученных от респондентов в ходе проведения структурированного интервью (уникальный набор привлекательных черт и недостатков внешности для каждой женщины). Таким образом, в дальнейший анализ вошли такие зоны, как привлекательные черты внешности, недостатки внешности. По данным областям были проанализированы следующие показатели глазодвигательной активности:

- 1) общее время просмотра собственного лица;
- 2) процент времени, уделяемый просмотру привлекательных черт внешности;
- 3) процент времени, уделяемый просмотру недостатков внешности;

- 4) время до первой фиксации на привлекательных чертах внешности;
- 5) время до первой фиксации на недостатках внешности;
- 6) количество возвратов к просмотру привлекательных черт внешности;
- 7) количество возвратов к просмотру недостатков внешности;
- 8) индекс внимания к привлекательным чертам внешности.

Статистическая обработка полученных в ходе исследования данных осуществлялась с помощью статистического программного обеспечения R (версия 3.5.1) с применением коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты

По результатам структурированного интервью были обнаружены следующие особенности самовосприятия привлекательных черт и недостатков внешности. В качестве привлекательных черт внешности молодые женщины чаще называли глаза (34 %), губы (22 %), нос (11 %), зрелые женщины – губы (32 %), глаза (26 %), нос (11 %). Среди недостатков молодые женщины чаще отмечали подбородок (23 %), нос (19 %), состояние кожи, воспаления (15 %). Зрелые женщины чаще всего считают недостатками морщины, носогубные складки (18 %), овал лица (14 %), веки (14 %).

В результате исследования были выявлены различия в механизме самовосприятия своего лица у «молодых» и «зрелых» женщин в зависимости от доминирующих характеристик самооотношения.

На восприятие недостатков молодыми женщинами оказывают влияние такие характеристики самооотношения, как «отношение других» ($r = 0,616$; $p = 0,010$) и «самообвинение» ($r = 0,522$; $p = 0,038$). Важность мнения и отношения со стороны других людей и склонность к самообвинению и отрицанию эмоций в адрес своего Я способствуют большей длительности фиксаций на своих недостатках.

Это утверждение также прослеживается во взаимосвязи показателя окулomotorной активности «индекс внимания к привлекательным чертам внешности» и показателей самооотношения. Так, «самообвинение» ($r = -0,589$; $p = 0,016$) – с отрицательным коэффициентом корреляции, что свидетельствует о том, что чем меньше уделяется внимания привлекательным чертам, тем больше свойственны открытость к восприятию отрицательных эмоций в свой адрес и склонность к самообвинению. В показателях «аутосимпатия» ($r = 0,581$; $p = 0,018$), «самоинтерес» ($r = 0,543$; $p = 0,029$), «самопонимание» ($r = 0,509$; $p = 0,043$) прослеживается положительная корреляция с показателем «индекс внимания к привлекательным чертам внешности»: это означает, что молодые женщины, находящиеся в гармонии с собой, проявляющие интерес к собственным мыслям и чувствам, готовые общаться с собой «на равных» и уверенные в своей «интересности» для других, больше фиксируются на своих привлекательных чертах, нежели на недостатках, что, в свою очередь, подкрепляет их самооценку и самооотношение ($r = 0,513$; $p = 0,014$).

Значения коэффициентов корреляции Спирмена между показателями окулomotorной активности и шкальными оценками самооотношения у молодых женщин представлены в таблице 1.

Восприятие недостатков внешности зрелыми женщинами связано с таким компонентом самооотношения, как «самоуважение» ($r = -0,548$; $p = 0,034$), он касается внутренней последовательности, самопонимания, самоуверенности. Можно предположить, что чем меньше у зрелых женщин уверенности в собственных силах и возможностях, тем больше они фиксируются на недостатках своей внешности.

Таблица 1			
Взаимосвязь показателей окулomotorной активности при просмотре собственного лица и самооотношения у молодых женщин (n = 16)			
<u>Показатели окулomotorной активности</u>	<u>Самоотношение</u>	<u>Коэффициент корреляции Спирмена</u>	<u>Уровень значимости</u>
Индекс внимания к привлекательным чертам внешности	Аутосимпатия	0,581	0,018
	Самообвинение	-0,589	0,016
	Самоинтерес	0,543	0,029
	Самопонимание	0,509	0,043
Процент времени, уделяемый просмотру привлекательных черт внешности	Интегральная шкала самооотношения	0,513	0,041
Процент времени, уделяемый просмотру недостатков внешности	Отношение других	0,616	0,010
	Самообвинение	0,522	0,038

Это предположение также подтверждается положительной корреляцией между показателями «индекс внимания к привлекательным чертам внешности» и «самоуважение» ($r = 0,610$; $p = 0,015$).

Также было выявлено, что у зрелых женщин существует положительная взаимосвязь между общим временем просмотра собственного лица и самоинтересом ($r = 0,524$; $p = 0,045$). Возможно, это связано с тем, что с возрастом образ лица претерпевает изменения и может не совпадать с ментальным образом лица в представлении женщины. Таким образом, чем больше у женщины выражен интерес к себе, тем больше ее интересуют изменения во внешности, что отражается в более длительном просмотре собственного лица.

В таблице 2 представлены значения коэффициентов корреляции Спирмена между показателями окулomotorной активности и шкальными оценками самооотношения у зрелых женщин.

Таблица 2

Взаимосвязь показателей окулomotorной активности при просмотре собственного лица и самооотношения у зрелых женщин ($n = 15$)

<u>Показатели окулomotorной активности</u>	<u>Самоотношение</u>	<u>Коэффициент корреляции Спирмена</u>	<u>Уровень значимости</u>
Индекс внимания к привлекательным чертам внешности	Самоуважение	0,610	0,015
Общее время просмотра собственного лица	Самоинтерес	0,524	0,045
Процент времени, уделяемый просмотру недостатков внешности	Самоуважение	-0,548	0,034

Обобщая вышесказанное, можно заметить, что компоненты самооотношения и перцептивная стратегия при просмотре своего лица отличаются в зависимости от возраста женщин, что дает основание предполагать о существовании различных механизмов самовосприятия.

Обсуждение результатов

Отношение к собственному лицу является важным компонентом самооценки. Исследователи утверждают, что лицо играет решающую роль в межличностном взаимодействии, т. к. является самой открытой для взора окружающих частью тела (Inoue et al., 2015).

Результаты исследования показывают, что существует взаимосвязь между движениями глаз при восприятии собственного лица и компонентами, составляющими самооотношение. Также выявлено различие этих компонентов в зависимости от возраста женщины, это заставляет задуматься о различном механизме, который отвечает за восприятие привлекательных черт и недостатков в собственной внешности. Так, восприятие недостатков внешности у молодых женщин характеризуется большей экстернализацией, т. е. ориентированностью на других; для зрелого возраста более характерны интернализированные механизмы, т. е. ориентированные на внутренние процессы, к своему Я. У молодых девушек отмечено большее количество компонентов взаимосвязи при восприятии привлекательных черт, в то время как у зрелых женщин восприятие привлекательных черт связано только с таким показателем как «самоуважение». Данное наблюдение может свидетельствовать о том, что более динамичное самооотношение в молодом возрасте включает в себя больше переменных, зависящих как от оценок окружающих, так и от внутренних установок, что также может отражаться на динамичном внимании к положительным чертам; в свою очередь, восприятие привлекательных черт и недостатков в зрелом возрасте опосредуется только одним компонентом самооотношения, что делает признание своих плюсов и минусов во внешности более стабильным.

Углубляясь в различия самовосприятия, можно предположить, что женщины молодого возраста больше включены в процессы социализации, что может привести к риску объективации.

Теория объективации Л. Фестингера (Festinger, 1954) утверждает, что процесс социализации женщины включает в себя критическую оценку собственной ценности, основываясь на социальных стандартах – в первую очередь, стандартах внешности. Поскольку социализация в объективирующей культуре проходит при помощи межличностных связей и средств массовой информации, возникает процесс самообъективации, в результате которого женщина начинает ценить себя на основе своего внешнего вида. Б. Л. Фредриксон определяет самообъективацию как процесс, в результате которого женщина начинает «относиться к себе как к объекту, на который нужно смотреть и оценивать» (Fredrickson & Roberts, 1997, p. 177). Самообъективация приводит к негативным последствиям, включая такие нарушения психического здоровья, как депрессию, дисморфоманию и нарушения пищевого поведения (Moradi & Huang, 2008). Несмотря на то, что подобные процессы в некоторой степени характерны и для мужской социализации, женщины испытывают большее социальное давление по поводу своей внешности (Fox & Vendemia, 2016). При этом зарубежные исследователи обнаружили, что молодые женщины демонстрируют более высокую самообъективацию, чем женщины старшего возраста (Tiggemann & Lynch, 2001), что не противоречит полученным нами результатам.

В работах отечественных психологов внешний облик также рассматривается в рамках конструкта «Я-для-Другого». По мнению Лабунской и Погонцевой (2016), категоризация человека как красивого или, наоборот, некрасивого приводит к особой форме дискриминации – лукизму.

Полученные результаты могут быть полезны для врачей-косметологов и пластических хирургов для понимания психологических причин обращения пациентов и формирования общего понимания проблем (исправление ли это недостатков или, наоборот, подчеркивание привлекательных черт) и, как следствие, повышения уровня удовлетворенности клиента.

Также результаты могут быть использованы в практике психологического консультирования для изменения стратегии восприятия образа тела и смещения фокуса с недостатков на привлекательные черты через проработку внутренних механизмов самооотношения.

Литература

- Бодалев, А. А. (1982). *Восприятие и понимание человека человеком*. Москва: Изд-во Моск. ун-та.
- Варлашкина, Е. А. и Дементий, Л. И. (2010). Перфекционизм как личностная детерминанта отношения к внешности. *Психологический вестник Уральского государственного университета*, 9, 5–15.
- Гуревич, К. М. и Борисова, Е. М. (ред.). (1997). *Психологическая диагностика. Учебное пособие*. Москва: УРАО.
- Лабунская, В. А. и Погонцева, Д. В. (2016). Лукизм: лицо, тело, душа. В К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов (ред.), *Лицо человека в пространстве общения* (с. 98–110). Москва: Московский институт психоанализа; Когито-Центр.
- Столин, В. В. и Пантилеев, С. Р. (1988). Опросник самооотношения. В *Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы* (с. 123–130). Москва: Изд-во Московского гос. ун-та.
- Цуркин, В. А. и Разуваева, Т. Н. (2013). Особенности физического Я у лиц с разными типами привязанности к матери. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 27, 308–313.

- Черкашина, А. Г. (2012). Особенности самооотношения к образу физического «Я» в зависимости от реальности телесного восприятия. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология»*, 1, 75–91.
- Шелепин, Е. Ю., Шелепин, К. Ю. и Скуратова, К. А. (2019). *Айтрекинг. Методическое пособие по применению*. Санкт-Петербург: Скифия-принт.
- Aftanas, L., Akhmetova, O., Kirilenkov, K., Pustovoit, S., Markov, A., & Danilenko, K. (2019). Gaze behavior among patients with major depression disorder when looking at own face. *Biological Psychiatry*, 85(10). <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2019.03.427>
- Alzueta, E., Melcón, M., Poch, C., & Capilla, A. (2019). Is your own face more than a highly familiar face? *Biological Psychology*, 142, 100–107. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2019.01.018>
- Bruce, V., & Young, A. (1986). Understanding face recognition. *British Journal of Psychology*, 77(3), 305–327. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.1986.tb02199.x>
- Callahan, C. (2005). Facial disfigurement and sense of self in head and neck cancer. *Social Work in Health Care*, 40(2), 73–87. https://doi.org/10.1300/J010v40n02_05
- Caputo, G. B., Ferrucci, R., Bortolomasi, M., Giacomuzzi, M., Priori, A., & Zago, S. (2012). Visual perception during mirror gazing at one's own face in schizophrenia. *Schizophrenia Research*, 140(1–3), 46–50. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2012.06.029>
- Esposito, R., Cieri, F., di Giannantonio, M., & Tartaro, A. (2018). The role of body image and self-perception in anorexia nervosa: The neuroimaging perspective. *Journal of Neuropsychology*, 12(1), 41–52. <https://doi.org/10.1111/jnp.12106>
- Felisberti, F. M., & Musholt, K. (2014). Self-face perception: Individual differences and discrepancies associated with mental self-face representation, attractiveness and self-esteem. *Psychology & Neuroscience*, 7(2), 65–72. <https://doi.org/10.3922/j.psns.2014.013>
- Festinger, L. (1954). A theory of social comparison processes. *Human Relations*, 7(2), 117–140. <https://doi.org/10.1177/001872675400700202>
- Fox, J., & Vendemia, M. A. (2016). Selective self-presentation and social comparison through photographs on social networking sites. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 19(10), 593–600. <https://doi.org/10.1089/cyber.2016.0248>
- Fredrickson, B. L., & Roberts, T.-A. (1997). Objectification theory: Toward understanding women's lived experiences and mental health risks. *Psychology of Women Quarterly*, 21(2), 173–206. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1997.tb00108.x>
- Gallup, G. G. (1970). Chimpanzees: Self-recognition. *Science*, 167, 86–87. <https://doi.org/10.1126/science.167.3914.86>
- Gallup, G. G. (1998). Self-awareness and the evolution of social intelligence. *Behavioural Processes*, 42(2–3), 239–247. [https://doi.org/10.1016/S0376-6357\(97\)00079-X](https://doi.org/10.1016/S0376-6357(97)00079-X)
- Garrido, L., Duchaine, B., & Nakayama, K. (2008). Face detection in normal and prosopagnosic individuals. *Journal of Neuropsychology*, 2(1), 119–140. <https://doi.org/10.1348/174866407X246843>
- Heinisch, C., Dinse, H. R., Tegenthoff, M., Juckel, G., & Brüne, M. (2011). An rTMS study into self-face recognition using video-morphing technique. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 6(4), 442–449. <https://doi.org/10.1093/scan/nsq062>
- Heinisch, C., Wiens, S., Gründl, M., Juckel, G., & Brüne, M. (2013). Self-face recognition in schizophrenia is related to insight. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*, 263, 655–662. <https://doi.org/10.1007/s00406-013-0400-9>
- Inoue, T., Sakuta, Y., Shimamura, K., Ichikawa, H., Kobayashi, M., Otani, R., ... Sakuta, R. (2015).

- Differences in the pattern of hemodynamic response to self-face and stranger-face images in adolescents with anorexia nervosa: A near-infrared spectroscopic study. *PLoS ONE*, 10(7). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0132050>
- Irani, F., Platek, S. M., Panyavin, I. S., Calkins, M. E., Kohler, C., Siegel, S. J., ... Gur, R. C. (2006). Self-face recognition and theory of mind in patients with schizophrenia and first-degree relatives. *Schizophrenia Research*, 88(1–3), 151–160. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2006.07.016>
- James, W. (1890). *The principles of psychology* (Vol. 1). New York: Holt.
- Keenan, J. P., McCutcheon, B., Freund, S., Gallup, G. G., Sanders, G., & Pascual-Leone, A. (1999). Left hand advantage in a self-face recognition task. *Neuropsychologia*, 37(12), 1421–1425. [https://doi.org/10.1016/S0028-3932\(99\)00025-1](https://doi.org/10.1016/S0028-3932(99)00025-1)
- Lewis, M. (2003). The emergence of consciousness and its role in human development. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1001(1), 104–133. <https://doi.org/10.1196/annals.1279.007>
- Meyer-Marcotty, P., Gerdes, A. B. M., Stellzig-Eisenhauer, A., & Alpers, G. W. (2011). Visual face perception of adults with unilateral cleft lip and palate in comparison to controls – an eye-tracking study. *The Cleft Palate-Craniofacial Journal*, 48(2), 210–216. <https://doi.org/10.1597/08-244>
- Moradi, B., & Huang, Y.-P. (2008). Objectification theory and psychology of women: A decade of advances and future directions. *Psychology of Women Quarterly*, 32(4), 377–398. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.2008.00452.x>
- Ritter, V., Kaufmann, J. M., Kraemer, F., Wiese, H., Stangier, U., & Schweinberger, S. R. (2020). Neural correlates of own- and other-face perception in body dysmorphic disorder. *Frontiers in Psychiatry*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.00302>
- Russell, R., Duchaine, B., & Nakayama, K. (2009). Super-recognizers: People with extraordinary face recognition ability. *Psychonomic Bulletin and Review*, 16, 252–257. <https://doi.org/10.3758/PBR.16.2.252>
- Suddendorf, T., Simcock, G., & Nielsen, M. (2007). Visual self-recognition in mirrors and live videos: Evidence for a developmental asynchrony. *Cognitive Development*, 22(2), 185–196. <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2006.09.003>
- Sui, J., & Gu, X. (2017). Self as object: Emerging trends in Self research. *Trends in Neurosciences*, 40(11), 643–653. <https://doi.org/10.1016/j.tins.2017.09.002>
- Sui, J., Chechlacz, M., Rotshtein, P., & Humphreys, G. W. (2015). Lesion-symptom mapping of self-prioritization in explicit face categorization: Distinguishing hypo- and hyper-self-biases. *Cerebral Cortex*, 25(2), 374–383. <https://doi.org/10.1093/cercor/bht233>
- Thaler, A., Piryankova, I., Stefanucci, J. K., Pujades, S., de la Rosa, S., Streuber, S., ... Mohler, B. J. (2018). Visual perception and evaluation of photo-realistic self-avatars from 3D body scans in males and females. *Frontiers in ICT*, 5. <https://doi.org/10.3389/fict.2018.00018>
- Tiggemann, M., & Lynch, J. E. (2001). Body image across the life span in adult women: The role of self-objectification. *Developmental Psychology*, 37(2), 243–253. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.37.2.243>
- Tong, F., & Nakayama, K. (1999). Robust representations for faces: Evidence from visual search. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 25(4), 1016–1035. <https://doi.org/10.1037//0096-1523.25.4.1016>
- Tsakiris, M. (2008). Looking for myself: Current multisensory input alters self-face recognition. *PLoS ONE*, 3(12). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0004040>
- Walton, B. R. P., & Hills, P. J. (2012). Face distortion aftereffects in personally familiar, famous, and unfamiliar faces. *Frontiers in Psychology*, 3. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00258>

- Young, A. W., & Brédart, S. (2004). Self-recognition in everyday life. *Cognitive Neuropsychiatry*, 9(3), 183–197. <https://doi.org/10.1080/13546800344000075>
- Zahavi, D., & Roepstorff, A. (2011). Faces and ascriptions: Mapping measures of the self. *Consciousness and Cognition*, 20(1), 141–148. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2010.10.011>

Дата получения рукописи: 31.10.2020
Дата окончания рецензирования: 12.02.2021
Дата принятия к публикации: 20.02.2021

Информация об авторах

Наталья Павловна Яровая – врач-дерматокосметолог, ООО Клиника «Скандинавия АВА-ПЕТЕР», отделение косметологии и реабилитации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Елена Роальдовна Аравийская – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры дерматовенерологии с клиникой, ФБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Вероника Сергеевна Зуева – научный сотрудник, ООО «Нейроиконика Ассистив», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; SPIN-код: 9919-5580.

Ксения Андреевна Скуратова – младший научный сотрудник, ФГБУН Институт физиологии им. И. П. Павлова Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57216979736, SPIN-код: 5940-0930.

Евгений Юрьевич Шелепин – младший научный сотрудник, ФГБУН Институт физиологии им. И. П. Павлова Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57200940465, SPIN-код: 5938-7368.

Заявленный вклад авторов

Наталья Павловна Яровая – проведение клинического интервью, написание обзорной части статьи, интерпретация эмпирических результатов.

Елена Роальдовна Аравийская – критический пересмотр содержания.

Вероника Сергеевна Зуева – проведение айтрекинг-исследования.

Ксения Андреевна Скуратова – статистическая обработка данных.

Евгений Юрьевич Шелепин – разработка дизайна исследования.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.922

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.3>

Особенности жизненного мира юношей и девушек разных возрастных периодов

Светлана В. Яремчук^{1✉}, Анна В. Бакина², Снежана М. Ситяева³

^{1, 2, 3} Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация

¹ svj@rambler.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-1036-6826>

² bakina_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6772-3743>

³ snejana-reg27@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9412-5215>

Аннотация

Введение. Переход от юности к молодости является важным этапом в развитии личности, в котором изменяется восприятие окружающей действительности и жизненного мира. Но эмпирических исследований, посвященных данной проблеме, очень мало. Новизна данного исследования заключается в изучении жизненного мира юношей и девушек разных возрастных групп. В основу исследования положена концепция Ф. Е. Василюка, который выделяет внешний и внутренний аспекты жизненного мира и их основные характеристики: легкость/трудность внешнего мира; простота/сложность внутреннего.

Методы. Использована методика графического представления жизненного психологического пространства Г. В. Шуковой для оценки многосоставности мира как критерия его простоты/сложности. Для оценки легкости/трудности жизненного мира были использованы три методики: 1) модифицированная методика А. Б. Купрейченко для оценки субъективной удаленности предметов потребности; 2) методика Е. Б. Фанталовой «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» для определения субъективной трудности достижения значимых объектов; и 3) методика оценки глобальной удовлетворенности жизнью и субъективного уровня счастья для общей оценки субъективной трудности мира.

Результаты. Результаты исследования показали, что у юношей и девушек в 16–17 лет жизненные миры являются сходными как по критерию простоты/сложности их внутреннего мира, так и по показателям легкости/трудности внешнего. В возрасте 18–22 года девушки имеют более сложный и дифференцированный внутренний мир, чем юноши, у которых пространство жизненного мира к этому возрасту упрощается. Различия в этом возрасте также проявляются в том, что девушки менее удовлетворены жизнью и счастливы, что связано с увеличением для них субъективной трудности их жизненного мира.

Обсуждение результатов. Обсуждается кризисный характер перестройки жизненного мира, происходящей у юношей и девушек с привлечением различных способов преобразования субъективной реальности.

Ключевые слова

жизненный мир, простота/сложность внутреннего мира, легкость/трудность внешнего мира, юноши, девушки, ранняя молодость, юность, близость социальных групп, субъективное благополучие, значимые объекты

Основные положения

- ▶ жизненные миры юношей и девушек, практически не различаясь в 16–17 лет, в возрасте 18–22 лет приобретают значимые различия, как в переживании его легкости/трудности, так и простоты/сложности;
- ▶ отличия жизненного мира девушек 16–17-ти и 18–22 лет выражаются в восприятии мира как более трудного в более старшем возрасте;
- ▶ для юношей 18–22 лет характерен более простой внутренний мир, чем для юношей 16–17 лет.

Для цитирования

Яремчук, С. В., Бакина, А. В. и Ситяева, С. М. (2021). Особенности жизненного мира юношей и девушек разных возрастных периодов. *Российский психологический журнал*, 18(1), 34–46. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.3>

Введение

Социальные и экономические изменения постиндустриального мира характеризуются как ситуация неопределенности: отсутствуют четкие ценностно-смысловые ориентиры; коллективистский тип сознания вытесняется индивидуалистическим и утилитарным; разрушаются традиционные формы социализации и межпоколенческой преемственности, быстрое распространение информации через системы сети Интернет и др. Скорость и масштабы трансформационных изменений современного общества требуют от личности достаточно развитых способностей в области социальной адаптации. Это означает качественно иной способ самоорганизации и саморегуляции личности в современном обществе, позволяющий ей согласовывать внешние и внутренние условия осуществления деятельности во времени, координировать все психические состояния, свойства, способности, возможности и ограничения (А. В. Брушлинский, Д. А. Леонтьев, Е. А. Сергиенко).

Особый интерес в этом контексте имеют периоды перехода от одной возрастной стадии к другой, которые являются кризисами, сопровождающимися перестройкой и преобразованием психики человека. В психологии традиционным является изучение в кризисный период изменений психических процессов, самосознания, системы отношений личности с миром, исследование задач, которые решает человек в каждом из возрастных периодов. При этом преимущественное внимание исследователей фокусируется на времени от рождения до подростничества, хотя переход от юности к молодости, являющийся в современном мире началом автономной жизни, отдельной от родителей, получения профессии, становится важной точкой, в которой изменяется восприятие человеком окружающей действительности, составляющей его жизненный мир. Ряд исследователей отмечают недостаточную разработанность проблемы становления личности в период молодости (Н. Р. Битянова, В. А. Непомнящая).

По мнению большинства психологов (Л. И. Божович, А. В. Петровский, И. С. Кон, Е. И. Исаев, В. И. Слободчиков, E. Erikson, G. Craig, G. Marcia, J. Cote и др.), именно в этот период решаются

задачи профессионального развития, жизненного самоопределения, связанного с ценностями, планированием будущего, обретением идеала, поиском смысла собственного существования, реализуются возможности саморазвития, самоактуализации. При этом перед молодыми мужчинами и женщинами общество ставит несколько отличающиеся задачи: профессиональное развитие для мужчин и создание семьи, рождение детей, наряду с профессиональным становлением и освоением знаний, – для женщин (Солдатова, 2007).

Переход от юности к молодости является периодом активного строительства жизненного мира личности, преобразований, которые могут иметь как конструктивный, так и деструктивный характер, что делает необходимым понимание происходящих процессов для профилактики возможных негативных тенденций и поддержки молодежи в этот возрастной период.

Вместе с тем обращение к категории жизненного мира в психологии – довольно новое явление, связанное со смещением фокуса психологических исследований в область изучения «самодетерминации» и «миропреобразовательной активности» индивида (В. А. Беляев, В. А. Барабанщиков, А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко, Т. В. Левкова и др.). Эта тенденция обнаруживается как в отечественной, так и в зарубежной психологии, где авторы обозначают необходимость использования феноменологического подхода в исследованиях психологической направленности. Так, Bengtsson (2013) считает, что подход, который основан на феноменологии жизненного мира, необходим в эмпирических исследованиях в сфере образования. Gorichanaz, Latham, & Wood (2018) подчеркивают значимость изучения жизненного мира как единицы анализа в исследовании информационного поведения человека.

При этом Siriwardane-de Zoysa & Hornidge (2016) отмечают, что понятие «жизненный мир» (lifeworld) является многозначным, и не существует его единственного определения. Kraus (2015) подчеркивает, что в исследовательских работах происходит путаница понятий: жизненный мир зачастую описывают как внешние условия жизни (life conditions), несмотря на то, что с феноменологической точки зрения жизненный мир необходимо рассматривать как результат субъективного присвоения мира и индивидуального построения реальности человеком, его субъективный взгляд на условия жизни.

С точки зрения Василюка (2003), существенные особенности «жизненного мира человека» сводятся к следующему: мир объективно существует независимо от нас, и мы в нем находимся; мир отличается от среды и не сводится к ней, он целостен, но не единствен; все наши миры, даже внешний мир, который мы называем реальностью, мы сами же конструируем; любая возможность воздействовать на внешний мир основана на наличии внутреннего мира. Иначе говоря, жизненный мир человека выходит за рамки актуального (данной ситуации), он существует в прошлом и в будущем, он может быть желательным или нежелательным. Внутренний мир личности создает для нее точку опоры, основу относительной независимости человека от внешнего мира.

Изучая жизненные миры человека, исследователи фокусируют свое внимание на их типологизации, выделяя разные критерии. Так, Леонтьев (2019) предложил свою типологию жизненных миров, которая основана на трех критериях: соотношение прошлого, настоящего и будущего; соотношение индивида и общества; соотношение сущего, должного и возможного как ценностных ориентиров. Данная типология применима как к отдельному индивиду, так и к социальной группе. Он выделил три жизненных мира, расположив их в социогенетической последовательности: традиционалистский, гедонистический и прогрессистский.

Сапогова (2019) выделяет типы жизненных миров на основе предельных онтологем,

которые использует человек в качестве опорных структур для самоосмысления и построения жизнеописания (автобиографии) – онтологемы судьбы, случайности или свободной воли. Они стимулируют преобладание в самоинтерпретации одного из психических процессов (веры, мышления, интуиции) и задают три возможных рамки для трактовки жизненного пути: «судьба – свершение – вера»; «случайность – происшествие – интуиция»; «свободная воля – поступок – мышление».

Впервые попытка выделить характеристики жизненных миров была предпринята Василюком (1984). По его мнению, «жизненный мир» имеет внешний и внутренний аспекты, обозначенные соответственно как внешний и внутренний мир. Основными характеристиками внешнего мира являются его легкость или трудность. Легкость внешнего аспекта жизненного мира предполагает обеспеченность всех жизненных процессов, а трудность – наличие препятствий их достижению. Если говорить про внутренний мир (понимаемый Ф. Е. Василюком как внутреннее строение жизни, сопряженность и связанность между собой отдельных ее единиц), он может быть простым или сложным, где простота внутреннего мира рассматривается как его односоставность, отсутствие структурированности и сопряженности отдельных моментов жизни.

В своем исследовании мы предположили, что внутренний или внешний жизненный мир человека не является статичным, он претерпевает значительные изменения по мере развития человека, он зависит также от событий, происходящих с конкретным человеком на его жизненном пути. Можно предположить, что внешний мир человека по мере взросления в целом становится более трудным, а внешний по мере психического развития усложняется за счет расширения социального пространства и включения в поле сознания разнообразных объектов.

Внутренне сложный и внешне трудный жизненный мир в концепции Ф. Е. Василюка в качестве базового жизненного принципа предполагает жизненное творчество, активное самостроительство личности, сознательное созидание человеком самого себя, практическое воплощение своих замыслов в условиях сложного существования. При таком типе жизненного мира путь к цели затруднен одновременно внешними препятствиями и внутренними колебаниями, что требует активности волевой саморегуляции. Именно такое направление изменений представляется нам конструктивным в преобразовании жизненного мира. Однако вопрос о том, какие преобразования происходят в жизненном мире при переходе от юности к молодости, остается в психологии открытым.

Специфика жизненного мира молодежи до сих пор является слабоизученным вопросом. Существуют отдельные исследования, посвященные характеристике жизненного пространства молодежи (Арендачук, 2018; Лодкин и Четверикова, 2018; Осипчукова и Попова, 2020; Стефанова и Кругова, 2019) и распространенности разных типов жизненного мира в данной возрастной группе (Грязева-Добшинская и Мальцева, 2016; Меньшикова и Левченко, 2015). Попытка изучения жизненного мира молодежи в динамическом аспекте была предпринята Демидовой (2012). Она выявила, что по мере взросления тип жизненного мира становится более выраженным, происходят изменения инструментальных ценностей в ценностном и творческом типах жизненного мира, стабилизируются гедонистический и реалистический типы.

Вместе с тем отличительные особенности жизненного мира юношей и девушек не были предметом пристального внимания исследователей. Однако мы допускаем, что они имеют свою специфику, которая проявляется особенно интенсивно в кризисные периоды, поскольку известной закономерностью являются различия в реализуемых юношами и девушками стратегиях совладания с трудными жизненными ситуациями.

Так, для юношей, в отличие от девушек, более характерной копинг-стратегией является избегание, что обнаруживается в многочисленных зарубежных исследованиях, которые показывают, что мальчики-подростки чаще используют избегающие стратегии совладания (Roecker, Dubow, & Donaldson, 1996; Hampel & Petermann, 2005; Eschenbeck, Kohlmann, & Lohaus, 2007). В юности эта закономерность сохраняется: так, в исследовании Gentry et al. (2007) выявлено, что юноши чаще используют стратегию избегания, чем девушки.

В то же время Васюра и Коробейникова (2014) обнаружили, что в случае, когда у юношей-студентов возникает сомнение в собственных силах, они склонны к преуменьшению значимости и серьезности происходящих событий, к подавлению эмоций. Юноши не могут находиться долгое время в состоянии напряжения и внутреннего дискомфорта, начинают активно возмущаться и протестовать по отношению к трудностям.

Коломенская, Скляр и Коскина (2015) обнаружили, что юноши чаще имеют высокую самооценку, более уверены в себе и своих силах, чем девушки. Для юношей более характерны жесткость в следовании направленности предназначения, вера в его осуществление. Девушки более не уверены в себе, имеют тенденцию к заниженной самооценке, не верят в свои силы.

Такие особенности совладания, активизирующиеся в кризисный период, могут вести к тому, что перестройка жизненного мира в переходный от юношеского к молодости период будет проходить по-разному у юношей и девушек.

Цель настоящего исследования – изучение простоты/сложности и легкости/трудности жизненного мира юношей и девушек разных возрастных периодов.

Методы

Эмпирическое исследование было проведено в г. Комсомольске-на-Амуре, в нем приняли участие 260 человек в возрасте от 16 до 22 лет (средний возраст 18,6), из них 176 девушек и 84 юноши.

Всех респондентов мы разделили на две группы: в первую вошли старшеклассники 16–17 лет, во вторую – молодежь в возрасте 18–22 лет. В разных странах по-разному определяют возрастные границы молодежи: в большинстве европейских стран, США и Японии это молодые люди в возрасте от 13–14-ти до 29–30 лет; в Англии и Нидерландах молодежь не выделяется в особую группу; в России данная группа включает 14–24-летних молодых людей. В нашем исследовании принимали участие респонденты в возрасте 16–24 лет, что соответствует возрастным границам молодежи, закрепленным в декларации ООН. В пределах указанных возрастных границ, по мнению социологов, существует так называемая возрастная стратификация, т. е. вертикальное возрастное разграничение (Боряз, 1973). В своем исследовании мы опирались на следующую возрастную градацию молодежи: от 13–14-ти до 16–17 лет – старшие школьники (ранняя юность), от 18-ти до 20–25 лет – лица первого молодого гражданского возраста (Павловский, 2001).

В качестве критерия оценки *простоты/сложности внутреннего жизненного мира* нами была взята его многосоставность, измеренная с помощью методики графического представления жизненного психологического пространства Г. В. Шуковой (Шукова, 2014). Респондентам были предложены два круга: «Моя жизнь сейчас» и «Моя жизнь в идеале», которые надо было заполнить кружками, обозначающими то, что испытуемый считает значимым для своей жизни (люди, отношения, процессы, явления и пр.). В работе нами учитывалось число изображенных значимых объектов в образах реальной и идеальной жизни.

Для оценки *легкости/трудности внешнего жизненного мира* были использованы два критерия: 1) субъективная удаленность предметов потребности; 2) субъективная трудность достижения значимых объектов.

Для оценки *субъективной удаленности предметов потребности* использовалась модифицированная методика А. Б. Купрейченко (Журавлев и Купрейченко, 2012), ориентированная на измерение психологической дистанции в социальных контактах. Для 17 социальных групп (от семьи и друзей до населения страны в целом, включая профессиональные и внепрофессиональные области) оценивалась величина «психологической дистанции» между группой и респондентом по пятибалльной шкале: самые близкие (5 баллов); близкие (4); ни близкие, ни далекие (3); далекие (2); самые далекие (1).

Оценка *субъективной трудности достижения значимых объектов* осуществлялась с помощью методики «Уровень соотношения "ценности" и "доступности" в различных жизненных сферах» Фанталовой (2011), позволяющей обнаружить разрыв между значимостью конкретной личностной сферы и ее субъективной доступностью в 12 жизненных областях. При обработке учитывался интегральный (суммарный) показатель рассогласования (общая сумма рассогласования между ценностями и их доступностью).

Помимо этого, в качестве *общей оценки субъективной трудности мира* использовались два показателя субъективного благополучия: оценка глобальной удовлетворенности жизнью и оценка субъективного уровня счастья (Яремчук и Новгородова, 2015), которые являются отражением разрыва между тем, чего человек хочет, и тем, что он имеет (Michalos, 2017) – субъективное благополучие и степень переживания позитивных эмоций уменьшаются, если текущее состояние мира не соответствует желаемому (Carver & Scheier, 1990). Таким образом, снижение субъективного благополучия может интерпретироваться как показатель «трудности» внешнего мира, проблем в реализации потребностей, целей и ценностей человека.

Различия между разными возрастными группами, а также между юношами и девушками рассчитывались по критерию U Манна – Уитни с использованием программы STATISTICA 10.

Результаты

Результаты исследования жизненного пространства у молодежи разных групп представлены в таблице 1.

Таблица 1								
Характеристики жизненных миров девушек и юношей разных возрастов								
Показатели оценки жизненного мира	Девушки				Юноши			
	16– 17 лет	18– 22 года	U	p	16– 17 лет	18– 22 года	U	p
1. Оценка простоты/сложности жизненного мира								
Количество кругов в образе реального мира	5,0	5,4	2832,5	0,470	5,1	4,2	413,5	0,042
Количество кругов в образе идеального мира	5,8	5,5	2725,0	0,275	5,1	4,4	353,0	0,029

Таблица 1

Характеристики жизненных миров девушек и юношей разных возрастов

Показатели оценки жизненного мира	Девушки				Юноши			
	16– 17 лет	18– 22 года	U	p	16– 17 лет	18– 22 года	U	p
2. Оценка легкости/трудности жизненного мира								
2.1. Субъективная близость социальных групп								
Семья	4,4	4,6	3030,5	0,167	4,4	4,6	544,0	0,075
Родители	4,7	4,5	3059,0	0,437	4,6	4,6	670,0	0,846
Дети	2,9	2,4	1152,5	0,302	2,6	2,7	357,0	0,899
Сверстники	2,9	3,0	3347,5	0,981	3,0	3,1	610,5	0,367
Одноклассники (однокурсники)	3,1	3,0	3037,5	0,547	3,1	3,2	538,0	0,368
Друзья	4,1	3,9	2884,0	0,140	4,0	4,0	662,5	0,795
Соотечественники	2,2	2,1	3043,5	0,790	2,2	2,2	636,5	0,894
Горожане/односельчане	2,1	2,2	3057,5	0,304	2,2	2,6	530,0	0,106
Этнос	2,1	2,3	2870,0	0,253	2,4	2,2	594,0	0,412
Единоверцы	2,1	2,3	2608,5	0,182	1,6	2,4	316,0	0,003
Учителя-наставники	2,8	3,0	3073,0	0,325	3,0	2,9	582,0	0,569
Коллеги по работе	2,5	2,4	2072,0	0,850	2,1	2,2	483,0	0,853
Начальство	2,3	2,2	2697,0	0,778	2,4	2,1	546,0	0,320
Успешные люди	2,7	2,5	2933,5	0,224	2,7	2,7	634,5	0,867
Карьеристы	2,6	2,5	3046,0	0,716	2,6	2,6	553,0	0,753
Люди, не утратившие веру в будущее	3,0	2,6	2592,0	0,016	2,9	2,6	480,5	0,236
Люди, живущие «как все»	2,4	2,5	3041,0	0,214	2,2	2,7	445,0	0,033
Люди, делающие свою судьбу сами	3,3	3,1	3017,0	0,242	3,3	3,1	581,0	0,327
Средняя дистанция	2,9	2,9	3104,0	0,345	2,9	3,0	647,0	0,689

Характеристики жизненных миров девушек и юношей разных возрастов								
Показатели оценки жизненного мира	Девушки				Юноши			
	16– 17 лет	18– 22 года	U	p	16– 17 лет	18– 22 года	U	p
2.2. Субъективная трудность достижения значимых объектов								
Общая сумма рассогласования между ценностями и их доступностью	23,5	29,4	2594,0	0,012	24,5	27,0	632,5	0,577
2.3. Оценки субъективного благополучия								
Удовлетворенность своей жизнью в целом	7,4	6,5	2638,5	0,009	7,6	7,6	678,5	0,800
Субъективная оценка счастья	7,5	6,6	2764,5	0,028	7,8	7,9	697,0	0,957
Примечание: полужирным курсивом выделены значимые различия.								

Из таблицы 1 видно, что условия жизни в 16–17 лет воспринимаются молодыми людьми практически одинаково. Не было обнаружено значимых различий в степени дифференцированности восприятия значимых объектов: ни при выстраивании образа реальной жизни, ни при конструировании образа идеальной. Хотя для девушек этого возраста является характерным выделение большего числа значимых объектов в круге идеальной жизни, в то время как у юношей среднее количество объектов в обоих случаях идентично.

Что касается восприятия жизненного мира как простого/трудного, то в двух группах характеристик между юношами и девушками 16–17 лет также не обнаруживается различий: субъективная трудность достижения значимых объектов и оценка субъективного благополучия оцениваются ими одинаково.

Оценка субъективной дистанции до социальных групп также в большинстве случаев не имеет отличий. Существенные различия обнаруживаются в оценке дистанции лишь по отношению к единоверцам: девушки оценивают представителей своей религии как более близких к себе ($U = 1079,5$; значимо для $p = 0,043$).

Таким образом, в 16–17 лет мир, в котором живут юноши и девушки, представляется очень сходным как по критерию простоты/сложности их внутреннего мира, так и по показателям легкости/трудности внешнего. Вместе с тем сравнение разных возрастных групп позволило обнаружить особенности жизненного мира у девушек и юношей.

Простота/сложность жизненного мира девушек 16–17 лет и 18–22 лет не имеет значимых

различий: число значимых объектов в их представлениях о реальной и идеальной жизни различается незначительно. Несмотря на это, видна тенденция к большему согласованию объектов в реальном и идеальном жизненных пространствах: в более старшей возрастной группе у девушек регистрируется большее число значимых объектов, которые они включают в образ своей реальной жизни, и меньшее их количество в образе идеальной.

В специфике восприятия внешнего жизненного мира у девушек обнаруживаются следующие различия. Во-первых, для девушек 18–22 лет достижение значимых объектов является субъективно более трудным ($U = 2594,0$; значимо для $p = 0,012$), что отражается в увеличении суммы рассогласования между значимостью для девушек жизненных ценностей и субъективной оценкой возможностей их реализации в жизни. Во-вторых, для них характерен более низкий уровень субъективного благополучия: как удовлетворенности своей жизнью в целом ($U = 2638,5$; значимо для $p = 0,009$), так и оценки уровня своего счастья ($U = 2764,5$; значимо для $p = 0,028$). В-третьих, по сравнению с девушками 16–17 лет, они более дистанцированы по отношению к людям, не утратившим веру в будущее ($U = 1079,5$; значимо для $p = 0,043$).

Таким образом, обнаружена специфика жизненного мира девушек 16–17-летнего и 18–22-летнего возрастов. Внешний мир девушками 18–22 лет осознается как более трудный для реализации собственных жизненных ценностей, удовлетворения их индивидуальных потребностей, что отражается в более низком уровне переживаемого благополучия, а также дистанцировании от людей, верящих в будущее. При этом их внутренний мир не отличается от жизненного мира 16–17-летних девушек по числу значимых жизненных областей и характеризуется аналогичной сложностью. Позиция девушек в старшей возрастной группе, можно сказать, является более реалистичной и пессимистичной, значимые объекты в их восприятии отодвигаются на большую дистанцию и становятся более труднодостижимыми.

Что касается юношей разных возрастных групп, для их жизненных миров характерны явления, полностью противоположные обнаруженным у девушек. В отличие от девушек, основные различия в жизненном пространстве юношей происходят в направлении упрощения сложности внутреннего мира: у старшей возрастной группы регистрируется меньшее количество значимых для них объектов как в образе реальной ($U = 413,5$; значимо для $p = 0,042$), так и в образе идеальной жизни ($U = 353$; значимо для $p = 0,029$). Внутренний жизненный мир юношей 18–22 лет является более простым, имеющим меньшее число значимых объектов и значимых потребностей.

Внешний жизненный мир при этом практически не имеет особенностей. Возрастные различия в легкости/трудности жизни юношей касаются, прежде всего, дистанции по отношению к социальным группам. У юношей 18–22 лет выявлено сокращение дистанции по отношению к единоверцам ($U = 316$; значимо для $p = 0,003$) и людям, живущим «как все» ($U = 445$; значимо для $p = 0,033$).

Исследование показало, что если в 16–17 лет жизненные миры юношей и девушек по своим характеристикам практически не различались, то в возрасте 18–22 лет их различия касаются как внутренней, так и внешней составляющей жизненного пространства.

Подводя итог, можно сказать, что 18–22-летние девушки отличаются от юношей более сложным и дифференцированным внутренним миром ($U = 980$; значимо для $p = 0,033$), в котором для них выделяется больше значимых объектов, чем для юношей. При этом девушки оказываются существенно менее удовлетворенными жизнью ($U = 1119$; значимо для $p = 0,012$) и менее счастливыми ($U = 1074$; значимо для $p = 0,006$), чем их сверстники-юноши.

Обсуждение результатов

Как указывает Кон (1989), ранняя юность (15–17 лет) – это период формирования жизненных перспектив, которые переживаются как страстное желание что-то начать и непоколебимая уверенность, что всё получится. Иначе говоря, внешний аспект психологического мира развертывается в некоторую пространственно-временную перспективу. Старшеклассники открывают психологическую «протяженность» («там» и «тогда») жизни, что обогащает структуру их психологического мира, которая теперь схватывает ранее недоступное будущее и настоящее. Представление об идеальном будущем в ранней юности особенно расплывчато и нереалистично, т. к. часто не соответствует реальным возможностям человека и условиям его жизни. Но постепенно юношеские мечты, где всё возможно и идеально, как заведомо недостижимые образцы, уступают место более реалистичному образу будущего, ориентированному на реальную действительность.

Рассматриваемый возрастной переход сопряжен с возникновением противоречий между идеалом и реальностью, с отражением объективных трудностей внешнего мира. Слободчиков и Исаев (2000) описывают этот период как «кризис юности», для которого характерны «встреча» идеальных жизненных планов и социальной реальности, вступление в самостоятельную жизнь в обществе, приобретение материальной независимости от родителей. В этом возрасте нередки разочарования в профессиональном и жизненном выборе, несоответствие между ожиданиями и представлениями о профессии и реальностью ее освоения, реальным характером ее протекания.

Оказавшись в ситуации жизненного и возрастного кризиса, юноши и девушки, вместе с тем, демонстрируют разную специфику структурирования жизненного мира. Для девушек, по результатам нашего исследования, характерно осознание трудностей и восприятие мира как трудного, препятствующего реализации их потребностей, что сопряжено с возникновением более пессимистичной внутренней позиции и снижением удовлетворенности жизнью. Юноши, в отличие от девушек, выходят из кризиса путем уменьшения субъективной сложности жизни, уменьшения числа значимых объектов и усиления тенденции «быть как все», частичного отказа от собственной индивидуальности.

Таким образом, отличия жизненного мира девушек в юношестве и ранней молодости касаются только внешнего мира, а юношей – внутреннего. При этом сравнение жизненного мира юношей и девушек в эти возрастные периоды указывает на негативные процессы.

Жизненный мир девушек при сохранении довольно простой структуры становится субъективно более трудным, приближаясь по характеристикам к «внешне трудному и внутренне простому жизненному миру» (по типологии Ф. Е. Василюка). Деятельности в таком мире присуща устремленность к предмету потребности без отвлечений, колебаний, сомнений, поскольку простота внутреннего мира освобождает человека от внутренних ограничений, оставляя фокус на внешних препятствиях.

Что касается юношей, то сравнение их жизненных миров в юности и ранней молодости указывает на более простую структуру жизненного мира в старшем возрасте, их сфокусированность на суженной сфере значимых объектов, что также указывает на внешне трудный и внутренне простой жизненный мир. Эти тенденции дают основание для размышлений о направлении сопровождения этих жизненных периодов как для юношей, так и для девушек, ориентированного на усиление сложности их внутреннего мира, расширение сферы их значимых объектов и ценностей, осознание ими связей между значимыми объектами и явлениями.

Это является базой для возникновения возможности активного творческого преобразования своих жизни и мира, что особенно значимо в кризисные жизненные периоды.

На основе полученных данных можно сделать следующие *выводы*:

1. В 16–17 лет жизненные миры юношей и девушек по своим характеристикам практически не различаются, а в возрасте 18–22 лет различия касаются как внутренней, так и внешней составляющих жизненного пространства.
2. Отличия жизненного мира девушек 16–17-ти и 18–22 лет выражаются в восприятии мира как более трудного в ранней молодости, что отражается в более низком уровне переживаемого благополучия, а также в дистанцировании от людей, верящих в будущее.
3. Отличия жизненного мира юношей 16–17-ти и 18–22 лет проявляются в более простом внутреннем мире юношей старшей возрастной группы; при этом внешний жизненный мир мало различается.

Ограничения выводов состоят в том, что выборка исследования включала молодежь, проживающую в городской среде региона, отдаленного от центра России, что определяет перспективы дальнейшего исследования: проверку полученных результатов в других регионах и населенных пунктах разного типа.

Литература

- Арендасук, И. В. (2018). Ценностно-смысловые характеристики социальной активности молодежи в зависимости от форм ее проявления. *Известия Саратовского ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика*, 18(4), 425–432. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-425-432>
- Боряз, В. Н. (1973). *Молодежь: методологические проблемы исследования*. Ленинград: Наука; Ленингр. отд-ние.
- Василюк, Ф. Е. (1984). *Психология переживания*. Москва: Изд-во Моск. ун-та.
- Василюк, Ф. Е. (2003). *Методологический анализ в психологии*. Москва: МГППУ; Смысл.
- Васюра, С. А. и Коробейникова, Я. П. (2014). Стратегии совладания юношей и девушек студенческого возраста в связи с уровнем их коммуникативной активности. *Казанский педагогический журнал*, 1, 123–131.
- Грязева-Добшинская, В. Г. и Мальцева, А. С. (2016). «Типология личностного выбора жизненного пути»: описание методики и результаты психометрической проверки. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология»*, 9(2), 14–21. <https://doi.org/10.14529/psy160202>
- Демидова, И. Ф. (2012). Возрастная динамика содержания разных типов жизненного мира. *Современные исследования социальных проблем*, 1–1, 177–180.
- Журавлев, А. Л. и Купрейченко, А. Б. (2012). *Социально-психологическое пространство личности*. Москва: Институт психологии РАН.
- Коломенская, В. В., Скляр, Н. А. и Коскина, Е. Н. (2015). Половые особенности жизненной стратегии современной молодежи. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки*, 2, 181–188.
- Кон, И. С. (1989). *Психология ранней юности*. Москва: Просвещение.
- Леонтьев, Д. А. (2019). Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии. *Культурно-историческая психология*, 15(1), 25–34. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150103>
- Лодкин, А. Е. и Четверикова, Т. А. (2018). Проблема смысла жизни студенческой молодежи как субъекта социально-экономических и общественных трансформаций.

- Социально-политические науки*, 2, 299–302.
- Меньшикова, Л. В. и Левченко, Е. В. (2015). Психологические особенности жизненного мира студентов. *Сибирский педагогический журнал*, 4, 156–159.
- Осипчукова, Е. В. и Попова, Н. В. (2020). Видение молодежью своего будущего в аспекте субъективного благополучия. *Вестник педагогических инноваций*, 1, 59–68.
- Павловский, В. В. (2001). *Ювентология – проект интегративной науки о молодежи*. Москва: Академический проект.
- Сапогова, Е. Е. (2019). Субъективная онтология и жизненный мир личности. *Культурно-историческая психология*, 15(1), 35–45. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150104>
- Слободчиков, В. И. и Исаев, Е. И. (2000). *Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе*. Москва: Школьная пресса.
- Солдатова, Е. Л. (2007). *Нормативные кризисы развития личности взрослого человека* (докторская диссертация). Екатеринбург.
- Стефанова, Н. А. и Кругова, Ю. С. (2019). Образ жизни современной молодежи – угроза для пенсионной системы. *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 8(2), 202–204. <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0802-0049>
- Фанталова, Е. Б. (2011). «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах»: психометрическое исследование показателей. *Методика. Мир психологии*, 2, 228–243.
- Шукова, Г. В. (2014). Особенности социально-психологического пространства молодых специалистов – практических психологов. *Психологические исследования*, 7(33). Доступ 06 февраля 2021, источник <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/938-shukova33.html>
- Яремчук, С. В. и Новгородова, Е. Ф. (2015). *Саморазвитие и субъективное благополучие современной молодежи*. Москва: Научно-издательский центр ИНФРА-М.
- Bengtsson, J. (2013). Guest editorial: Special edition on the lifeworld approach for empirical research in education – the Gothenburg tradition. *Indo-Pacific Journal of Phenomenology*, 13, 1–2. <https://doi.org/10.2989/IPJP.2013.13.2.2.1176>
- Carver, C. S., & Scheier, M. F. (1990). Origins and functions of positive and negative affect: A control-process view. *Psychological Review*, 97(1), 19–35. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.97.1.19>
- Eschenbeck, H., Kohlmann, C.-W., & Lohaus, A. (2007). Gender differences in coping strategies in children and adolescents. *Journal of Individual Differences*, 28, 18–26. <https://doi.org/10.1027/1614-0001.28.1.18>
- Gentry, L. A., Chung, J. J., Aung, N., Keller, S., Heinrich, K. M., & Maddock, J. E. (2007). Gender differences in stress and coping among adults living in Hawai'i. *Californian Journal of Health Promotion*, 5(2), 89–102. <https://doi.org/10.32398/cjhp.v5i2.1235>
- Gorichanaz, T., Latham, K. F., & Wood, E. (2018). Lifeworld as “unit of analysis”. *Journal of Documentation*, 74(4), 880–893. <https://doi.org/10.1108/JD-12-2017-0174>
- Hampel, P., & Petermann, F. (2005). Age and gender effects on coping in children and adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 34, 73–83. <https://doi.org/10.1007/s10964-005-3207-9>
- Kraus, B. (2015). The life we live and the life we experience: Introducing the epistemological difference between “lifeworld” (lebenswelt) and “life conditions” (lebenslage). *Social Work and Society*, 13(2).
- Michalos, A. C. (2017). *Development of quality of life theory and its instruments*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-51149-8>

Roecker, C. E., Dubow, E. F., & Donaldson, D. (1996). Cross-situational patterns in children's coping with observed interpersonal conflict. *Journal of Clinical Child Psychology*, 25(3), 288–299. https://doi.org/10.1207/s15374424jccp2503_5

Siriwardane-de Zoysa, R., & Hornidge, A.-K. (2016). Putting lifeworlds at sea: Studying meaning-making in marine research. *Frontiers in Marine Science*, 3. <https://doi.org/10.3389/fmars.2016.00197>

Дата получения рукописи: 18.10.2020

Дата окончания рецензирования: 02.03.2021

Дата принятия к публикации: 03.03.2021

Информация об авторах

Светлана Владимировна Яремчук – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация; Scopus Author ID: 56111955900, ResearcherID: A-3599-2017, SPIN-код: 1673-8024.

Анна Владимировна Бакина – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация; ResearcherID: AAI-1917-2020, SPIN-код: 7261-1748.

Снежана Михайловна Ситяева – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация; ResearcherID: AAI-1883-2020, SPIN-код: 3673-9020.

Заявленный вклад авторов

Светлана Владимировна Яремчук – проведение исследования, анализ и интерпретация результатов, работа с источниками, написание обзорной части статьи, критический пересмотр содержания статьи.

Анна Владимировна Бакина – проведение исследования, анализ и интерпретация результатов, работа с источниками, написание обзорной части статьи, критический пересмотр содержания статьи.

Снежана Михайловна Ситяева – проведение исследования, анализ и интерпретация результатов, работа с источниками, написание обзорной части статьи, критический пересмотр содержания статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9.072

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.4>

Разработка методики прогностической оценки устойчивости к профессиональному информационному стрессу летного состава

Геннадий Т. Красильников^{1✉}, Эльвира А. Крачко², Федор В. Мальчинский³

^{1, 2, 3} Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова, г. Краснодар, Российская Федерация

¹ Кубанский государственный медицинский университет, г. Краснодар, Российская Федерация

¹ gennadykras@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-6288-8549>

² nil.pfl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9232-1367>

³ nil.pfl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6766-7366>

Аннотация

Введение. Стрессоустойчивость является профессионально важным качеством в летной профессии, однако рекомендованные нормативными документами методики определения стрессоустойчивости (нервно-психической устойчивости) у абитуриентов военных летных училищ носят бланковый характер и достаточно субъективны. Научная новизна исследования заключается в разработке методики объективной оценки устойчивости к воздействию экспериментального информационного стресса.

Методы. Разработана методика оценки устойчивости испытуемых к воздействию информационного экспериментального стресса, предназначенная для применения в профессиональном психологическом отборе летного состава. В качестве стрессора выступает комплекс стрессогенных стимулов: условия конкурсного экзамена, усложненные арифметические задания, воздействие помех, оказывающих как шумовой, так и дистракторный эффект. Выраженность устойчивости к стрессовой реакции определялась по динамике продуктивности умственной деятельности в процессе тестирования, физиологической «цене» деятельности по частоте сердечных сокращений на разных этапах прохождения экспериментального стрессового обследования, внешним проявлениям поведения (речи, движениям, позе, мимике). Стандартизация показателей рассчитывалась на представительной выборке ($n = 3191$) с использованием пакета статистических программ «Описательная статистика» из «Microsoft Excel 2007». Авторский сценарий методики встроен в программное обеспечение многофункционального психофизиологического комплекса «Реактор».

Результаты и их обсуждение. Проведено исследование по применению методики на выборке 1135 кандидатов на поступление в высшее военное летное училище, мужского пола, возраст 18–27 лет. Получены данные о наличии значимой корреляционной связи оценки

стрессоустойчивости по психометрическим показателям стрессовых проявлений у испытуемых (психологический, физиологический, поведенческий критерии) с успешностью их летного обучения по данным экспертных оценок за тренажерную подготовку и летную практику. Полученные данные исследования свидетельствуют о том, что разработанная методика оценки устойчивости к экспериментальному информационному стрессу является чувствительным тестом на выявление стрессоустойчивости и ее можно рекомендовать для использования в профессиональном психологическом отборе в летные профессии.

Ключевые слова

летный состав, профессиональный стресс, информационный стресс, экспериментальный стресс, стрессоустойчивость, стрессор, профессиональный психологический отбор, профессионально важные качества, психометрические показатели, прогностическая оценка

Основные положения

- экспериментальный информационный стресс создается комплексом стрессогенных стимулов (усложненные арифметические задания, фактор неожиданности в предъявлении стимула, дефицит времени, звуковые помехи с шумовыми и дистракторными эффектами);
- устойчивость к стрессу определяется по психометрическим показателям стрессовых проявлений: динамике продуктивности умственной деятельности в процессе тестирования, физиологической «цене» деятельности (частоте сердечных сокращений на разных этапах обследования), внешним проявлениям поведения (речи, движениям, позе, мимике);
- установлены значимые корреляционные связи оценки стрессоустойчивости по психометрическим показателям стрессовых проявлений у кандидатов для поступления в авиационное училище с показателями успешности их летного обучения.

Для цитирования

Красильников, Г. Т., Крачко, Э. А. и Мальчинский, Ф. В. (2021). Разработка методики прогностической оценки устойчивости к профессиональному информационному стрессу летного состава. *Российский психологический журнал*, 18(1), 47–60. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.4>

Введение

Работа летчика относится к экстремальным и опасным видам профессий, в ней стрессовые ситуации являются постоянным фактором профессиональной деятельности. Концепция стресса, после ее обоснования Г. Селье в 1936 г. (Selye, 1936), как неспецифической адаптивной реакции организма на различные воздействия чрезмерной интенсивности, продолжает интенсивно развиваться и по настоящее время привлекает активное внимание исследователей различных научных направлений (Беребин и Пашков, 2017; Битюцкая, Лебедева и Цаликова, 2020; Караяни и Сыромятников, 2016; Куликова, 2019; Пономаренко, 2006; Rabenu, Yaniv, & Elizur, 2017). По результатам исследований установлено, что стрессовые реакции формируются в соответствии как с качественным своеобразием стрессогенного фактора, так и индивидуальными особенностями организма (Соловьева, Николаев, Денисенко и Денисенко, 2012; Carver, Sutton, & Scheier, 2000; Fink, 2016; Vine et al., 2015). Стрессы принято подразделять, на основе качественных особенностей стрессогенного раздражителя, на два варианта: физиологический и психологический. Физиологический стресс развивается в ответ на повреждение

целостности организма, характеризуется нарушением гомеостаза, а стереотипный характер реакций при физиологическом стрессе отражает механизмы восстановления гомеостатического равновесия. Под психологическим стрессом понимается состояние психического напряжения, сочетающееся с физиологическими симптомами стресса, которое возникает под воздействием интенсивного социально-психологического стимула и характеризуется большой вариабельностью проявлений.

Психологический стресс исследователями подразделяется, по качественным особенностям стрессогенного фактора, на информационный и эмоциональный (Бодров, 2000, 2006; Южаков, Авдеева и Нгуен, 2015). Информационный стресс возникает в таких ситуациях, когда при необходимости перерабатывать большие объемы информации в сжатые сроки возникают информационные перегрузки, при которых субъект не справляется с решением возникающих проблем, не успевает принимать правильные решения в заданном темпе, в условиях высокой ответственности за последствия принятых решений (Гандер, Ворона, Пономаренко и Алексеенко, 2016; Ковтунович и Маркачев, 2008; Самоструева и др., 2015; Соболевников и Иргит, 2018). Эмоциональный стресс развивается тогда, когда возникает угроза опасности для психологической, социальной или физической целостности организма и личности человека (Соловьева и др., 2012; Стамова, Гулин и Назирова, 2017; Южаков и др., 2015; Юматов, 2020; Carver et al., 2000). Однако подобное разделение стрессов, основанное на различии стрессогенных стимулов (информационных или эмоциональных), довольно условно, т. к. на практике нередко трудно определить, действие какого из выявленных стрессоров является ведущим. В летном деле в стрессовой ситуации информационные и эмоциональные стрессоры разделить сложно, поскольку эмоции появляются на основе предшествующей когнитивной переработки информации. Даже чисто физический стимул в полете адресуется психике летчика и подвергается информационному анализу. Проведенные исследования (Бодров, 2006; Гандер и др., 2016; Пономаренко, 2006) устанавливают, что у летчиков в полете нередко возникают информационные перегрузки, обусловленные необходимостью в краткое время перерабатывать большие объемы информации, которая обладает неопределенностью различной степени, и с большой ответственностью за последствия принятого решения. Описанные обстоятельства информационной перегрузки служат обычно основой для развития профессионального стресса летного состава, который в связи с этим и определяется как информационный стресс (Пономаренко, 2006).

Поэтому любой авиационный стресс, возникший у летчика в полете, будучи прежде всего информационным, одновременно является и эмоциональным и физиологическим, поскольку эмоциональный стресс вызывает такие же изменения в организме, как и стресс физиологический (Пономаренко, 2006).

Очевидна важность в авиации профессионального отбора устойчивых к стрессовым воздействиям лиц. Только часть людей в критической ситуации может сохранять полную работоспособность или даже резко ее повышать. У других же людей в этих же условиях возникают чувство страха, холодный пот, заторможенность мыслей, двигательная скованность или неадекватная хаотическая активность (Китаев-Смык, 2013). Поведение человека в таком состоянии оказывается неадаптивным, не направлено на рациональное контролирование ситуации, что является несовместимым с летной работой (Красильников, Крачко и Мальчинский, 2014). Прогнозировать поведение человека в стрессовых условиях затруднительно, поскольку несостоятельными нередко оказываются те люди, у которых были хорошие показатели

по результатам деятельности в обычных условиях (Китаев-Смык, 2013). Однако определять устойчивость к стрессу (нервно-психическую устойчивость) при профессиональном психологическом отборе (ППО) в военные авиационные училища по нормативным документам рекомендуется по психологическим тестам. Но подобные тесты и опросники основаны на самооценке и подвержены влиянию субъективных факторов (Никифоров, Ворона, Богомолов и Кукушкин, 2015; Покровский, Мингалев, Пухняк и Абушкевич, 2011; Южаков и др., 2015).

Прогнозирование поведения обследуемых в стрессовых ситуациях реальной профессиональной деятельности обосновывается по устойчивости к воздействию экспериментального стресса. В обычных условиях сложно сформировать такую «лабораторную» ситуацию, которая бы по своему воздействию приближалась к реальной профессиональной стрессогенной обстановке. Сложность заключается в создании в эксперименте субъективной для обследуемого реальности экстремальности действующего фактора. Для развития стрессового состояния, кроме объективного значения стрессора, большое значение имеют отношение человека к стимулу, его оценка и сопоставление с личностными ресурсами. По Р. Лазарусу (Lazarus, 1993), развитие стресса зависит от того, как человек оценивает соотношения внешних средовых требований (интенсивность и качество стимула) и наличных у личности ресурсов совладания. И только в случае отрицательного баланса соотношения могут появиться запускающие стресс эмоции. По концепции стресса Селье (1982) стресс определяется плюрикаузальным (многопричинным) адаптационным синдромом, возникающим под действием комплекса факторов, которые необходимы для его развития. Следовательно, в качестве экспериментального стрессора можно подбирать или единственный интенсивный стимул с экстремальным воздействием, или комплекс действующих факторов. Кроме того, с учетом предназначения методики для оценки профессиональной пригодности к летному обучению и летному труду, разработчикам приходится ориентироваться на реальные технические и организационные возможности ее применения. У специалистов ППО отсутствуют такие приборы, как центрифуга или другие устройства, которые можно использовать в качестве дозированного физиологического стрессорного стимула. А в организационном плане для проведения оценки стрессоустойчивости в процессе ППО устанавливается лимит времени не более 20 мин. на одно исследование, с учетом количества кандидатов на поступление до 1000 и более человек.

Научная новизна исследования заключается в том, что создана методика прогностической оценки устойчивости к профессиональному информационному стрессу летного состава на основе определения устойчивости к воздействию экспериментального информационного стресса, а *оригинальность* разработанной методики – в возможности ее применения в процессе профессионального психологического отбора абитуриентов в летные училища. Особую актуальность новой методике придает тот факт, что в современных военных самолетах пятого поколения произведен перевод навигационных приборов с аналоговых показателей отображения информации на цифровые. При разработке программы данной методики использованы основополагающие работы Селье (1982), Ломова (1984), Бодрова (2006), Китаева-Смыка (2013), Пономаренко (2006).

Цель исследования заключается в создании методики объективной оценки устойчивости к воздействию экспериментального информационного стресса по психометрическим показателям, позволяющей прогнозировать поведение испытуемого в стрессовой ситуации реальной профессиональной деятельности.

Методы

Разработка стрессового стимула для формирования экспериментального информационного стресса

Вначале в качестве стрессогенного стимула был выбран комплекс эмоционально насыщенных факторов: предъявление трагических видео- и аудиостимулов (показ слайдов авто- и авиакатастроф, фотографий людей с тяжелыми травмами и с одновременным воздействием негативными звуками сирены, пулеметной очереди, разбитого стекла, драматических женских, детских и мужских криков), сама ситуация конкурсного тестирования, интенсивная эмоциогенная инструкция при предъявлении тестовых заданий (Красильников, Крачко и Мальчинский, 2013). Однако при апробации оказалось, что данный стресс-стимул вызывает не стрессовую, а ориентировочную реакцию, ибо частота пульса на этапе стрессового воздействия у большинства испытуемых не повышалась, а снижалась, и они заходили в кабинет исследования с вопросом «здесь страшное кино показывают?», что находило объяснение в их знакомстве с картинками ужасов по триллерам. Поэтому, в результате анализа тематической литературы (Бодров, 2006; Газиева, 2018; Гандер и др., 2016; Китаев-Смык, 2013; Пономаренко, 2006; Самотруева и др., 2015; Южаков и др., 2015; Юматов, 2020; Bernardi et al., 2000) и эмпирического испытания авторами различных методик для экспериментального стрессирования (Красильников и др., 2013, 2014; Красильников, Крачко и Мальчинский, 2015; Крачко, Красильников и Мальчинский, 2017; Крачко, Красильников, Мальчинский и Хвостова, 2018), был разработан следующий комплекс эффективных стрессогенных стимулов:

- усложненные математические задания, решение которых, по данным психофизиологических исследований, вызывает активацию более значительных областей головного мозга, чем при вербальных тестах (Айдаркин и Фомина, 2012; Павлыгина, Карамышева, Тутушкина, Сахаров и Давыдов, 2012; Роик и Иваницкий, 2011; Neubauer & Fink, 2009; Wagner, Sebastian, Lieb, Tüscher, & Tadić, 2014; Zago et al., 2008). Задания состоят из 100 примеров, представленных в виде трех модифицированных арифметических тестов («Арифметический счет 1» (АС1), «Арифметический счет 2» (АС2) и методика «Сложение чисел» (СЧ)), в которых действия с целыми числами выполняются по усложненным правилам;
- предъявление тестовых арифметических заданий на экран в случайном порядке, по одному, с интервалами в 3–4 с, чем создается эмоциональное напряжение от непредсказуемости ожидания, а также исключается эффект заучивания и «привыкания» (Алюшин, 2015);
- воздействие информационными помехами через наушники при выполнении заданий, которые оказывали как шумовой эффект, от стука метронома, так и дистракторный эффект (Уточкин, 2010), от драматического радиообмена авиадиспетчера с пилотом про аварийную ситуацию в самолете;
- высокая мотивация соревновательного участия в конкурсных экзаменах, которая обязательна, т. к. без мотивации на получение высокого балла в этом тесте его стрессогенный эффект минимизируется.

Психометрические показатели стрессовых проявлений

Оценка устойчивости к экспериментальному информационному стрессу определялась по следующим критериям.

Психологический критерий. Включает в себя показатели производительности, динамики, стабильности умственной работоспособности. Производительность умственной работоспособности измеряется числом правильно решенных арифметических заданий при выполнении трех тестов (АС1, АС2, СЧ) и показателем их суммы. Динамика определяется по соотношению правильных ответов в тестах АС1 и АС2. Стабильность оценивается по результатам выполнения теста «Сложение чисел», разделенного на шесть равных частей – по количеству нулевых решений в каждой из частей теста.

Физиологический критерий. Определяется по частоте сердечных сокращений (ЧСС) на разных этапах прохождения обследования. Выбор ЧСС основан на том, что по данным многих исследований (Баевский, Кириллов и Клецкин, 1984; Бахчина, Демидовский и Александров, 2018; Китаев-Смык, 2013) динамика пульса является интегративным показателем изменений физиологического состояния организма, характеризуется умеренным межиндивидуальным разбросом, что позволяет оптимально проводить стандартизацию показателей и их оценку, а надежность и простота измерения ЧСС облегчают ее применение в условиях ППО. Отказ от использования кожно-гальванической реакции (КГР) как паттерна физиологической реакции, сопровождающей умственную деятельность, был обусловлен большими межиндивидуальными различиями показателей, зависимостью от экологических условий, что затрудняло проведение стандартизации по выборке и критериальную оценку значений КГР.

Физиологический критерий включает в себя: показатели ЧСС на этапах выполнения арифметических тестов (АС1, АС2, СЧ), показатели ЧСС на фоновом этапе и завершающем этапе отдыха, показатели в виде индекса напряжения (соотношение ЧСС на фоновом этапе и этапе выполнения теста АС1) и индекса восстановления (соотношение ЧСС на фоновом этапе и завершающем этапе отдыха).

Поведенческий критерий. Фиксируемые наблюдением экспериментатора изменения поведения испытуемых, отражающие выраженность эмоционального напряжения в процессе исследования: речевая и моторная заторможенность или гиперактивность, заикание, тремор, изменения со стороны мимики, вегетатики. Поведенческие показатели по степени проявлений разделялись на следующие: выраженные (нарушающие выполнение тестовых заданий), умеренные (затрудняющие выполнение заданий), эпизодические умеренные или легкие проявления, отсутствие поведенческих проявлений.

Психологический, физиологический и поведенческий критерии, являющиеся психометрическими показателями стрессовых проявлений, объединяются в интегральную оценку стрессоустойчивости (Бодров, 2001; Крачко, Красильников и Мальчинский, 2019; Южаков и др., 2015).

Разработка программы обследования

На основе изложенных положений разработан сценарий с конкретизацией процедур и текстового содержания мероприятий на каждом из этапов экспериментального стрессового обследования. Разработан комплекс психометрических показателей стрессовых проявлений, а также способы их регистрации. Методика была реализована на основе многофункционального психофизиологического комплекса «Реакор» со встроенным в программное обеспечение комплекса авторским сценарием проведения исследования, включающим следующие этапы: фоновый; этапы выполнения тестовых арифметических заданий (АС1, СЧ, АС2), чередующихся с этапом инструкции к каждому заданию; этап отдыха.

Стандартизация показателей методики

Психометрические показатели стрессовых проявлений были проанализированы на выборках кандидатов, поступавших в летное училище за трехлетний период. Проверялись на соответствие нормальному распределению те показатели, которые имеют количественное выражение: показатели психологического и физиологического критериев. С целью подобной проверки рассчитывались:

- 1) характеристики положения выборочной совокупности;
- 2) характеристики рассеяния выборочной совокупности.

Для расчетов использовался пакет статистических программ «Описательная статистика» из «Microsoft Excel 2007». В результате были получены статистические характеристики показателей, вошедших в интегральную оценку стрессоустойчивости и измеряемых в количественных показателях в процессе обследования, в общей выборочной совокупности абитуриентов ($n = 3191$). Расчеты и результаты данной проверки были представлены в наших предыдущих публикациях (Крачко и др., 2018, 2019).

Полученные результаты позволяют считать, что количественные показатели, включенные в интегральную оценку стрессоустойчивости, соответствуют нормальному распределению по особенностям распределения тестовых оценок на репрезентативных выборках, что подтверждается репрезентативным объемом проведенных эмпирических испытаний ($n = 3191$) (Крачко и др., 2019).

Результаты и их обсуждение

Первичные количественные показатели стрессоустойчивости были преобразованы по нормативно-оценочным шкалам в частные оценки по пятибалльной шкале следующим образом:

- частная оценка в два балла присваивается первичному показателю, находящемуся в интервале $< \bar{X} - \sigma$;
- частная оценка в три балла присваивается первичному показателю, находящемуся в интервале между $\geq \bar{X} - \sigma$ и $< \bar{X}$;
- частная оценка в четыре балла присваивается первичному показателю, находящемуся в интервале между $\geq \bar{X}$ и $< \bar{X} + \sigma$;
- частная оценка в пять баллов присваивается первичному показателю, находящемуся в интервале между $\geq \bar{X} + \sigma$.

На основе нормативно-оценочной шкалы распределения количественных показателей стрессоустойчивости, в качестве частных оценок для каждого показателя, были использованы баллы от двух до пяти, т. е.: два балла – это низкая выраженность качества, три балла – удовлетворительная выраженность качества, четыре балла – хорошая выраженность качества, пять баллов – высокая выраженность качества.

Показатели динамики умственной работоспособности и качественные показатели поведенческих проявлений сразу преобразовываются в частные оценки по пятибалльной шкале (Крачко и др., 2019).

В представленной таблице 1 визуализированы нормативы оценок психометрических показателей стрессовых проявлений, разработанные в соответствии с нормативно-оценочными шкалами распределения первичных показателей по пятибалльной шкале.

Таблица 1 Нормативы оценок психометрических показателей стрессовых проявлений				
	Баллы (частные оценки)			
	2	3	4	5
Психологический критерий				
Показатели умственной работоспособности (УР)				
Показатель теста АС1	2 и <	3–6	7–10	11 и >
Показатель теста СЧ	6 и <	7–15	16–23	24 и >
Показатель теста АС2	5 и <	6–10	11–13	14 и >
Показатель суммы тестов (АС1 + СЧ + АС2)	14 и <	15–29	30–45	46 и >
Стабильность УР	2 и > нулевых решения	1 нулевое решение	Отсутствие нулевых решений	Отсутствие нулевых решений
Динамика УР	Стабильно низкие показатели АС2 и АС1	Стабильно удовлетворительные показатели АС2 и АС1	Стабильно хорошие показатели АС2 и АС1	Стабильно высокие показатели АС2 и АС1
Физиологический критерий				
Показатель ЧСС на этапе фона	100 и >	86–99	72–85	71 и <
Показатель ЧСС на этапе АС1	127 и >	108–126	90–107	89 и <
Показатель ЧСС на этапе СЧ	119 и >	102–118	84–101	83 и <
Показатель ЧСС на этапе АС2	113 и >	97–112	81–96	80 и <
Индекс напряжения	1,43 и >	1,26–1,42	1,12–1,25	1,11 и <
Индекс восстановления	1,07 и >	0,96–1,06	0,89–0,95	0,88 и <
Поведенческий критерий				
Показатели поведенческих проявлений	Выраженные проявления	Умеренные проявления	Эпизодические проявления	Отсутствие поведенческих проявлений

Определение интегральной оценки стрессоустойчивости основывалось на экспертно-аналитическом методе многомерного шкалирования, который был разработан в области авиационной психологии как наиболее приемлемый для практической оценки профессионально важных качеств военного летчика. В соответствии с использованным методом многомерного шкалирования каждому показателю измерения присвоены определенные коэффициенты важности (Крачко и др., 2019).

Показатели психологического критерия (показатель СЧ, показатели стабильности и динамики УР) являются показателями первой степени значимости, остальные три показателя (показатель АС1, показатель АС2, показатель суммы тестов) – второй степени важности.

Показатели физиологического критерия – показатель ЧСС на этапе фона, показатель ЧСС при выполнении теста СЧ, показатель индекса восстановления – стоят на первом месте по значимости. Ко второй степени важности относятся показатели ЧСС при выполнении тестов АС1 и АС2, показатель индекса напряжения.

Из показателей поведенческого критерия выраженным проявлениям присваивается первый коэффициент важности, умеренные и легкие проявления относятся к показателям второй степени значимости.

Подсчет интегральной оценки стрессоустойчивости (СУ) осуществляется в электронной базе формата Excel по формулам, представленным в предыдущих публикациях (Крачко и др., 2018, 2019), в соответствии с которыми обследуемые подразделяются на четыре группы по степени устойчивости к стрессу:

- с низким интегральным показателем СУ – у таких обследуемых в стрессовой ситуации прогнозируется высокая вероятность наступления дезорганизации деятельности;
- с удовлетворительным интегральным показателем СУ – в стрессовой ситуации прогнозируется высокая вероятность снижения надежности деятельности;
- с хорошим интегральным показателем СУ – в стрессовой ситуации прогнозируется сохранение надежности деятельности;
- с высоким интегральным показателем СУ – в стрессовой ситуации прогнозируется сохранение высокой надежности деятельности.

Для оценки связи между психометрическими показателями стрессовых проявлений, объединенными в интегральную оценку устойчивости испытуемых к экспериментальному информационному стрессу, и результатами экспертных оценок за тренажерную подготовку курсантов ($n = 562$) проведен корреляционный анализ, который показал достоверность (при $p < 0,05$) связей этих переменных. Сопоставлялись показатели интегральной оценки стрессоустойчивости, полученные при обследовании абитуриентов в процессе профессионального психологического отбора, с показателями эмоциональной напряженности при выполнении полета на авиационном тренажере у тех же испытуемых, ставших курсантами. При сопоставлении выяснилось, что чем выше у курсантов были показатели интегральной оценки стрессоустойчивости, тем они меньше проявляли напряженность и лучше действовали в особых (аварийных) ситуациях виртуального полета на авиационном тренажере. Наличие выявленных связей исследуемых показателей свидетельствует о критериальной (прогностической) валидности разрабатываемой методики, основанной на достоверно значимом коэффициенте (при $p < 0,05$) корреляции между интегральным показателем стрессоустойчивости и показателями внешнего критерия – оценками за тренажерную подготовку.

Достоверные различия (при $p < 0,05$) выявились также при сопоставлении показателей устойчивости к экспериментальному информационному стрессу с результатами прохождения летной практики в выборке курсантов ($n = 562$), разделенной на полярные группы «лучших» и «худших» по успешности ее прохождения – рейтинговой оценке экспертов. Курсанты с отличными рейтинговыми оценками выполнения полетных заданий на учебно-тренировочных самолетах имели высокие показатели стрессоустойчивости. Курсанты из группы «худших» по экспертной оценке за летную практику имели более высокие стрессовые проявления и низкую интегральную оценку стрессоустойчивости при прохождении экспериментального стрессового обследования.

Заключение

Полученные данные о существовании значимой корреляционной связи и достоверных различий (при $p < 0,05$) между интегральной оценкой стрессоустойчивости испытуемых и показателями успешности их летного обучения, по данным экспертных оценок за тренажерную подготовку и летную практику, дают основание предполагать о возможном практическом применении разрабатываемой методики.

Выявленная критериальная валидность на основе двух подходов – прогностического и путем деления на полярные группы по успешности прохождения летной практики – является обоснованием для применения методики в целях прогнозирования устойчивости к профессиональному информационному стрессу на основе устойчивости испытуемых к экспериментальному стрессу, вызванному воздействием комплекса информационных стрессогенных стимулов.

Таким образом, данная методика является чувствительным тестом на выявление у проходящих обследование лиц устойчивости к информационному стрессу, что позволяет рекомендовать ее для использования в процедурах профессионального психологического отбора кандидатов для поступления в летные училища.

Литература

- Айдаркин, Е. К. и Фомина, А. С. (2012). Исследование динамики пространственной синхронизации потенциалов мозга при решении сложных арифметических примеров. *Валеология*, 3, 91–106.
- Алюшин, М. В. (2015). Минимизация эффекта привыкания при проведении психологического тестирования. *Вопросы психологии*, 3, 153–160.
- Баевский, Р. М., Кириллов, О. И. и Клецкин, С. З. (1984). *Математический анализ изменений сердечного ритма при стрессе*. Москва: Наука.
- Бахчина, А. В., Демидовский, А. В. и Александров, Ю. И. (2018). Соотношение сложности динамики сердечного ритма и системных характеристик поведения. *Психологический журнал*, 39(5), 46–58. <https://doi.org/10.31857/S020595920000834-3>
- Беребин, М. А. и Пашков, А. А. (2017). Нейробиологические, нейрокompьютерные и нейровизуализационные аспекты исследования стресса и постстрессовых расстройств (литературный обзор). *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*, 10(1), 106–120. <http://dx.doi.org/10.14529/psy170111>
- Битюцкая, Е. В., Лебедева, Н. А. и Цаликова, Ю. Р. (2020). Изменение объема кратковременной памяти под влиянием стрессогенного воздействия у курсантов. *Российский психологический журнал*, 17(1), 27–43. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.1.3>

- Бодров, В. А. (2000). *Информационный стресс: Учебное пособие для вузов*. Москва: ПЕР СЭ.
- Бодров, В. А. (2001). *Психология профессиональной пригодности. Учебное пособие для вузов*. Москва: ПЕР СЭ.
- Бодров, В. А. (2006). *Психологический стресс: развитие и преодоление*. Москва: ПЕР СЭ.
- Газиева, М. В. (2018). Современные подходы к проблеме исследования стресса и стрессоустойчивости. *Мир науки, культуры, образования*, 3, 348–350.
- Гандер, Д. В., Ворона, А. А., Пономаренко, В. А. и Алексеенко, М. С. (2016). Методологические и теоретические предпосылки психологических исследований летного труда на современном этапе развития авиации. *Психология и Психотехника*, 11, 906–912.
- Караяни, А. Г. и Сыромятников, И. В. (2016). *Военная психология. Учебник для специалистов психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации*. Москва: Военный университет.
- Китаев-Смык, Л. А. (2013). *Психология стресса*. Москва: Книга по Требованию.
- Ковтунович, М. Г. и Маркачев, К. Е. (2008). Информационный стресс. *Психологическая наука и образование*, 5, 83–91.
- Красильников, Г. Т., Крачко, Э. А. и Мальчинский, Ф. В. (2013). Опыт применения авторской методики определения стрессоустойчивости. В С. Д. Некрасов (ред.), *Личность курсанта: психологические особенности бытия: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с иностранным участием) (с. 332–338)*. Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА», Кубанский гос. ун-т.
- Красильников, Г. Т., Крачко, Э. А. и Мальчинский, Ф. В. (2014). Профессиональный стресс и проблема стрессоустойчивости летных специалистов. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*, 2, 18–22.
- Красильников, Г. Т., Крачко, Э. А. и Мальчинский, Ф. В. (2015). Проблемы исследования экспериментальных стрессов опасных профессий. В Д. В. Богоявленская (отв. ред.), *От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах (Т. 5, с. 19–21)*. Москва: Когито-Центр.
- Крачко, Э. А., Красильников, Г. Т. и Мальчинский, Ф. В. (2017). Психофизиологический аспект исследования стрессоустойчивости летного состава. В *Материалы XXIII съезда Физиологического общества имени И. П. Павлова (с. 1281–1282)*. Воронеж: Истоки.
- Крачко, Э. А., Красильников, Г. Т. и Мальчинский, Ф. В. (2019). Исследование стрессоустойчивости кандидатов на поступление в высшее военное авиационное училище летчиков. *Известия Российской военно-медицинской академии*, 38(3), 34–40.
- Крачко, Э. А., Красильников, Г. Т., Мальчинский, Ф. В. и Хвостова, С. Л. (2018). Надежность прогноза успешности летного обучения по данным профессионального психологического отбора. *Надежность*, 18(3), 27–30. <https://doi.org/10.21683/1729-2646-2018-18-3-27-30>
- Куликова, Е. А. (2019). Стрессы в профессиональной деятельности: причины возникновения и пути преодоления. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 10, 79–88. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-12039>
- Ломов, Б. Ф. (1984). *Методологические и теоретические проблемы психологии*. Москва: Наука.
- Никифоров, Д. А., Ворона, А. А., Богомоллов, А. В. и Кукушкин, Ю. А. (2015). Методика оценивания потенциальной ненадежности действий летчика. *Безопасность жизнедеятельности*, 7, 7–16.

- Павлыгина, Р. А., Карамышева, Н. Н., Тутушкина, М. В., Сахаров, Д. С. и Давыдов, В. И. (2012). Решение математических логических задач в сенсорно обогащенной среде (классическая музыка). *Журнал высшей нервной деятельности*, 62(3), 292–301.
- Покровский, В. М., Мингалев, А. Н., Пухняк, Д. В. и Абушкевич, В. Г. (2011). Сравнительная характеристика методов оценки стрессоустойчивости человека. *Кубанский научный медицинский вестник*, 5, 125–127.
- Пономаренко, В. А. (2006). *Психология человеческого фактора в опасной профессии*. Красноярск: Поликом.
- Роик, А. О. и Иваницкий, Г. А. (2011). Нейрофизиологическая модель когнитивного пространства. *Журнал высшей нервной деятельности*, 61(6), 688–696.
- Самотруева, М. А., Сергалиева, М. У., Ясенявская, А. Л., Мажитова, М. В., Теплый, Д. Л. и Кантемирова, Б. И. (2015). Информационный стресс: причины, экспериментальные модели, влияние на организм. *Астраханский медицинский журнал*, 10(4), 25–31.
- Селье, Г. (1982). *Стресс без дистресса*. Москва: Прогресс.
- Собольников, В. В. и Иргит, В. В. (2018). Проблема индивидуальной устойчивости оператора к информационному стрессу в условиях риска. *Профессиональное образование в современном мире*, 8(2), 1940–1951. <https://doi.org/10.15372/PEMW20180224>
- Соловьева, С. Л., Николаев, В. И., Денисенко, Н. П. и Денисенко, М. Д. (2012). Психофизиологические критерии индивидуальной реакции в ситуации острого эмоционального стресса. *Медицинская психология в России: электронный научный журнал*, 4. Доступ 30 августа 2020, источник <http://medpsy.ru>
- Стамова, Л. Г., Гулин, А. В. и Назирова, А. А. (2017). Нейрофизиологические изменения при эмоциональном стрессе. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки*, 22(6), 1541–1547. <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2017-22-6-1541-1547>
- Уточкин, И. С. (2010). Эффекты дистрактора в перцептивных задачах. *Психологический журнал*, 31(3), 25–32.
- Южаков, М. М., Авдеева, Д. К. и Нгуен, Д. К. (2015). Обзор методов и систем исследования эмоционального стресса человека. *Современные проблемы науки и образования*, 2–2. Доступ 30 августа 2020, источник <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22753>
- Юматов, Е. А. (2020). Диалектика эмоционального стресса. *Вестник Международной академии наук (русская секция)*, 1, 31–35.
- Bernardi, L., Wdowczyk-Szulc, J., Valenti, C., Castoldi, S., Passino, C., Spadacini, G., & Sleight, P. (2000). Effects of controlled breathing, mental activity and mental stress with or without verbalization on heart rate variability. *Journal of the American College of Cardiology*, 35(6), 1462–1469. [https://doi.org/10.1016/S0735-1097\(00\)00595-7](https://doi.org/10.1016/S0735-1097(00)00595-7)
- Carver, C. S., Sutton, S. K., & Scheier, M. F. (2000). Action, emotion, and personality: Emerging conceptual integration. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 26(6), 741–751. <https://doi.org/10.1177/0146167200268008>
- Fink, G. (2016). *Stress: Concepts, cognition, emotion and behavior*. Cambridge: Academic Press.
- Lazarus, R. S. (1993). From psychological stress to the emotions: A history of changing outlook. *Annual Review of Psychology*, 44, 1–22. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.44.020193.000245>
- Neubauer, A. C., & Fink, A. (2009). Intelligence and neural efficiency: Measures of brain activation versus measures of functional connectivity in the brain. *Intelligence*, 37(2), 223–229. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2008.10.008>

- Rabenu, E., Yaniv, E., & Elizur, D. (2017). The relationship between psychological capital, coping with stress, well-being, and performance. *Current Psychology*, 36, 875–887. <https://doi.org/10.1007/s12144-016-9477-4>
- Selye, H. (1936). A syndrome produced by diverse nocuous agents. *Nature*, 138, 32. <https://doi.org/10.1038/138032a0>
- Vine, S. J., Uiga, L., Lavric, A., Moore, L. J., Tsaneva-Atanasova, K., & Wilson, M. R. (2015). Individual reactions to stress predict performance during a critical aviation incident. *Anxiety, Stress & Coping*, 28(4), 467–477. <https://doi.org/10.1080/10615806.2014.986722>
- Wagner, S., Sebastian, A., Lieb, K., Tüscher, O., & Tadić, A. (2014). A coordinate-based ALE functional MRI meta-analysis of brain activation during verbal fluency tasks in healthy control subjects. *BMC Neuroscience*, 15. <https://doi.org/10.1186/1471-2202-15-19>
- Zago, L., Petit, L., Turbelin, M.-R., Andersson, F., Vigneau, M., & Tzourio-Mazoyer, N. (2008). How verbal and spatial manipulation networks contribute to calculation: An fMRI study. *Neuropsychologia*, 46(9), 2403–2414. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2008.03.001>

Дата получения рукописи: 02.10.2020

Дата окончания рецензирования: 14.12.2020

Дата принятия к публикации: 20.12.2020

Информация об авторах

Геннадий Тимофеевич Красильников – доктор медицинских наук, профессор, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (профессионального психологического отбора и профессионального психологического сопровождения обучения летного состава), ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова» МО РФ, г. Краснодар, Российская Федерация; SPIN-код: 2604-0696.

Эльвира Адисовна Крачко – кандидат медицинских наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории психофизиологических проблем профессиональной подготовки летного состава научно-исследовательского отдела, ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова» МО РФ, г. Краснодар, Российская Федерация; SPIN-код: 5111-8401.

Федор Валентинович Мальчинский – кандидат психологических наук, начальник научно-исследовательского отдела (профессионального психологического отбора и профессионального психологического сопровождения обучения летного состава), ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова» МО РФ, г. Краснодар, Российская Федерация; SPIN-код: 9082-1435.

Заявленный вклад авторов

Геннадий Тимофеевич Красильников – аналитический обзор тематической литературы о профессиональном стрессе авиационных специалистов и проблеме стрессоустойчивости; теоретическая составляющая разработки методики «Оценка стрессоустойчивости», проведение пилотных исследований по апробации методики «Оценка стрессоустойчивости», анализ полученных результатов.

Красильников Г. Т., Крачко Э. А., Мальчинский Ф. В.
РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОСТИ...

Российский психологический журнал, 2021, Т. 18, № 1, 47–60. doi: 10.21702/rpj.2021.1.4

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Эльвира Адисовна Крачко – теоретический анализ существующего состояния проблемы профессионального авиационного информационного стресса и стрессоустойчивости; разработка методики «Оценка стрессоустойчивости», проведение пилотных исследований по апробации методики «Оценка стрессоустойчивости», статистическая обработка полученных результатов, проведение обобщающих итоговых выводов.

Федор Валентинович Мальчинский – анализ существующего положения прогностической оценки стрессоустойчивости в процессе профессионального психологического отбора (ППО) абитуриентов военного летного училища, адаптация методики «Оценка стрессоустойчивости» в процедуру ППО, организация проведения исследования по апробации методики «Оценка стрессоустойчивости».

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9.072.432

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.5>

Психологические особенности адаптации психологов к онлайн-консультированию во время пандемии COVID-19

София И. Скипор¹, Анастасия Е. Воробьева²✉

¹ Московский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

² Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

¹ Skipor.sofia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2252-0296>

² aeVorobieva@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-1080-0816>

Аннотация

Введение. Вынужденный переход консультирующих психологов на онлайн-консультирование потребовал от специалистов адаптации к новым условиям. Данных об адаптации российских практиков к онлайн-консультированию на фоне пандемии не обнаружено, информации об инновативности психологов недостаточно. Цель: выявить факторы адаптации психологов к интернет-консультированию в условиях пандемии. Основная гипотеза: выраженность инновативных качеств психолога связана с успешностью его адаптации к онлайн-консультированию во время пандемии COVID-19. Дополнительные: успешность адаптации психологов к онлайн-консультированию связана со стажем работы, регионом проживания, модальностью консультирования, положительным отношением к работе из дома. Новизна исследования: анализ факторов адаптации психологов к онлайн-консультированию на фоне пандемии COVID-19.

Методы. Выборка: 312 практикующих психологов из России. Для изучения адаптации и инновативных качеств применялись авторская анкета и «Методика исследования отношения личности к инновациям» (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко). Применены процедуры описательной статистики, критерии хи-квадрат и V Крамера.

Результаты. Психологи показали высокий уровень развития инновативных качеств и средний уровень готовности идти на риск ради успеха. Инновативные качества психолога связаны с успешностью адаптации к онлайн-консультированию. Связи между адаптацией и стажем работы, регионом проживания психолога обнаружено не было. Лучше всего к онлайн-формату адаптировались гештальт-терапевты, хуже – когнитивно-поведенческие психологи; предположение о связи модальности консультирования и адаптации подтвердилось. Положительное отношение к работе из дома в целом было связано с успешной адаптацией психологов. Нравилось работать из дома практикам, у которых не было проблемы с размытием границ «работа – дом».

Обсуждение результатов. Большинство психологов адаптировались к интернет-консультированию во время пандемии COVID-19, в том числе благодаря развитым инновативным качествам, возможностям для комфортной работы из дома, особенностям модальности,

в которой они работают. Обсуждены ограничения работы. Даны рекомендации для будущих исследований.

Ключевые слова

интернет-консультирование, онлайн-консультирование, психологическое консультирование, психолог, адаптация, инновативные качества, инновативность личности, COVID-19, самоизоляция, работа из дома

Основные положения

- психологи отличаются сильной выраженностью инновативных качеств, они в высокой степени креативны и ориентированы на будущее, в средней степени готовы идти на риск ради успеха;
- инновативные качества связаны с успешной адаптацией психолога к онлайн-формату консультирования;
- стаж и регион проживания не связаны с адаптацией к интернет-консультированию;
- модальность консультирования, желание и возможность работать из дома, умение выдерживать границы «работа – дом» связаны с адаптацией психологов-консультантов к удаленному формату работы.

Благодарности

Работа выполняется по Государственному заданию 0138-2021-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

Авторы выражают глубокую признательность и благодарность Профессиональной Психотерапевтической Лиге и лично В. В. Макарову за помощь в сборе данных и информационную поддержку. Также авторы благодарны администрациям сервиса онлайн-занятий с психологами «Zigmund. Online» и онлайн-сервиса для предоставления психологических услуг и дистанционных тренингов «BrainBild», Международной Профессиональной Ассоциации Психологов (МПАП) и магазину «Психологическая книга» за открытость к сотрудничеству и активное содействие сбору эмпирических данных. Без помощи всех перечисленных организаций данное исследование не состоялось бы.

Для цитирования

Скипор, С. И. и Воробьева, А. Е. (2021). Психологические особенности адаптации психологов к онлайн-консультированию во время пандемии COVID-19. *Российский психологический журнал*, 18(1), 61–73. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.5>

Введение

Пандемия коронавируса COVID-19 стала глобальным вызовом для всех сфер социальной жизни. Стремительная трансформация организации труда не в последнюю очередь коснулась практикующих психологов: увеличившаяся потребность в психологической помощи (Крахмалева, Кузьмина и Ермолова, 2020), невозможность работы в очном формате, неопределенные перспективы возвращения к привычному формату офлайн потребовали от консультантов новых форм работы.

Неспособность практикующего специалиста адаптироваться в подобной нестабильной среде может означать для него сокращение практики, а иногда и вовсе ее завершение. В период

пандемии одним из главных «вызовов» для психолога стало онлайн-консультирование, отношение к которому у многих академических и практических психологов было чаще негативным или настороженным (Glueskauf et al., 2018; Torooco et al., 2017).

Способность изменять свое поведение в ситуации неопределенности, творчески подходить к решению новых задач в подобное время обретает особое значение для консультирующего психолога, т. к. позволяет успешно адаптироваться к изменениям среды. «Инновационные качества», или «инновативные качества», или «инновационный потенциал» являются комплексными терминами для объединения качеств креативности, открытости новому опыту, гибкости, проактивности личности и, на наш взгляд, должны быть изучены у практикующих психологов в условиях адаптации к онлайн-консультированию.

Постановка проблемы

Склонность личности к инновациям является психологической характеристикой, которая детерминирует готовность индивида воспринимать новое и приспосабливаться к изменяющейся окружающей действительности. Инновационные качества личности изучаются авторами на протяжении длительного времени, признаваясь центральными для прогнозирования отношения индивида к инновациям, а также его способности к новаторству (Журавлев, 1993; Ключко и Галажинский, 2009; Ключко и Краснорядцева, 2010; Лебедева и Татарко, 2009; Советова, 2000; Терехова и Попов, 2015; Шемелина и Быкова, 2019; Aldahdouh, Korhonen, & Nokelainen, 2019; Aldahdouh, Nokelainen, & Korhonen, 2018; Ali, 2019; Nisula & Kianto, 2016; Wisdom, Chor, Hoagwood, & Horwitz, 2014). Некоторые авторы выделяют свою структуру данного комплексного феномена, обозначая такие ключевые составляющие, как «готовность к инновациям», «инновационная деятельность» и «инновационный потенциал» личности (Загашев, 2010; Ключко и Краснорядцева, 2010; Нестеров, 2007).

Изучение инновационных качеств практикующего психолога представляется одним из важных направлений исследования, т. к. психологическая практика сама по себе является процессом творчества (Махлова, 2012), в котором остается много места для неопределенности, креативности, умения и желания принимать решения в условиях недостаточности информации. Как и любой процесс модернизации, процесс консультирования клиента включает в себя первоначальное творческое понимание и осмысление проблемы, обнаружение ресурса и метода решения задачи, а также дальнейшую отработку новых решений и возможную корректировку метода в процессе. Для успешного выполнения данных шагов консультанту необходимо обладать рядом личностных характеристик. Так, зарубежный обзор более ста эмпирических исследований показал, что успешность психологической помощи консультанта связана с его индивидуальной адаптацией и креативностью в решении проблем (Beutler et al., 2004).

По результатам анализа литературы можно говорить о том, что консультирующие психологи отличаются высоким уровнем креативности (Костригин, 2014) и открыты новому опыту (Аверьянов, 2018). Однако данных об инновативности, инновационном потенциале консультирующих специалистов как об интегративной характеристике личности – отношению к нововведениям, способности и готовности внедрять и развивать инновации (Терехова и Попов, 2015), к настоящему моменту накоплено недостаточно (напр., Ikiz & Asici, 2017).

В изменяющихся условиях жизнедеятельности все более остро встает вопрос о способности меняться, преобразовывать среду, адаптироваться в новых условиях именно для практических психологов, т. к. они одни из первых, кто сталкивается с актуальными психическими феноменами

в обществе. При условии, что главные запросы клиентов теперь связаны в первую очередь с преодолением тревоги на фоне пандемии, вопросами формирования новых смыслов, форм и стратегий поведения на фоне изменившегося мира (Ефремова, 2020), инновативные качества психолога, адаптация его самого к трансформирующимся условиям жизни в данном контексте приобретают ключевое значение.

Таким образом, целью нашего исследования стало выявление факторов адаптации практикующих психологов к онлайн-формату работы во время пандемии COVID-19.

Исходя из факта связи инновативных качеств с открытостью новому опыту (Клочко и Галажинский, 2009; Терехова и Попов, 2015), нашей основной гипотезой (1) стало предположение о том, инновационные качества психолога-практика обуславливают успешность его адаптации к консультированию в онлайн-формате во время всеобщей самоизоляции.

На основании данных последних зарубежных исследований о вынужденном онлайн-консультировании во время пандемии (Békés & Aafjes-van Doorn, 2020) мы выдвинули дополнительную гипотезу (2) о том, что адаптация психологов к онлайн-формату связана с регионом их проживания и стажем работы.

Свидетельства того, что представители различных модальностей психотерапии по-разному приспособляются и относятся к интернет-консультированию, полученные на зарубежной выборке (Békés & Aafjes-van Doorn, 2020; Perle et al., 2013), позволили нам выдвинуть дополнительную гипотезу (3) о том, что внутренняя оценка успешности адаптации к онлайн-работе психолога связана с модальностью консультирования.

Наконец, на основании того, что «любовь» к работе из дома являлась одним из наиболее надежных предикторов позитивного отношения педагогов высшей школы к дистанционному формату образовательного процесса (Рогозин, 2020), мы выдвинули еще одну частную гипотезу (4) о связи положительного отношения к работе из дома в целом и адаптации к онлайн-консультированию практикующих психологов.

Методы

В исследовании приняли участие 312 психологов, практикующих на территории России и являющихся представителями следующих сообществ: Профессиональная Психотерапевтическая Лига (ППЛ), сервис онлайн-занятий с психологами «Zigmund. Online», онлайн-сервис для предоставления психологических услуг и дистанционных тренингов «BrainBild», Международная Профессиональная Ассоциация Психологов (МПАП). Опрос был проведен при информационной поддержке магазина «Психологическая книга».

Основному этапу сбора данных предшествовал пилотажный опрос практикующих психологов МПАП (n = 23) в мае 2020 г. На его основании была изменена структура анкеты и переформулирован ряд вопросов. Основной этап исследования проводился летом 2020 г. посредством Google Форм, оно было анонимным и добровольным. Материальное вознаграждение за участие в опросе участникам не предлагалось.

В связи с действующими коронавирусными ограничениями во время проведения исследования, а также технической сложностью измерения инновационного потенциала и адаптированности к интернет-консультированию психологов удаленно, нами было принято решение использовать самооценочные методики, легко реализуемые посредством онлайн-опроса. Для изучения инновационных диспозиций специалистов мы использовали «Методику исследования отношения личности к инновациям» (Лебедева и Татарко, 2009). Данная методика

была выбрана нами в связи с ее надежностью и согласованностью шкал, а также небольшим количеством вопросов для респондентов, что в случае интернет-опросов является критичным. Шкала самооценки инновативных качеств личности представляет собой 12 утверждений – характеристик человека, с которыми респонденту необходимо соотнести себя путем выбора ответов: «совсем не похож на меня», «мало похож на меня», «немного похож на меня», «похож на меня», «очень похож на меня». Каждое утверждение может относиться к одной из трех шкал: «креативность», «риск ради успеха», «ориентация на будущее». По ключу считается среднее арифметическое каждой шкалы и общего индекса инновативности личности (среднее арифметическое трех шкал). Полученные значения могут варьировать от 1 до 5.

Дополнительно мы составили авторскую анкету, которая содержала вопросы о месте жительства консультанта, его стаже, специализации, опыте интернет-консультирования до и во время всеобщей самоизоляции, отношении к подобной форме работы, сложностях, с которыми столкнулись психологи, а также о том, адаптировались ли практики к формату работы онлайн, и что им в этом помогло, об особенностях консультирования в период пандемии: конкуренции среди психологов, желании клиентов консультироваться онлайн. В данной работе представлена часть полученных результатов.

Результаты

Часть опрошенных психологов 42 % (n = 131) проживали в Москве или области, 39,4 % (n = 123) – в других регионах Российской Федерации, 18,6 % (n = 58) респондентов проживали в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Иная социодемографическая информация о респондентах нами не собиралась.

Большинство консультантов осуществляли частную практику (67,3%; n = 210) и специализировались на индивидуальном консультировании (41,35%; n = 129). Психологи чаще всего на момент исследования практиковали от 6 до 15 лет (39,7%; n = 124) или имели стаж до 5 лет (39,1%; n = 122).

Треть психологов (32%; n = 99) отметили, что практикуют в интегративном или эклектичном подходе, еще по 16 % специализируются на когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) или гештальтпсихотерапии.

Большинство опрошенных специалистов имели какой-то опыт консультирования онлайн до пандемии (82,4%; n = 257) и стали чаще работать в таком формате на всеобщей самоизоляции (75,6%; n = 236). При этом половина респондентов хорошо относились к онлайн-консультированию до пандемии (49,7%; n = 155) и либо не изменили своего мнения с началом пандемии (53,5%; n = 167), либо стали относиться к консультированию онлайн даже лучше (39,4%; n = 123). Если же психологи испытывали сложности в процессе онлайн-консультирования, то они обращались за помощью к коллегам (72,4%; n = 226).

Значительная часть практикующих психологов считали, что адаптировались к онлайн-формату работы (80,8%; n = 252), 14,1 % (n = 44) затруднились с ответом, еще 5,1 % (n = 16) не адаптировались. Больше половины опрошенных специалистов (57%; n = 178) не чувствуют себя «более вымотанными» после интернет-консультирования, 30,5 % (n = 95) отметили для себя такую особенность, 12,5 % (n = 39) затруднились ответить. У респондентов во время пандемии в целом не было проблем с тайм-менеджментом: так, 79 % (n = 246) опрошенных не заметили проблем со структурированием своего времени в связи с переходом работы в онлайн.

Интересно, что мнения психологов о размытии границ «работа – дом» в условиях онлайн-консультирования из дома разделились: около 59 % (n = 184) отметили, что не сталкивались

с такой сложностью, однако 35 % (n = 109) респондентов отмечают такую проблему, еще 6 % (n = 19) затруднились ответить. На вопрос, любят ли они в целом работать из дома, 69,2 % (n = 216) психологов ответили утвердительно.

В среднем опрошенные психологи показали высокий уровень развитости инновационных качеств (M = 3,74). Более половины респондентов (54,2 %; n = 169) обладали высоким уровнем инновативности, 44,5 % (n = 139) – средним, еще 1,3 % (n = 4) – низким. Респонденты также показали высокий уровень креативности (M = 3,95) и ориентации на будущее (M = 3,85), оказались в средней степени готовыми идти на риск ради успеха (M = 3,4).

Для проверки гипотезы о том, что инновативные качества психологов связаны с их адаптацией к онлайн-консультированию, мы составили таблицу сопряженности и применили критерий хи-квадрат с поправкой на непрерывность Йетса; для определения силы связи использовали V Крамера. Здесь и далее группа психологов, затруднившихся с ответом на вопрос об адаптации, рассматривалась нами как группа «неадаптированных» психологов, т. к. неопределенность в данном вопросе, на наш взгляд, скорее означает, что специалист не вполне адаптировался. Данные группы респондентов были далее совмещены для удобства статистической обработки.

Полученные результаты (df = 1; $\chi^2 = 6,732$; p < 0,01; V Крамера = 0,155) указывают на наличие связи (Akoglu, 2018) между уровнем выраженности инновационных качеств личности психолога и его ощущением адаптированности к онлайн-формату работы (табл. 1).

Таблица 1
Таблица взаимосвязи инновационных качеств и адаптации к работе онлайн

Адаптация	Уровень выраженности инновационных качеств		Значимость	
	Высокий	Средний/низкий	χ^2	V Крамера
Адаптировались	146 / 86,4 %	106 / 74,1 %	6,732	0,155
Не адаптировались	23 / 13,6 %	37 / 25,9 %		
Общее	169 / 100 %	143 / 100 %		

Также нами был проведен анализ связи факта успешной адаптации специалиста и региона его проживания (df = 2; $\chi^2 = 2,512$), стажа его работы (df = 2; $\chi^2 = 0,564$), а также наличия обсуждений проблем онлайн-консультирования с коллегами (df = 1; $\chi^2 = 0,221$). Во всех перечисленных случаях статистически значимой связи между переменными обнаружено не было.

Как видно в таблице 2, между адаптацией психологов и модальностью консультирования была обнаружена значимая взаимосвязь (df = 5; $\chi^2 = 11,171$; p < 0,05; V Крамера = 0,189). Чаще всего адаптировались к работе онлайн представители гештальт-подхода, реже всего – психологи, работающие в когнитивно-поведенческой парадигме.

Таблица 2

Взаимосвязь адаптации к онлайн-консультированию и модальности консультирования

<u>Модальность</u>	<u>Адаптация</u>		<u>Общее</u>
	Адаптировались	Не адаптировались	
Гештальт	46 / 90,2%	5 / 9,8%	51 / 100%
КПТ	33 / 66%	17 / 34%	50 / 100%
Системный	27 / 87,1%	4 / 12,9%	31 / 100%
Эклектичный/интегративный	79 / 79,8%	20 / 20,2%	99 / 100%
Другое	34 / 81%	8 / 19%	42 / 100%
Психоанализ	33 / 84,6%	6 / 15,4%	39 / 100%
χ^2	11,171		

В таблице 3 отображены данные о связи адаптации специалистов и их отношения к работе из дома в целом. Был обнаружен статистически значимый результат ($df = 2$; $\chi^2 = 70,538$; $p < 0,01$; V Крамера = 0,475).

Таблица 3

Взаимосвязь адаптации к онлайн-консультированию и отношения к работе из дома

<u>Положительное отношение</u> к работе из дома	<u>Адаптация</u>		<u>Общее</u>
	Адаптировались	Не адаптировались	
Да	200 / 92,6%	16 / 7,4%	216 / 100%
Нет	28 / 45,9%	33 / 54,1%	61 / 100%
Затрудняюсь ответить	24 / 68,6%	11 / 31,4%	35 / 100%
χ^2	70,538		

Далее мы выяснили (табл. 4), что факт адаптации к онлайн-работе также связан с переживанием практикующим психологом размытия или сохранения границ «работа – дом» в связи с переходом на интернет-консультирование из дома ($df = 2$; $\chi^2 = 28,819$; $p < 0,01$; V Крамера = 0,304).

Таблица 4
Взаимосвязь адаптации к онлайн-консультированию и ощущения размытости границ «работа – дом»

Размытие границ «работа – дом»	Адаптация		Общее
	Адаптировались	Не адаптировались	
Да	76 / 69,7%	33 / 30,3%	109 / 100%
Нет	166 / 90,2%	18 / 9,8%	184 / 100%
Затрудняюсь ответить	10 / 52,6%	9 / 47,4%	19 / 100%
χ^2	28,819		

Примечательно, что зачастую позитивное мнение о работе из дома имели психологи, которые не чувствовали размытие границ «работа – дом» в связи с удаленным форматом (табл. 5). Статистическая проверка данного наблюдения обнаружила значимую взаимосвязь между вышеуказанными параметрами ($df = 4$; $\chi^2 = 47,539$; $p < 0,01$; V Крамера = 0,276).

Таблица 5
Взаимосвязь положительного отношения психологов к работе из дома и ощущения размытости границ «работа – дом»

Положительное отношение к работе из дома	Размытие границ «работа – дом»			Значимость	
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	χ^2	V Крамера
Да	55 / 50,5%	154 / 83,7%	7 / 36,8%	47,539	0,276
Нет	19 / 8,4%	10 / 5,4%	6 / 31,6%		
Затрудняюсь ответить	35 / 32,1%	20 / 10,9%	6 / 31,6%		
Общее	109 / 100%	184 / 100%	19 / 100%		

Обсуждение результатов

Опрошенные нами психологи зачастую уже имели некоторый опыт онлайн-консультирования до пандемии и, безусловно, стали чаще работать таким образом во время всеобщей самоизоляции. Примечательно, что около половины респондентов в целом положительно относились к такому формату консультирования до пандемии и не изменили своего мнения с наступлением самоизоляции, что не соотносится с некоторыми исследованиями прошлых лет на зарубежной выборке (Glueckauf et al., 2018; Stoll, Müller, & Trachsel, 2020; Torooco et al., 2017). Полученные нами результаты требуют дальнейшей проверки на больших и более разнообразных выборках практикующих психологов.

Данные о том, что большинство специалистов считали, что адаптировались к онлайн-формату, а если и возникали какие-либо сложности с онлайн-форматом – обращались за помощью к коллегам, могут быть также обусловлены особенностями нашей выборки. Значительная часть опрошенных психологов состояла в профессиональных сообществах с развитой системой супервизий, интервизий и группового профессионального обучения, что формирует надежные профессиональные связи с коллегами и могло помочь практикам в адаптации. При этом статистически значимой связи между данными факторами найдено не было.

Несмотря на распространенность упоминания другими исследователями феноменов повышенной усталости и напряжения от работы онлайн у психологов (Stoll et al., 2020), в нашем исследовании только треть консультантов была подвержена этому. Также у большинства респондентов не было проблем со структурированием своего времени во время работы из дома. Возможно, это связано с тем, что значительная часть опрошенных психологов ранее уже пробовала консультировать онлайн, что отчасти позволило им избежать некоторых сложностей с приходом пандемии и повсеместной онлайн-работы. На полученные результаты также могли оказать влияние практикуемые респондентами виды и формы онлайн-консультирования, которые широко представлены на рынке психологических услуг в настоящее время (Cooper & Neal, 2015). Можно предположить, что видео- и аудиоконференции могут вызывать большую усталость по сравнению, например, с консультированием посредством переписки на онлайн-портале или в социальной сети, мессенджере. Данный фактор требует дальнейшего уточнения в будущих исследованиях.

Гипотеза о том, что положительное отношение к работе из дома в целом связано с лучшей адаптацией к онлайн-консультированию, была подтверждена. Более того, мы выяснили, что положительное отношение к работе из дома отрицательно коррелирует с переживанием размытости границ между домом и работой. То есть практикующие психологи, которые успешно переключаются между ролями специалиста и семьянина, не испытывают трудностей при проведении онлайн-консультаций не в условиях арендованного кабинета, а в домашней обстановке. Как именно им удается переключаться между этими ролями, представляет интерес для дальнейших исследований в первую очередь с практической точки зрения. Можно предположить, что адаптироваться к онлайн-формату некоторым психологам мешает отсутствие условий для работы из дома или недостаток самоорганизации для выдерживания границ профессиональных ролей, что, в свою очередь, приводит к тому, что специалисты в целом не хотят работать таким образом. Также на основании полученных взаимосвязей можно сделать вывод, что специалисты, нуждающиеся для переключения ролей в смене обстановки, испытывают трудности, вынужденно работая из дома.

Интересно, что большая часть консультантов не столкнулась с проблемой в вопросе о размытии границ «работа – дом» в связи с переходом на онлайн-работу, при том, что всё же больше трети респондентов почувствовали сложности в данном аспекте. Подобные результаты могут быть обусловлены различными семейными и жилищными условиями опрошенных специалистов. Так, представляется, что респондент, проживающий в семье с ребенком дошкольного возраста или с пожилыми родственниками в стесненных жилищных условиях, имеющий объективные сложности в выделении отдельного рабочего кабинета и соблюдении тишины во время консультаций в помещении, будет испытывать значительно больше неудобств с точки зрения поддержания сеттинга, обеспечения безопасности консультативного процесса, соблюдения границ и пребывания в профессиональной роли в течение рабочего дня, в отличие от специалиста, имеющего отдельный кабинет дома и/или не имеющего детей младшего возраста, совместно проживающих пожилых родственников. Дополнительное влияние на положительное отношение к работе из дома и соблюдение границ между работой и семьей мог оказывать также пол респондентов: по статистике, женщины в нашей стране несут на себе существенно большую родительскую и домашнюю нагрузку (Макаренцева, Бирюкова и Третьякова, 2017), что могло вызвать повышенное давление на женщин-психологов во время всеобщей самоизоляции, а также снизить их желание и возможности работать из дома.

Гипотезы о связи региона проживания и стажа работы с адаптацией к онлайн-консультированию не подтвердились. Полученные результаты отличаются от данных зарубежных коллег (Békés & Aafjes-van Doorn, 2020), которые обнаружили, что опыт и регион проживания влияют на отношение к онлайн-консультированию, его принятие. Такие различия, вероятно, связаны с тем, что авторы исследования опрашивали психологов из стран Северной Америки и Европы, где социально-культурные и экономические условия могут быть различными. Мы, в свою очередь, проводили исследование среди специалистов, проживающих и практикующих исключительно на территории России, что, безусловно, дало более гомогенную картину условий проживания и практики психологов.

Интересны результаты о наличии связи между подходом, в котором работает консультант, и успешностью его адаптации к онлайн-форме работы. Зарубежные исследования об адаптации консультантов к онлайн-формату во время пандемии показали похожий результат (Békés & Aafjes-van Doorn, 2020). Однако в нашем исследовании хуже всего адаптировались представители КПТ, а лучше всего – гештальттерапевты, что отличается от ранее полученных результатов некоторых авторов о том, что когнитивно-поведенческие терапевты лучше всего относятся и адаптируются к онлайн-формату (Perle et al., 2013). Кроме того, что представители гештальтподхода чаще считали себя адаптировавшимися к формату онлайн, они реже остальных затруднялись с ответом, что может быть объяснено особенностями данного подхода: повышенное внимание к своим эмоциональным и телесным реакциям, холистическое восприятие личности, практика концентрации на настоящем (Перлз, 2004) при постоянной практике могли привести, с одной стороны, к лучшей адаптации в изменившихся условиях, а с другой – к лучшей осведомленности о своем эмоциональном состоянии и ощущениях.

Практикующие психологи показали высокий инновационный потенциал, отличаясь высоким уровнем креативности и ориентации на будущее, а также средним уровнем готовности к риску ради успеха, что соотносится с результатами других авторов (Ikiz & Asici, 2017). Наша гипотеза о том, что инновационные качества личности психолога связаны с успешностью адаптации к формату работы онлайн, подтвердилась. Стоит заметить, что подобные результаты

в том числе могут быть обусловлены самоотбором респондентов: принять участие в исследовании отношения к онлайн-консультированию в условиях пандемии без материального вознаграждения могли иметь желание изначально более открытые к новому и активные респонденты.

Заключение

Таким образом, психологи России в целом безболезненно пережили вынужденный переход работы в онлайн-формат, показав высокий уровень развития инновационных качеств. Способность адаптироваться к изменившимся условиям работы у них была главным образом связана с инновационными диспозициями личности, возможностями организовать удаленный рабочий процесс и желанием работать из дома, а также с модальностью психологического консультирования.

Полученные нами данные могут быть использованы для разработки методических материалов и рекомендаций по организации работы психологов в онлайн-формате, а также для тренингов развития креативности, гибкости, инновативности в сообществе психологов-практиков.

Ограничения нашей работы связаны в первую очередь с небольшим размером выборки, применением самоотчетной формы опроса, а также недостатком социодемографической информации об опрошенных психологах.

Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на изучении инновационного потенциала, способности психологов к адаптации в быстро изменяющихся условиях современного цифрового мира, как в разрезе онлайн-консультирования, так и других средств и способов работы, на более обширных и разнообразных выборках специалистов.

Литература

- Аверьянов, А. И. (2018). Личностные качества экзистенциального терапевта: зарубежный опыт. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*, 8(2), 139–151. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.203>
- Ефремова, Д. Н. (2020). Дыхание коронавируса: об осуществлении дистанционной психологической помощи в период пандемии. *Вестник Московского государственного областного университета*, 2, 229–235. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1004>
- Журавлев, А. Л. (1993). Социальная психология личности и малых групп: некоторые итоги исследования. *Психологический журнал*, 14(4), 4–15.
- Загашев, И. О. (2010). Психологическая готовность к инновациям как условие эффективности внедрения системы управления качеством. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 12(5–2), 418–420.
- Клочко, В. Е. и Галажинский, Э. В. (2009). Исследование инновационного потенциала личности: концептуальные основания. *Сибирский психологический журнал*, 33, 6–12.
- Клочко, В. Е. и Краснорядцева, О. М. (2010). Особенности операционализации понятия «инновационный потенциал личности». *Вестник Томского государственного университета*, 339, 151–154.
- Костригин, А. А. (2014). Личность психолога-консультанта: теоретико-эмпирическая модель ключевых компетенций. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 1–2, 445–451.
- Крахмалева, О. Е., Кузьмина, К. Н. и Ермолова, И. М. (2020). Дистантная медико-психологическая

- помощь в условиях вынужденной изоляции. *Омский психиатрический журнал*, 2-15, 11–15. <https://doi.org/10.24411/2412-8805-2020-10202>
- Лебедева, Н. М. и Татарко, А. Н. (2009). Методика исследования отношения личности к инновациям. *Альманах современной науки и образования*, 4–2, 89–96.
- Макаренцева, А. О., Бирюкова, С. С. и Третьякова, Е. А. (2017). Представления мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, 97–114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.06>
- Махлова, О. А. (2012). Психологическая практика как творчество. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*, 10.
- Нестеров, А. В. (2007). Инновации: системный подход. *Компетентность*, 6, 3–13.
- Перлз, Ф. (2004). *Теория гештальттерапии*. Москва: Институт Общегуманитарных Исследований.
- Рогозин, Д. М. (2020). Преподаватели российских вузов о развитии онлайн-среды в условиях пандемии. *Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития*, 14, 36–44.
- Советова, О. С. (2000). *Основы социальной психологии инноваций*. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Терехова, Т. А. и Попов, С. А. (2015). Уточненная модель инновационной активности личности. *Психология в экономике и управлении*, 7(2), 144–152.
- Шемелина, О. С. и Быкова, Е. С. (2019). Социально-психологический тренинг как инструмент развития инновативных качеств личности. *Профессиональное образование в современном мире*, 2, 2814–2822. <https://doi.org/10.15372/PEMW20190218>
- Akoglu, H. (2018). User's guide to correlation coefficients. *Turkish Journal of Emergency Medicine*, 18(3), 91–93. <https://doi.org/10.1016/j.tjem.2018.08.001>
- Aldahdouh, T. Z., Korhonen, V., & Nokelainen, P. (2019). What contributes to individual innovativeness? A multilevel perspective. *International Journal of Innovation Studies*, 3(2), 23–39. <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2019.06.001>
- Aldahdouh, T. Z., Nokelainen, P., & Korhonen, V. (2018). Innovativeness of staff in higher education: Do implicit theories and goal orientations matter? *International Journal of Higher Education*, 7(2), 43–57. <https://doi.org/10.5430/ijhe.v7n2p43>
- Ali, I. (2019). Personality traits, individual innovativeness and satisfaction with life. *Journal of Innovation & Knowledge*, 4(1), 38–46. <https://doi.org/10.1016/j.jik.2017.11.002>
- Békés, V., & Aafjes-van Doorn, K. (2020). Psychotherapists' attitudes toward online therapy during the COVID-19 pandemic. *Journal of Psychotherapy Integration*, 30(2), 238–247. <http://dx.doi.org/10.1037/int0000214>
- Beutler, L. E., Malik, M., Alimohamed, S., Harwood, T. M., Talebi, H., Noble, S., & Wong, E. (2004). Therapist variables. In M. J. Lambert (Ed.), *Bergin and Garfield's handbook of psychotherapy and behavior change* (5th ed., pp. 227–306). New York: Wiley.
- Cooper, S. E., & Neal, C. (2015). Consultants' use of telepractice: Practitioner survey, issues, and resources. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 67(2), 85–99. <http://dx.doi.org/10.1037/cpb0000015>
- Glueckauf, R. L., Maheu, M. M., Drude, K. P., Wells, B. A., Wang, Y., Gustafson, D. J., & Nelson, E. L. (2018). Survey of psychologists' telebehavioral health practices: Technology use, ethical issues, and training needs. *Professional Psychology: Research and Practice*, 49(3), 205–219. <https://doi.org/10.1037/pro0000188>

- Ikiz, F. E., & Asici, E. (2017). The relationship between individual innovativeness and psychological well-being: The example of Turkish counselor trainees. *International Journal of Progressive Education*, 13(1), 52–63.
- Nisula, A.-M., & Kianto, A. (2016). The antecedents of individual innovative behaviour in temporary group innovation. *Creativity and Innovation Management*, 25(4), 431–444. <https://doi.org/10.1111/caim.12163>
- Perle, J. G., Langsam, L. C., Randel, A., Lutchman, S., Levine, A. B., Odland, A. P., ... Marker, C. D. (2013). Attitudes toward psychological telehealth: Current and future clinical psychologists' opinions of internet-based interventions. *Journal of Clinical Psychology*, 69(1), 100–113. <https://doi.org/10.1002/jclp.21912>
- Stoll, J., Müller, J. A., & Trachsel, M. (2020). Ethical issues in online psychotherapy: A narrative review. *Frontiers in Psychiatry*, 10, 993. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00993>
- Topooco, N., Riper, H., Araya, R., Berking, M., Brunn, M., Chevreur, K., ... Andersson, G. (2017). Attitudes towards digital treatment for depression: A European stakeholder survey. *Internet Interventions*, 8, 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.invent.2017.01.001>
- Wisdom, J. P., Chor, K. H. B., Hoagwood, K. E., & Horwitz, S. M. (2014). Innovation adoption: A review of theories and constructs. *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*, 41, 480–502. <https://doi.org/10.1007/s10488-013-0486-4>

Дата получения рукописи: 16.10.2020

Дата окончания рецензирования: 08.02.2021

Дата принятия к публикации: 10.02.2021

Информация об авторах

София Ильинична Скипор – выпускник факультета психологии, педагогики и социологии, АНО ВО «Московский гуманитарный Университет», г. Москва, Российская Федерация; SPIN-код: 1023-6270.

Анастасия Евгеньевна Воробьева – кандидат психологических наук, ФГБУН Институт психологии РАН, г. Москва, Российская Федерация; ResearcherID: M-2160-2016, SPIN-код: 9743-1030.

Заявленный вклад авторов

София Ильинична Скипор – разработка программы исследования, проведение исследования, анализ результатов исследования, работа с источниками, написание обзорной части.

Анастасия Евгеньевна Воробьева – разработка программы исследования, интерпретация результатов, написание обсуждения результатов, критический пересмотр содержания статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.91:616-072.85

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.6>

Функциональное состояние магно- и парвоцеллюлярных нейронных систем и когнитивные нарушения при шизофрении на разных этапах заболевания

Елена Р. Исаева^{1✉}, Илья А. Трегубенко², Юлианна В. Мухитова³, Ирина И. Шошина⁴

^{1, 2, 3} Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

⁴ Институт физиологии им. И. П. Павлова Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

¹ isajeva@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-7731-7693>

² ia2312@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8836-5084>

³ che88@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4172-6257>

⁴ shoshinaii@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8113-1680>

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются возможности комплексного (психофизиологического и экспериментально-психологического) подхода к диагностике когнитивных процессов для объективизации нарушений у пациентов с шизофренией. Новизна заключается в применении психофизиологических методов к изучению нарушений восприятия и мышления при шизофрении. Актуальным является уточнение взаимосвязи когнитивного функционирования с функциональным состоянием магноцеллюлярных и парвоцеллюлярных нейронных зрительных сетей и их динамики в процессе развития и хронизации заболевания. Замысел авторов состоял в доказательстве того, что рассогласование в работе данных нейронных систем приводит к нарушениям целостности зрительного восприятия и, в последующем, к нарушению селективности мышления, что затрудняет оценку и выбор значимой, существенной информации при формировании суждений, препятствует построению полноценной и адекватной картины окружающего мира.

Методы. Исследование проводилось с помощью методов визоконтрастометрии, оценивались контрастная чувствительность и помехоустойчивость. Для диагностики когнитивных функций использовался экспериментально-психологический метод с применением нейро- и патопсихологических методик: «Исключение 4-го лишнего», «Сравнение понятий», «Фигуры Поппельрейтера» и «Незавершенные изображения».

Результаты и их обсуждение. Проведен анализ функционального состояния магноцеллюлярной и парвоцеллюлярной зрительных систем, особенностей их взаимодействия и когнитивных функций на разных этапах заболевания. Обнаружены взаимосвязи психофизиологических характеристик восприятия с процессами восприятия, памяти, внимания и мышления.

Полученные данные позволили установить, что активность магноцеллюлярной системы связана с особенностями восприятия, рабочей памяти и свойствами внимания. Гиперактивация магноцеллюлярной системы сопровождается нарушением избирательности внимания. Обнаружен вклад магно- и парвоцеллюлярной систем (механизмы глобального и локального анализа) в осуществление процессов мышления. Гипоактивация парвоцеллюлярной системы приводит к снижению селективности мышления. Выявлено снижение активности обеих нейронных систем в процессе хронизации заболевания.

Ключевые слова

визуальное восприятие, зрительное восприятие при шизофрении, когнитивные процессы, когнитивные нарушения при шизофрении, нейронные системы, магноцеллюлярная система, парвоцеллюлярная система, контрастная чувствительность, мышление, нарушения мышления

Основные положения

- ▶ при шизофрении наблюдается рассогласование в функционировании магноцеллюлярной и парвоцеллюлярной нейронных систем, обеспечивающих механизмы глобального и локального анализа при восприятии информации;
- ▶ при первом эпизоде шизофрении наблюдаются гиперактивация магноцеллюлярной и снижение активности парвоцеллюлярной нейронной сети, однако на фоне длительного лечения антипсихотическими препаратами обнаруживается снижение активности обеих нейронных систем;
- ▶ магно- и парвоцеллюлярные системы участвуют в осуществлении процессов мышления: магноцеллюлярная система обеспечивает процессы абстрагирования и категоризации, парвоцеллюлярная – участвует в отборе и оценке значимых признаков.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 18-013-01245 «Зрительное восприятие и мышление при шизофрении»).

Для цитирования

Исаева, Е. Р., Трегубенко, И. А., Мухитова, Ю. В. и Шошина, И. И. (2021). Функциональное состояние магно- и парвоцеллюлярных нейронных систем и когнитивные нарушения при шизофрении на разных этапах заболевания. *Российский психологический журнал*, 18(1), 74–90. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.6>

Введение

Когнитивные расстройства при шизофрении (нарушения внимания, восприятия и мышления, регуляторных функций), описанные еще в работах Э. Крепелина и Э. Блейлера, выделяются в отдельный кластер патологических нарушений наряду с позитивной и негативной симптоматикой и определяются как один из компонентов шизофренического дефекта, приводящего к выраженной дезадаптации больных, ухудшению социального функционирования и инвалидизации (Гурович, Шмуклер и Магомедова, 2001; Иванов и Незнанов, 2008; Незнанов, Шмуклер, Костюк и Софронов, 2018; Мухитова, 2013; Янушко, Иванов и Сорокина, 2014;

Лебедева и Исаева, 2017; Nuechterlein et al., 1992; Addington, Addington, & Gasbarre, 2001; Savla, Moore, & Palmer, 2008; Green & Harvey, 2014).

Современные исследования демонстрируют разнообразие когнитивных нарушений при шизофрении, описывая различную структуру когнитивного дефекта: нарушения познавательной деятельности при шизофрении происходят на всех ее уровнях, начиная от непосредственного чувственного отражения действительности, затрагивают процессы внимания, памяти, научения – и вплоть до сложных процессов мышления, планирования, контроля и регуляции познавательной деятельности (Ткаченко и Бочаров, 1991; Зайцева, Саркисян, Саркисян и Сторожакова, 2011; Чередникова, 2011; Мухитова, 2013; Лебедева, Исаева и Степанова, 2013; Harvey & Keefe, 2009; Kalkstein, Hurford, & Gur, 2010; Schaub, Neubauer, Mueser, Engel, & Möller, 2013; Moustafa et al., 2016; Penadés, Franck, González-Vallespi, & Dekerle, 2019; Peskin, Koren, & Gabay, 2020); в зависимости от применяемой лекарственной терапии, формы и длительности заболевания (Гурович и др., 2001; Мосолов и Кабанов, 2005; Лебедева и Исаева, 2017; Addington et al., 2001; Mesholam-Gately, Giuliano, Goff, Faraone, & Seidman, 2009; Green & Harvey, 2014; Isaeva, Lebedeva, & Simon, 2018).

Исследования процесса восприятия у пациентов с заболеваниями шизофренического спектра традиционно рассматриваются в рамках эмоционального и социального познания (Рычкова, Федорова и Приймак, 2011; Addington et al., 2001; Green & Leitman, 2008; Kurylo, Pasternak, Silipo, Javitt, & Butler, 2007; Savla et al., 2008). Кроме того, восприятие изучается в ряду познавательных процессов при когнитивном дефиците у пациентов (Блейхер, Крук и Боков, 2002; Бологов, Критская и Мелешко, 2009; Зайцева и др., 2011; Мухитова, 2013; Шошина и Шелепин, 2016; Shoshina et al., 2020). Неслучайно многие авторы предлагают рассматривать шизофрению как «когнитивно-перцептивную дисфункцию», или расстройство с дисфункцией мышления и восприятия (dysfunction of thought and perception) (Sartorius et al., 2014).

В современной психологии восприятие понимается как сложный психический процесс, который имеет связи не только с универсальными процессами (память, внимание), но и с мышлением. В процессе восприятия участвуют как нижележащие (физиологические), так и вышележащие (психические, когнитивные) процессы, происходит выдвижение перцептивных гипотез и ожиданий (Арбиб, 2004; Величковский, 1999; Глезер, 1993; Фаликман и Печенкова, 2004). Учитывая взаимопроникновение процессов переработки когнитивной информации, в исследовании предпринимается попытка описания связей психофизиологических показателей визуального восприятия с характеристиками «сквозных» процессов (памяти, внимания) и мышления.

Наиболее перспективными в данное время являются работы, в которых, наряду с традиционными психодиагностическими, применяются психофизические и психофизиологические методы изучения когнитивных процессов, поскольку они позволяют объективизировать диагностику. В качестве основы психофизиологического подхода к диагностике восприятия предложен анализ функционального состояния магноцеллюлярной и парвоцеллюлярной зрительных систем. Магноцеллюлярные и парвоцеллюлярные нейронные системы различны по своей чувствительности к пространственной частоте входной зрительной информации. Магноцеллюлярная система наиболее чувствительна к низким пространственным частотам, парвоцеллюлярная система – к высоким пространственным частотам. Классическим методом оценки их состояния является регистрация контрастной чувствительности зрительной системы в различных диапазонах пространственных частот (Shoshina, Shelepin, Verшинina, & Novikova, 2015).

В свете изложенного выше особую актуальность приобретает проблема комплексных исследований механизмов нарушения зрительного восприятия и мышления во взаимосвязи с функциональным состоянием магноцеллюлярной и парвоцеллюлярной нейронных систем у больных шизофренией, с целью объективизации данных при выявлении ранних признаков заболевания и их динамики в процессе лечения.

Целью исследования было определение механизмов сенсорно-когнитивных нарушений, наблюдающихся при шизофрении, и их связи с изменением функционирования магно- и парвоцеллюлярных нейронных систем на разных этапах заболевания.

Методы

Исследование выполнено на базе отделений СПб ГБУЗ «Психиатрическая больница № 1 им. П. П. Кащенко». В исследование были включены пациенты с диагнозом шизофрения параноидная форма (F20), установленным в соответствии с диагностическими критериями МКБ-10, без выраженного интеллектуального снижения. Участие пациентов в исследовании проходило при отсутствии выраженного психотического состояния, в состоянии медикаментозной ремиссии, все пациенты принимали лекарственную терапию нейролептиками по назначению лечащего врача. Условия проведения исследований соответствовали требованиям Хельсинской декларации Всемирной медицинской ассоциации и были одобрены Этическим комитетом Первого Санкт-Петербургского медицинского университета им. И. П. Павлова. В ходе исследования было обследовано 68 пациентов, средний возраст составил 34 ± 12 лет, из них: 51 человек (75 %) – мужчины, 17 (25 %) – женщины. Выборка была разделена на 2 подгруппы: 1) пациенты с первым психотическим эпизодом (длительность заболевания до 1 года) – 30 человек; 2) пациенты с хронической шизофренией (длительность заболевания от 3 до 15 лет) – 38 человек.

Использовались метод визоконтрастометрии, основанный на оценке контрастной чувствительности зрительной системы (Шелепин, Колесникова и Левкович, 1985), и метод оценки помехоустойчивости зрительной системы, основанный на регистрации вероятности правильного ответа в задаче различения местоположения разрыва колец Ландольта, предъявляемых в условиях наложения шума разного количества и качества, что позволяет судить об уровне внутреннего шума зрительной системы. Указанные методы позволили оценить функциональное состояние магно- и парвоцеллюлярных нейронных сетей, обеспечивающих механизмы глобального и локального анализа информации и ее передачу в составе дорзального и вентрального потоков во фронтальные отделы коры головного мозга для построения образа, принятия решения и программирования действия.

Визоконтрастометрию осуществляли с использованием компьютерной программы, разработанной С. В. Прониным в Институте физиологии им. И. П. Павлова РАН, позволяющей формировать тестовые изображения на мониторе любого типа без предварительной его калибровки. Для передачи яркостного профиля тестовых изображений в ней использованы вариации плотности случайно расположенных на черном фоне белых точек. Для измерения порогового контраста применена адаптивная «лестничная» процедура (adaptive staircase procedure). Стимулы предъявляли на экране 15,4" TFT, WXGA, с активной матрицей повышенной яркости (Toshiba TruBrite), разрешением 1024*600 пикселей, частотой обновления 60 Гц. В случайном порядке слева или справа от центра экрана выводили элементы Габора (рис. 1) с пространственными частотами 0,4, 0,6, 0,8, 1,0, 4,0 и 10,0 цикл/град. При

анализе полученных данных к низким пространственным частотам относили частоты – 0.4, 0.6, 0.8 цикл/град, к средним – 1.0 и 4.0 цикл/град, к высоким – 10 цикл/град.

Задача испытуемого состояла в том, чтобы нажать на правую кнопку мыши, если он видит изображение справа, левую кнопку – если слева.

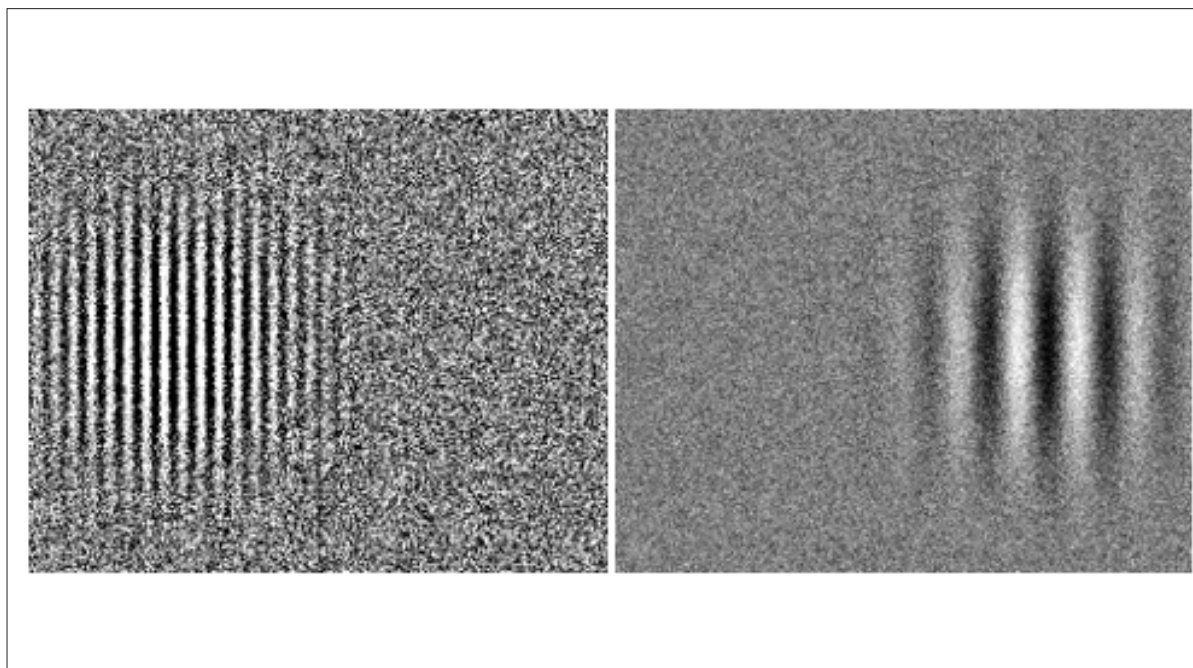

Рисунок 1. Примеры изображений элементов Габора, предъявляемых в исследовании

Выбор просили делать и тогда, когда испытуемый не был уверен, что видит тестовое изображение. Измерение начинали с контраста 0.5 и понижали его до порогового уровня, при котором испытуемый с вероятностью 0.5 допускал хотя бы одну ошибку, после чего контраст начинал колебаться вокруг этого уровня. Шаг изменения контраста составлял 20%.

Количество повторов для каждой пространственной частоты равнялось восьми.

Монитор находился на расстоянии 1,5 метров, уровень расположения глаз испытуемого примерно соответствовал середине экрана, положение головы фиксировали с помощью лобно-подбородной подставки. Наблюдение осуществляли бинокулярно. По условиям проведения эксперимента острота зрения включенных в исследование испытуемых должна была соответствовать норме или быть скорректированной с помощью очков до нормы. Измерения проводили в темноте, источником освещения был только экран монитора.

Оценку помехоустойчивости проводили с помощью компьютерной программы, разработанной С. В. Прониным и Ю. Е. Шелепиным в лаборатории физиологии зрения Института физиологии им. И. П. Павлова РАН (Шошина, Шелепин, Вершинина и Новикова, 2014; Shoshina et al., 2020). На экран монитора выводили белые на черном фоне стилизованные изображения колец Ландольта разного размера с величинами разрыва кольца в 4, 8, 12, 16, 20, 28, 36, 60 и 100 пикселей с наложением помехи и без таковой (рис. 2).

а

б

Рисунок 2. Стилизованные изображения колец Ландольта без наложения шума (а) и (б) с наложением шума (помехи)

Использовали шум, при котором размер элементарной помехи равнялся 25 % от величины разрыва кольца. Количество накладываемого шума в каждом случае составляло 30 %. Задача испытуемого состояла в том, чтобы различить место нахождения разрыва кольца (справа, слева, сверху или снизу). Регистрировали вероятность правильного ответа (в долях от единицы, максимальное значение – 1,0) при предъявлении изображений без шума и с наложением шума (помехи). Количество повторов предъявления изображений колец Ландольта разного размера равнялось 5. Время рассматривания изображений не ограничивалось. Чем выше вероятность правильного ответа, тем выше помехоустойчивость.

Также использовали экспериментально-психологические методики для исследования когнитивных процессов: «Исключение 4-го лишнего», «Сравнение понятий», «Сходства» – для оценки способности осуществлять операции анализа и синтеза, обобщения, абстрагирования, умения выделять главные, существенные признаки предмета или понятия на образном уровне (Блейхер и др., 2002); тест Струпа «Словесно-цветовая интерференция» для оценки степени гибкости/ригидности когнитивного контроля, избирательности произвольного внимания и селективности мышления (Зотов, 2012); «ТМТ» (Trail Making Test), субтест А и Б – для изучения характеристик внимания (концентрации, переключаемости, уровня распределения) и темпа психической деятельности (Мосолов и Кабанов, 2005); «Фигуры Поппельрейтера» позволили оценить зрительный гнозис, способность выделить фигуру из фона; методика «Недорисованные изображения» позволила оценить константность восприятия, сохранность зрительного образа объекта, наличие фрагментарности восприятия (Рубинштейн, 2004). Расчет математико-статистических данных производился в программе STATISTICA 10 с использованием следующих методов статистического анализа данных: сравнительного анализа с использованием критерия Манна – Уитни, корреляционного анализа по Спирмену. Учитывая небольшую численность и неравномерность объема групп, что подразумевает некоторую гетероскедастичность

данных и возможность выбросов, были выбраны непараметрические методы статистической обработки (сравнительный анализ с использованием критерия Манна – Уитни). Отобранные методы являются робастными и не предъявляют требований к распределению данных. Корреляционный анализ осуществлялся с помощью алгоритма расчета коэффициента корреляции Спирмена, который включает этап перевода всех представленных данных в единую шкалу, где само вычисление по формуле коэффициента происходит после преобразования и без него невозможно. Поскольку данное преобразование входит в сам расчет и делается автоматически, мы не стали расписывать в статье сам алгоритм (он является стандартным для использованного статистического метода). В корреляционном анализе использовались следующие физиологические показатели: контрастная чувствительность в диапазоне низких, средних и высоких пространственных частот (единица измерения – цикл/градус), эффективность опознания месторасположения разрыва кольца Ландольта в условиях наложения внешней помехи (помехоустойчивость, единица измерения – доля от 1,0).

Результаты и их обсуждение

По результатам психофизиологического исследования функционального состояния магноцеллюлярных и парвоцеллюлярных нейронных сетей можно заключить, что у пациентов наблюдаются рассогласования механизмов глобального и локального анализа информации, субстратом которых являются преимущественно данные нейронные сети. Пациенты с первым эпизодом шизофрении, заболевшие недавно и не получавшие длительного антипсихотического лечения, демонстрировали повышение активности магноклеточной нейронной системы (механизм глобального анализа), по сравнению с психически здоровыми испытуемыми, тогда как активность парвоклеточной системы (механизм локального анализа) была снижена. Пациенты, длительно страдающие шизофренией (хронические больные) и длительно принимавшие лекарственные антипсихотические препараты, демонстрировали снижение чувствительности (активности) обеих нейронных систем ($p < 0,05$).

Пациенты с первым эпизодом шизофрении демонстрировали снижение, относительно нормы, контрастной чувствительности в диапазоне средних пространственных частот так же, как и хронически больные ($p < 0,05$). В результате регистрации эффективности различения зашумленных изображений установлено достоверное снижение количества правильных ответов о местоположении разрыва кольца Ландольта в условиях шума у хронически больных шизофренией, по сравнению с пациентами с первым эпизодом шизофрении. При этом пациенты с первым эпизодом шизофрении (без длительной фармакотерапии) демонстрировали одинаковую эффективность опознания зашумленных изображений в сравнении с хронически болеющими пациентами, получавшими длительную терапию. Полученные данные свидетельствуют о повышении уровня внутреннего шума системы зрительного восприятия по мере хронизации заболевания.

Больные шизофренией с первым психотическим эпизодом хуже справляются с выделением фигуры из фона в сравнении с хронически больными (методика «Фигуры Поппельрейтера»). Результаты можно увидеть в таблице 1.

Ухудшение выполнения этой методики у больных шизофренией связано со снижением контрастной чувствительности в диапазоне низких пространственных частот, к которым специфична магноцеллюлярная система. В ходе психофизического эксперимента, результаты которого представлены выше, установлено, что при первом психотическом эпизоде

происходит гиперактивация магноклеточной нейронной системы. Данный факт объясняет ухудшение извлечения фигуры из фона у лиц с первым эпизодом шизофрении, которое является следствием сдвига равновесия взаимодействия между концентрацией и распределением внимания в сторону распределения.

Таблица 1

Сравнительный анализ восприятия у пациентов с различным стажем заболевания

<u>Показатель</u>	<u>Хронически</u> <u>больные</u>	<u>Первичный</u> <u>приступ</u>	<u>Значение</u> <u>U-</u> <u>критерия</u>	<u>Z-преобразованный</u> <u>критерий</u>	<u>Уровень</u> <u>значимости</u> <u>различий, p</u>
Восприятие («Фигуры Поппельрейтера»)					
Количество узнанных изображений	9,44 ± 0,70	8,73 ± 0,93	332,00	2,07	0,04

Психологическая диагностика характеристик памяти и внимания представлена в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ показателей памяти и внимания у пациентов с различным стажем заболевания

<u>Показатель</u>	<u>Хронически</u> <u>больные</u>	<u>Первичный</u> <u>приступ</u>	<u>Значение U-</u> <u>критерия</u>	<u>Z-преобразо-</u> <u>ванный</u> <u>критерий</u>	<u>Уровень</u> <u>значимости</u> <u>различий, p</u>
Методика «10 слов»					
Показатель роста запоминания слов	0,55 ± 0,45	0,76 ± 0,30	96,00	-2,08	0,04
Методика «ТМТ» (внимание)					
Время сек., А	54,62 ± 25,47	50,39 ± 25,41	463,00	0,84	
Время сек., Б	163,58 ± 92,68	125,48 ± 70,29	335,50	2,04	0,04

У пациентов на ранних стадиях заболевания (первый эпизод) показатель роста запоминания слов значимо выше (с каждым предъявлением пациенты воспроизводят больше слов), чем у хронически больных. Усредненный профиль по пяти пробам представлен на рисунке 3.

Для больных с хронической формой заболевания характерно неровное воспроизведение запоминаемого материала. Переключаемость внимания и скорость обработки информации (методика «ТМТ», часть Б, время выполнения) у пациентов с первым эпизодом достоверно выше, чем у хронически больных шизофренией.

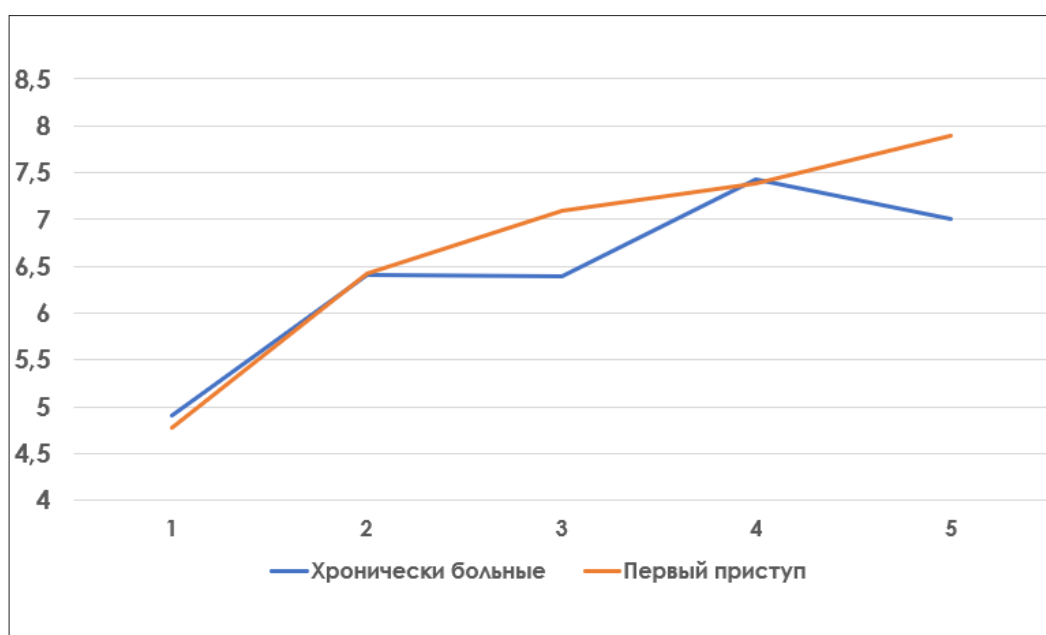

Рисунок 3. Усредненный профиль по пробам «10 слов» у пациентов с различным стажем заболевания

Таким образом, исходя из полученных данных, можно заключить, что пациенты с первым эпизодом шизофрении демонстрируют большую эффективность запоминания, более высокую скорость обработки информации и подвижность нервных процессов (гибкость когнитивного контроля), более высокие переключаемость и распределение внимания, по сравнению с хроническими пациентами с шизофренией. Однако пациенты первой группы давали больше ложных опознаний при восприятии зрительных образов и ложных воспроизведений при запоминании слов. Это отражает остроту психического состояния и может быть объяснено гиперактивацией магноклеточной нейронной системы, изменением характера взаимодействия магно- и парвоклеточной нейронных систем, и, соответственно, нарушением равновесия во взаимодействии между процессами концентрации и распределения внимания.

Далее нами был проведен корреляционный анализ физиологических показателей и психологических параметров исследования процессов памяти, восприятия, внимания и мышления. По результатам анализа были построены корреляционные плеяды (рис. 4–5).

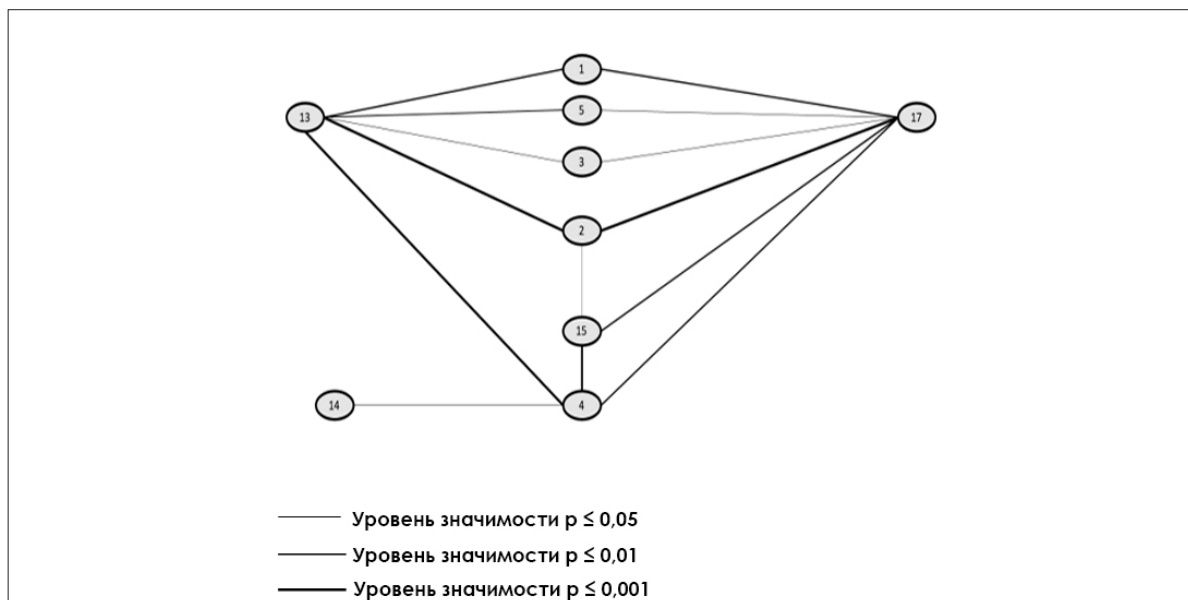

Рисунок 4. Корреляционная плеяда физиологических показателей с характеристиками памяти

Условные обозначения: 1) 1 предъявление; 2) 4 предъявление; 3) 5 предъявление; 4) ретенция; 5) среднее по пробам памяти; 13) контрастная чувствительность в диапазоне низких пространственных частот; 14) контрастная чувствительность в диапазоне средних пространственных частот; 15) контрастная чувствительность в диапазоне высоких пространственных частот; 17) помехоустойчивость.

Установлено, что все показатели памяти (рис. 4), включая отсроченное воспроизведение, имеют выраженную прямую корреляционную связь с контрастной чувствительностью в диапазоне низких пространственных частот, к которым специфична магноцеллюлярная нейронная система, обеспечивающая *глобальный* механизм анализа зрительного поля (Шошина и др., 2014; Шошина и Шелепин, 2016). Отростки нейронов магноцеллюлярной системы формируют дорзальный путь передачи информации из каудальных отделов во фронтальные зоны коры, которые отвечают за контроль, принятие решений и программирование действий (Merigan & Maunsell, 1993).

При этом также показано, что отсроченное воспроизведение имеет выраженную корреляционную связь с контрастной чувствительностью в диапазоне высоких пространственных частот, к которым специфична парвоцеллюлярная нейронная система, обеспечивающая *локальный* анализ зрительного поля (Шошина и др., 2014; Шошина и Шелепин, 2016). Отростки нейронов парвоцеллюлярной системы формируют вентральный путь передачи информации из каудальных отделов во фронтальные зоны коры (Merigan & Maunsell, 1993). Таким образом, получены данные в пользу того, что магноцеллюлярная нейронная система включена в процессы памяти и обеспечивает *процедурное* запоминание, т. к. нейроны магноцеллюлярной системы специфичны к оценке движения и, соответственно, включены в моторное научение. Процедурное запоминание основано на запоминании последовательности действий без обращения к содержательной стороне и улавливания сути, определяет автоматизацию действий, лежащих в основе формирования привычек и навыков. Тот факт, что показатель отсроченного воспроизведения связан с контрастной чувствительностью в диапазоне высоких пространственных

частот, свидетельствует о вовлечении парвоцеллюлярной нейронной сети в процессы памяти, вероятно, за счет установления семантических связей. Таким образом, продемонстрированы особенности взаимодействия магно- и парвоцеллюлярной нейронных сетей в обеспечении процессов запоминания. Результаты регрессионного анализа свидетельствуют о высоком коэффициенте детерминации показателей памяти контрастной чувствительностью в диапазоне низких и высоких пространственных частот, а также помехоустойчивостью (эффективностью опознания местоположения разрыва кольца Ландольта в условиях шума).

При этом наибольший вклад в эффективность отсроченного воспроизведения вносит контрастная чувствительность в диапазоне высоких пространственных частот, связанная с работой парвоцеллюлярной системы.

Обратимся к анализу взаимосвязей парво- и магно- систем с характеристиками восприятия и внимания (см. рис. 5). Установлена выраженная прямая корреляция между контрастной чувствительностью в диапазоне низких, средних и высоких пространственных частот с количеством правильно достроенных образов в методике «Незавершенные изображения» и, соответственно, обратная корреляция с количеством неверно достроенных образов. Кроме того, показана выраженная прямая зависимость между контрастной чувствительностью в диапазоне низких пространственных частот и количеством узанных изображений в методике «Фигуры Поппельрейтера».

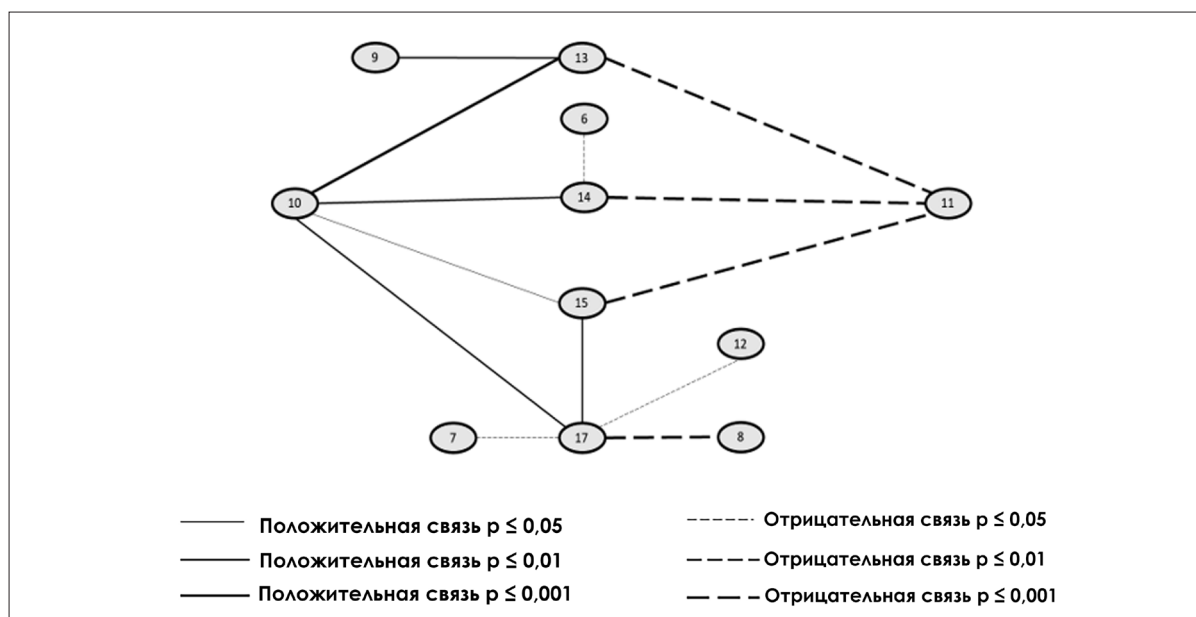

Рисунок 5. Корреляционная плеяда физиологических показателей с характеристиками восприятия и внимания

Условные обозначения: 6) коэффициент ригидности (методика Струпа); 7) время в секундах («ТМТ», внимание); 8) количество ошибок («ТМТ», внимание); 9) количество узанных изображений («Фигуры Поппельрейтера»); 10) количество узанных изображений («Незавершенные изображения»); 11) количество неузнанных изображений («Незавершенные изображения»); 12) искажения в восприятии («Незавершенные изображения»); 13) контрастная чувствительность в диапазоне низких пространственных частот; 14) контрастная чувствительность в диапазоне средних пространственных частот; 15) контрастная чувствительность в диапазоне высоких пространственных частот; 17) помехоустойчивость.

Полученные результаты свидетельствуют о роли каждой из нейронных систем и их взаимодействии в задаче достраивания образа и обеспечении целостного восприятия. Полученные данные свидетельствуют о роли механизмов глобального и локального анализа при извлечении фигуры из фона. Таким образом, в очередной раз продемонстрирована важность взаимодействия магно- и парвоцеллюлярной нейронных систем, соответственно, механизмов глобального и локального анализа в обеспечении восприятия, независимо от задачи.

На заключительном этапе был проведен анализ взаимосвязей физиологических показателей с характеристиками мышления (рис. 6).

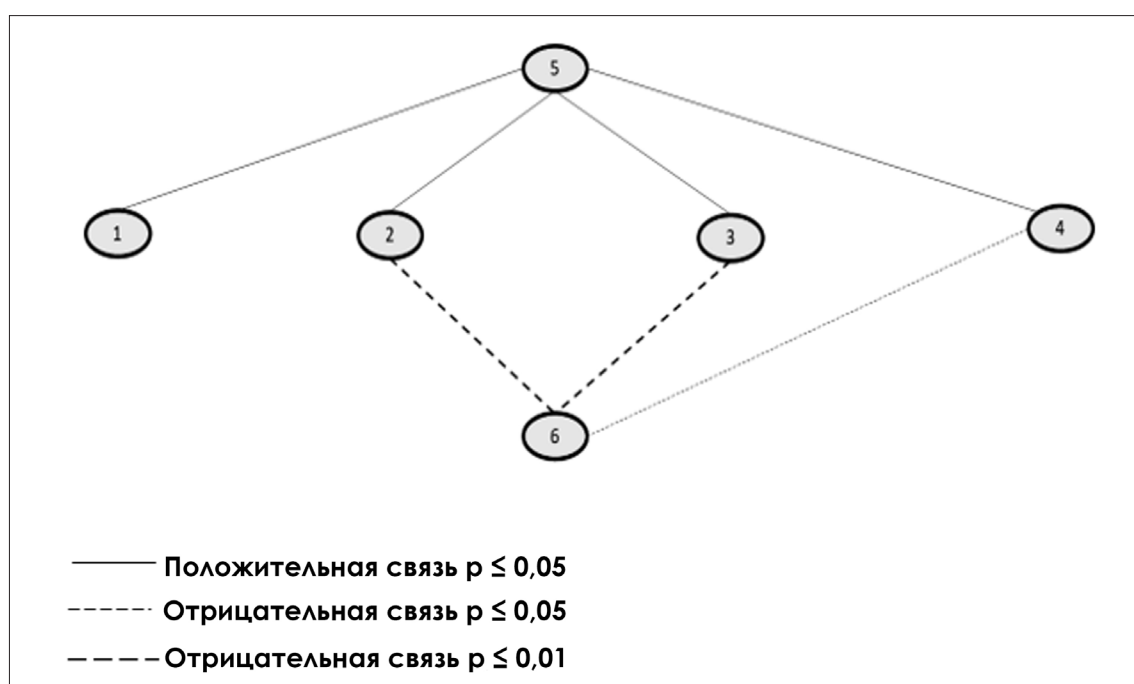

Рисунок 6. Корреляционная плеяда физиологических показателей с характеристиками мышления

Условные обозначения: 1) контрастная чувствительность в диапазоне низких пространственных частот; 2) контрастная чувствительность в диапазоне средних пространственных частот; 3) контрастная чувствительность в диапазоне высоких пространственных частот; 4) помехоустойчивость; 5) уровень обобщения; 6) искажения процесса обобщения.

Проведенный корреляционный анализ результатов психофизиологической диагностики с исследованием мышления обнаружил корреляционную связь между контрастной чувствительностью в диапазоне средних пространственных частот с параметром «уровень обобщения» (абстрагирования и категоризации) и отрицательную корреляцию с параметром «искажение процесса обобщения» (нарушение селекции существенных, релевантных признаков предметов и явлений при формировании суждений) по методике «Исключение 4-го лишнего». Таким образом, установлен вклад как магно-, так и парвоцеллюлярной систем (механизмы глобального и локального анализа) в осуществление процессов мышления (абстрагирования

и категоризации, оценки и отбора существенной информации), что является основой построения полноценной и реалистичной картины мира, планирования и регуляции социального поведения и выбора адекватных стратегий поведения в ситуациях социального взаимодействия.

Выводы

1. Пациенты с первым эпизодом шизофрении, заболевшие недавно и не получавшие длительного антипсихотического лечения, демонстрировали повышение активности магноклеточной нейронной системы и снижение активности парвоклеточной системы. Пациенты, длительно страдающие шизофренией и длительно принимающие лекарственные антипсихотические препараты, демонстрировали снижение активности обеих нейронных систем. По мере хронизации заболевания наблюдалось снижение помехоустойчивости системы зрительного восприятия.

2. Больные с первым психотическим эпизодом хуже справляются с выделением фигуры из фона, дают больше ложных опознаний при восприятии зрительных образов в сравнении с хронически больными, что отражает остроту психического состояния и обусловлено гиперактивацией магноклеточной нейронной системы на первом этапе заболевания.

3. У пациентов с первым эпизодом шизофрении более высокая скорость обработки информации и гибкость когнитивного контроля, более высокие переключаемость и распределение внимания, выше эффективность запоминания, чем у хронически больных, что связано с общим снижением активности магно- и парвоклеточной нейронных систем по мере хронизации заболевания и длительности лечения.

4. В мышлении параметр «уровень обобщения» (абстрагирование и категоризация) тесно связан преимущественно с уровнем активности магноцеллюлярной системы, а также с согласованностью и балансом во взаимодействии обеих нейронных систем, обеспечивающих процессы глобального и локального анализа информации.

5. Параметр «искажение процесса обобщения», отражающий процесс анализа и селекции существенных (релевантных) признаков при формировании суждений, связан с активностью преимущественно парвоцеллюлярной системы (механизм локального анализа): снижение ее активности и нарушение равновесия с магноцеллюлярной системой приводит к увеличению числа ответов по «латентным» признакам, ухудшению селективности и избирательности мышления.

Заключение

Получен пул данных для разработки технологии объективной диагностики нарушений мышления и восприятия при психических заболеваниях, который позволит осуществлять мониторинг функционального состояния мозга при нервно-психических расстройствах, оценивать эффективность фармакологической терапии и ее влияние на сенсорно-когнитивные функции, тем самым обеспечить реализацию персонифицированного подхода в терапии психически больных.

Совокупность выбранных для исследования психофизиологических и психофизических, а также психодиагностических методов позволила изучить взаимосвязь восприятия и мышления при шизофрении. В результате реализации данного этапа проекта получены новые данные о взаимосвязи механизмов глобального и локального анализа зрительной информации и когнитивных нарушений при шизофрении на разных этапах заболевания. Полученные

результаты позволяют утверждать, что ранние сенсорные дефициты тесно взаимосвязаны с уровнем и характером функционирования более высокоуровневых когнитивных процессов (восприятие, внимание, память и мышление).

Литература

- Арбиб, М. (2004). *Метафорический мозг* (2-е изд.). Москва: Едиториал УРСС.
- Блейхер, В. М., Крук, И. В. и Боков, С. Н. (2002). *Клиническая патопсихология: руководство для врачей и клинических психологов*. Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК.
- Бологов, П. В., Критская, В. П. и Мелешко, Т. К. (2009). Клинико-патопсихологические аспекты дифференциации шизоаффективного психоза. *Психиатрия*, 3, 7–14.
- Величковский, Б. М. (1999). От уровней обработки к стратификации познания. *Вопросы психологии*, 4, 58–75.
- Глезер, В. Д. (1993). *Зрение и мышление* (2-е изд., испр. и доп.). Санкт-Петербург: Наука.
- Гурович, И. Я., Шмуклер, А. Б. и Магомедова, М. В. (2001). Соотношение нейрокогнитивного дефицита и социального функционирования у больных шизофренией и шизоаффективным расстройством на различных этапах заболевания. *Социальная и клиническая психиатрия*, 11(4), 31–35.
- Зайцева, Ю. С., Саркисян, Г. Р., Саркисян, В. В. и Сторожакова, Я. А. (2011). Сравнительное исследование нейрокогнитивного профиля больных параноидной шизофренией и шизоаффективным расстройством с первыми психотическими эпизодами. *Социальная и клиническая психиатрия*, 21(2), 5–11.
- Зотов, М. В. (2012). *Механизмы регуляции познавательной деятельности в условиях эмоционального стресса*. Санкт-Петербург: Речь.
- Иванов, М. В. и Незнанов, Н. Г. (2008). *Негативные и когнитивные расстройства при эндогенных психозах: диагностика, клиника, терапия*. Санкт-Петербург: Европейский Дом.
- Лебедева, Г. Г. и Исаева, Е. Р. (2017). Профили когнитивного дефицита при параноидной шизофрении и шизотипическом расстройстве. *Клиническая и специальная психология*, 6(1), 79–94.
- Лебедева, Г. Г., Исаева, Е. Р. и Степанова, А. В. (2013). Когнитивный дефицит при параноидной шизофрении и шизотипическом расстройстве: сравнительное исследование когнитивных нарушений. *Вестник ТГПУ*, 5, 155–160.
- Мосолов, С. Н. и Кабанов, С. О. (2005). Нейрокогнитивный дефицит у больных параноидной шизофренией в процессе терапии кветиапином, рисперидоном и галоперидолом. *Психиатрия*, 1. Доступ 05 февраля 2021, источник <http://www.psychiatry.ru/stat/190>
- Мухитова, Ю. В. (2013). Нарушения когнитивных функций у больных шизофренией с разной степенью выраженности психического дефекта. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*, 8, 117–124.
- Незнанов, Н. Г., Шмуклер, А. Б., Костюк, Г. П. и Софронов, А. Г. (2018). Первый психотический эпизод: эпидемиологические аспекты организации помощи. *Социальная и клиническая психиатрия*, 28(3), 5–11.
- Рубинштейн, С. Я. (2004). *Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике. Практическое руководство*. Москва: Апрель Пресс.
- Рычкова, О. В., Федорова, А. П. и Приймак, М. А. (2011). Нарушения социального интеллекта

и клиническая симптоматика при шизофрении. *Социальная и клиническая психиатрия*, 21(3), 10–21.

- Ткаченко, С. В. и Бочаров, А. В. (1991). Нейропсихологический анализ дефекта при шизофрении и аффективных психозах. В М. М. Кабанов (ред.), *Шизофренический дефект (диагностика, патогенез, лечение)* (с. 95–123). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева.
- Фаликман, М. В. и Печенкова, Е. В. (2004). Стратегическая регуляция решения перцептивной задачи как класс нисходящих влияний на процесс построения перцептивного образа. В *Первая Российская конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов* (с. 237–239). Казань: КГУ.
- Чередникова, Т. В. (2011). Современные нейропсихологические, нейрогенетические и нейроматематические концепции нарушений мышления при шизофрении: обзор. *Психологические исследования: электрон. науч. журнал*, 1. Доступ 09 февраля 2021, источник <http://psystudy.ru>
- Шелепин, Ю. Е., Колесникова, Л. Н. и Левкович, Ю. И. (1985). *Визоконтрастометрия: измерение пространственных передаточных функций зрительной системы*. Ленинград: Наука.
- Шошина, И. И. и Шелепин, Ю. Е. (2016). *Механизмы глобального и локального анализа зрительной информации при шизофрении*. Санкт-Петербург: Издательство ВВМ.
- Шошина, И. И., Шелепин, Ю. Е., Вершинина, Е. А. и Новикова, К. О. (2014). Функциональные особенности магноцеллюлярной и парвоцеллюлярной систем при шизофрении. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология»*, 7(4), 77–88.
- Янушко, М. Г., Иванов, М. В. и Сорокина, А. В. (2014). Когнитивные нарушения при эндогенных психозах: современные представления в свете дименсионального подхода. *Социальная и клиническая психиатрия*, 24(1), 90–95.
- Addington, J., Addington, D., & Gasbarre, L. (2001). Neurocognitive and social functioning in schizophrenia and other diagnoses. *Schizophrenia Research*, 48(2–3), 367–368. [https://doi.org/10.1016/S0920-9964\(00\)00103-1](https://doi.org/10.1016/S0920-9964(00)00103-1)
- Green, M. F., & Harvey, P. D. (2014). Cognition in schizophrenia: Past, present, and future. *Schizophrenia Research: Cognition*, 1(1), e1–e9. <https://doi.org/10.1016/j.scog.2014.02.001>
- Green, M. F., & Leitman, D. I. (2008). Social cognition in schizophrenia. *Schizophrenia Bulletin*, 34(4), 670–672. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbn045>
- Harvey, P. D., & Keefe, R. S. E. (2009). Clinical neuropsychology of schizophrenia. In I. Grant, K. M. Adams (Eds.), *Neuropsychological assessment of neuropsychiatric and neuromedical disorders* (3rd ed., pp. 507–522). New York: Oxford University Press.
- Isaeva, E. R., Lebedeva, G. G., & Simon, Y. A. (2018). On the issue of choosing psychodiagnostic methods of measuring and scoring of cognitive deficit in case of schizophrenia. *Journal of Evaluation in Clinical Practice*, 24(4), 803–806. <https://doi.org/10.1111/jep.12886>
- Kalkstein, S., Hurford, I., & Gur, R. C. (2010). Neurocognition in schizophrenia. In N. Swerdlow (Ed.), *Behavioral neurobiology of schizophrenia and its treatment. Current topics in behavioral neurosciences* (Vol. 4, pp. 373–390). Berlin, Heidelberg: Springer. https://doi.org/10.1007/7854_2010_42
- Kurylo, D. D., Pasternak, R., Silipo, G., Javitt, D. C., & Butler, P. D. (2007). Perceptual organization by proximity and similarity in schizophrenia. *Schizophrenia Research*, 95(1–3), 205–214. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2007.07.001>
- Merigan, W. H., & Maunsell, J. H. R. (1993). How parallel are the primate visual pathways? *Annual Review of Neuroscience*, 16, 369–402. <https://doi.org/10.1146/annurev.ne.16.030193.002101>

- Mesholam-Gately, R. I., Giuliano, A. J., Goff, K. P., Faraone, S. V., & Seidman, L. J. (2009). Neurocognition in first-episode schizophrenia: A meta-analytic review. *Neuropsychology*, 23(3), 315–336. <https://doi.org/10.1037/a0014708>
- Moustafa, A. A., Garami, J. K., Mahlberg, J., Golembieski, J., Keri, S., Misiak, B., & Frydecka, D. (2016). Cognitive function in schizophrenia: Conflicting findings and future directions. *Reviews in the Neurosciences*, 27(4), 435–448. <https://doi.org/10.1515/revneuro-2015-0060>
- Nuechterlein, K. H., Dawson, M. E., Gitlin, M., Ventura, J., Goldstein, M. J., Snyder, K. S., ... Mintz, J. (1992). Developmental processes in schizophrenic disorders: Longitudinal studies of vulnerability and stress. *Schizophrenia Bulletin*, 18(3), 387–425. <https://doi.org/10.1093/schbul/18.3.387>
- Penadés, R., Franck, N., González-Vallespí, L., & Dekerle, M. (2019). Neuroimaging studies of cognitive function in schizophrenia. In P. Guest (Ed.), *Reviews on biomarker studies in psychiatric and neurodegenerative disorders. Advances in experimental medicine and biology* (Vol. 1118, pp. 117–134). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-05542-4_6
- Peskin, N., Koren, D., & Gabay, S. (2020). Subcortical neural tracks play an important role in executive function in schizophrenia: An experimental study among patients with schizophrenia and healthy comparisons. *Schizophrenia Research: Cognition*, 22. <https://doi.org/10.1016/j.scog.2020.100185>
- Sartorius, N., Chiu, H., Heok, K. E., Lee, M.-S., Ouyang, W.-C., Sato, M., ... Yu, X. (2014). Name change for schizophrenia. *Schizophrenia Bulletin*, 40(2), 255–258. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbt231>
- Savla, G. N., Moore, D. J., & Palmer, B. W. (2008). Cognitive functioning in schizophrenia. In K. T. Mueser, D. V. Jeste (Eds.), *Clinical handbook of schizophrenia* (pp. 91–99). New York: Guilford Press.
- Schaub, A., Neubauer, N., Mueser, K. T., Engel, R., & Möller, H.-J. (2013). Neuropsychological functioning in inpatients with major depression or schizophrenia. *BMC Psychiatry*, 13, 203. <https://doi.org/10.1186/1471-244X-13-203>
- Shoshina, I. I., Shelepin, Y. E., Verzhinina, E. A., & Novikova, K. O. (2015). The spatial-frequency characteristics of the visual system in schizophrenia. *Human Physiology*, 41, 251–260. <https://doi.org/10.1134/S0362119715030159>
- Shoshina, I., Isajeva, E., Mukhitova, Y., Tregubenko, I., Khan'ko, A., Limankin, O., & Simon, Y. (2020). The internal noise of the visual system and cognitive functions in schizophrenia. *Procedia Computer Science*, 169, 813–820. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2020.02.158>

Дата получения рукописи: 30.10.2020

Дата окончания рецензирования: 15.01.2021

Дата принятия к публикации: 30.01.2021

Информация об авторах

Елена Рудольфовна Исаева – доктор психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, заведующая кафедрой общей и клинической психологии, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; SPIN-код: 3322-6935.

Илья Александрович Трегубенко – кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры

Исаева Е. Р., Трегубенко И. А., Мухитова Ю. В., Шошина И. И.

Функциональное состояние магно- и парвоцеллюлярных нейронных систем и когнитивные нарушения..

Российский психологический журнал, 2021, Т. 18, № 1, 74–90. doi: 10.21702/rpj.2021.1.6

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

общей и клинической психологии, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; SPIN-код: 3846-2116.

Юлианна Владимировна Мухитова – кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры общей и клинической психологии, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; SPIN-код: 3633-2533.

Ирина Ивановна Шошина – доктор биологических наук, доцент, ФГБУН «Институт физиологии им. И. П. Павлова» РАН, главный научный сотрудник Лаборатории физиологии зрения, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; SPIN-код: 9118-1774.

Заявленный вклад авторов

Елена Рудольфовна Исаева – планирование и руководство исследованием, организация экспериментально-психологических исследований, анализ и интерпретация полученных экспериментальных данных, подготовка и редактирование рукописи.

Илья Александрович Трегубенко – планирование исследования, статистическая обработка данных исследований, анализ и описание данных математико-статистических данных для рукописи, работа с источниками, подготовка рукописи.

Юлианна Владимировна Мухитова – планирование исследования, проведение экспериментально-психологических исследований, заполнение протоколов исследования, работа с источниками, подготовка рукописи.

Ирина Ивановна Шошина – планирование исследования, консультирование по организации исследования, проведение психофизических исследований зрительных функций с помощью метода визоконтрастометрии и оценки помехоустойчивости у психически больных шизофренией, подготовка рукописи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.99:316.6

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.7>

Имплицитная расовая идентичность российских школьников на этапе коммитмента

Алла А. Гудзовская¹✉, Марина С. Мышкина²

¹ Институт изучения общественных явлений, г. Самара, Российская Федерация

² Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

¹ aag_1@rambler.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-3590-8786>

² pylaem@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7230-6904>

Аннотация

Введение. Актуальность исследования расовой идентичности обусловлена условиями транзитивности современного социального пространства, взаимопроникновением разных культур, значимостью расовой идентичности в расово неоднородных обществах, примером которых является российское общество, в котором исторически представлены две расы: европеоидная и монголоидная. Новизна исследования заключается в рассмотрении проблемы имплицитной расовой идентичности у российских детей. Вводится понятие этапа коммитмента как проявления интереса к другим группам, независимо от осознанности или имплицитности собственной идентичности. Концептуальным основанием исследования являются: теория социальной идентичности и социальной категоризации Г. Тэджфела, Дж. Тернера, коммитмент-подход в моделях формирования расовой идентичности Ю. В. Ставропольского, Дж. Марсиа.

Методы. Исследование основано на эксперименте с предпочтениями. Испытуемым предлагались фотоизображения лиц европеоидной, монголоидной, экваториальной рас разного пола. Они должны были выбрать партнера для взаимодействия в личной или социальной сфере. Фиксировались количество выборов и количество категорий, использованных испытуемыми в ходе эксперимента. Применялись статистические критерии, однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты. Раздел содержит данные экспериментального исследования, проведенного на выборке из 290 человек (четыре возрастные подгруппы) от 7 до 11 лет. Значимых различий между возрастными подгруппами (1, 2, 3 и 4 классы) по расовым предпочтениям не получено. На расовые предпочтения влияет фактор пола. Ведущим фактором, влияющим на предпочтения при выборе партнера для взаимодействия по фотоизображению, является пол партнера, свой или противоположный.

Обсуждение результатов. Авторы интерпретируют результаты выбора партнера для взаимодействия как отражение имплицитной идентичности. Отмечается незначительное влияние критерия «расовая идентичность» в процессе социальной категоризации российскими младшими школьниками. Российские школьники проявляют интерес к взаимодействию с детьми

всех рас, т. е. их имPLICITная расовая идентичность находится на этапе коммитмента.

Ключевые слова

идентичность, расовая идентичность, имPLICITная идентичность, ингруппа, коммитмент, социальная категоризация, младший школьник, групповой фаворитизм, динамика идентичности, гендерные различия

Основные положения

- расовая имPLICITная идентичность российских детей в период 7–11 лет не претерпевает ярко выраженных возрастных изменений;
- в структуре имPLICITной идентичности российских детей отсутствует критерий «расовая идентичность» как основание социальной категоризации;
- российские дети в возрасте 7–11 лет находятся на этапе коммитмента, т. е. активного интереса к взаимодействию со сверстниками – представителями разных рас;
- фактор пола является значимым для расовой имPLICITной идентичности детей 7–11 лет, что отражается на их предпочтениях партнеров разной расы для различных видов взаимодействия (по фотоизображениям).

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-013-00567.

Для цитирования

Гудзовская, А. А. и Мышкина, М. С. (2021). ИмPLICITная расовая идентичность российских школьников на этапе коммитмента. *Российский психологический журнал*, 18(1), 91–105. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.7>

Введение

В исследовании мы базируемся на теории социальной идентичности и социальной категоризации, разработанной Г. Тэджфелом, обобщившим исследования процессов ингрупповой и аутгрупповой категоризации (Tajfel, 1970; Turner, 2010). Социальная идентичность определяется как та часть самооценки индивида, которая вытекает из осознания личностью принадлежности к одной (или более) социальной группе, а также эмоциональное отношение к этой принадлежности (Tajfel, 1982). Исследования ингрупповой категоризации привели к выявлению феноменов ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации (Tajfel, 1970), которые проявляются в предпочтении для совместной деятельности представителей ингруппы и отвержении представителей аутгруппы.

В построении социальной идентичности участвуют как осознанные социальные представления, так и неосознанные имPLICITные основания идентичности, проявляющиеся в поведении (Dasgupta, 2013). ЭкPLICITность/имPLICITность идентичности задается степенью осознания личностью собственной уникальности, автономности, дифференциации эмоционального и когнитивного компонентов идентичности и проявляется в деятельном, но в разной степени осознанным участием в жизни ингрупп. Выделяются личный и социальный уровни пространств экPLICITной и имPLICITной идентичности (Ставропольский, 2009).

Проблематика социальной идентичности, основанная на конструкте «раса», является одной из актуальных в динамике современных процессов глобализации жизни. Раса – это категория, созданная или социально сконструированная для выделения группы людей на основе физических характеристик. Несмотря на научные доказательства обратного, люди привыкли рассматривать человеческие расы как естественные и отдельные подразделения. На самом деле вариации облика человека не имеют никакого значения для его жизнедеятельности, кроме социального (Hud-Aleem & Countryman, 2008). Раса, являясь базовым антропологическим параметром идентичности, зачастую не находится в зоне осознанности, т. к. этот параметр тесно сплетен с социо- и этнокультурными имплицитными проявлениями идентичности, что обеспечивает ему место в «слепой» зоне социальной категоризации, особенно там, где общество характеризуется расовой непротиворечивостью и бесконфликтностью в силу исторических особенностей своего развития.

Запрос на теоретическое осмысление феномена расовой идентичности стимулирован процессами транзитивности современного социального пространства, общностью информационных ресурсов, приводящих к эскалации социальных – как успехов, так и проблем. Расовая идентичность в англоязычной психологической литературе часто рассматривается в аспекте дискриминации, стереотипизации, степени близости человека к культуре меньшинства (Neville, Heppner, & Wang, 1997; Dutton, Singer, & Devlin, 1998; Тэйлор, 2014; Umaña-Taylor et al., 2014; Hindley & Edwards, 2017).

В рамках когнитивной социальной психологии проводятся экспериментальные исследования влияния двойной или множественной идентичности на эмоциональное благополучие (Coard, Breland, & Raskin, 2001), устойчивость к стрессовым факторам (Neville et al., 1997; Hindley & Edwards, 2017; Williams, Duque, Wetterneck, Chapman, & DeLapp, 2018), эффективность адаптации при смене страны проживания (Berry, 2005), внутригрупповые и межгрупповые отношения (Tajfel, 1982), академическую успешность в случае исследования школьников или студентов (Hoffman & Lowitzki, 2005).

На основе эмпирических исследований разработаны разные модели развития расовой идентичности. Модели имеют применение в сфере психотерапии, образования – для понимания того, как люди функционируют в сообществе, семье и организации. Hud-Aleem & Countryman (2008) в обзорной статье представляют наиболее значимые из них: модели, связанные с динамикой и этапами двойной (двухрасовой) идентичности (Carlos Poston, 1990); модель осознанного выбора Rockquemore & Laszloffy (2003); модель культурной ассимиляции / аккультурации Nadal (2011), Helms (2019); модель, связанная с этапами универсального и уникального характера формирования идентичности (Hoffman & Lowitzki, 2005), и др.

Представленные модели рассматривают расовую идентичность как динамическое образование, базирующееся на социо- и этнокультурных основаниях, обладающее универсальным алгоритмом формирования, в основе которого лежит механизм интериоризации (Выготский, 1982), присвоения смыслов референтной группы и культуры с последующим их принятием/отвержением и поиском новых групп и культур как источников идентификационных категорий. Формирование расовой идентичности осуществляется в процессе повседневных взаимодействий и вызовов, с которыми сталкивается человек.

На примере формирования расовой идентичности на основе полноты присвоения человеком культуры расового меньшинства Cross (1991) выделяет этапы принятия/связывания, пробуждения/погружения, столкновения, безразличия. Процесс формирования расовой

идентичности в модифицированной версии модели W. E. Cross, Jr. содержит три этапа: предварительное столкновение (pre-encounter), «погружение – всплытие» (immersion-emersion) и интернализация (internalization) (Cross, 1991). В моделях расовой идентичности D. R. Atkinson, G. Morten, S. Sue и расовой и культурной идентичности процесс развития включает этапы «согласованность», «диссонанс», «сопротивление», «интроспекция», «интегративное осведомление» (Sue, 1998; Okazaki & Sue, 2016). Результатом является принятие собственной культурной самобытности в системе ценностей поликультурного общества.

Ключевым конструктом в обосновании процесса формирования расовой идентичности является понятие «коммитмент» (от англ: commitment – обязанность, обязательство, контракт, решение, выбор, намерение). В социально-психологическом подходе к анализу феномена расовой идентичности коммитмент рассматривается как вовлеченность, свидетельствующая на уровне мотивационно-смысловых интенций и поведения о готовности к идентификационному выбору. В основе такой готовности лежат внутренние обязательства по отношению к референтной социальной группе и смелость осуществить свое решение. Дж. Марсия считает коммитмент дифференцирующим признаком наличия/отсутствия идентичности с социальной группой (Marcia, Waterman, Matteson, Archer, & Orlofsky, 1993). На этапе коммитмента появляются интерес и восприимчивость к другим культурам и расам как результат принятия собственной расовой и этнической идентичности как позитивной. В теоретическом анализе нами сделан акцент преимущественно на зарубежных исследованиях. Это обусловлено тем, что по данной проблематике в англоязычных научных публикациях представлена методология исследования расовой идентичности, накоплен многолетний эмпирический материал, недостаточно представленный в отечественных психологических изданиях.

В обществе, где нет расового разнообразия, в процессе коммитмента происходит вовлечение в культуру расового большинства и формирование расовой имплицитной идентичности. В условиях современных цивилизационных вызовов, сопровождающихся взаимопроникновением культур, встреча с представителями других рас приводит к альтернативному выбору принятия ценности расового разнообразия либо установок расистского характера, если вызывает тревогу и беспокойство. Целью нашего исследования является анализ расовой имплицитной идентичности российских школьников на этапе коммитмента.

Методы

Методом исследования стал эксперимент по социальной категоризации расовых предпочтений, обусловленных имплицитной расовой идентичностью. Стимульный материал составили цветные фотоизображения лиц мальчиков и девочек возраста 7–11 лет (до плечевого пояса, анфас) европеоидного (ЕР), монголоидного (МР) и экваториального (ЭР) типов. В наборе 18 фото, по 6 для каждой расы, из которых 3 девочки и 3 мальчика. Респондент мог рассматривать одновременно все фотографии, и ему предлагалось подобрать себе партнера для взаимодействия, отвечая на вопросы личного и социального блоков (ЛБ, СБ), всего по 8 в каждом блоке; количество выборов не ограничивалось. Количество категорий, которыми мог воспользоваться ребенок в эксперименте, колеблется от 1, если испытуемый выбирал, например, только девочек МР, до 6 категорий, если испытуемый выбирал девочек и мальчиков всех трех рас.

Объем вопросов определялся затрачиваемым временем на поиски испытуемым ответов, в соответствии с возрастными нормами восприятия и мышления. В среднем на процедуру

исследования требовалось 9–11 минут. С целью снижения эффекта фокуса на определенной теме вопросы задавались поочередно, из личного и социального блоков. Содержание вопросов прошло экспертную оценку группой профессиональных психологов, позволяет испытуемым осуществить социальную категоризацию по основанию «виды деятельности» (игра, труд, учеба, общение).

Вопросы ЛБ касаются взаимодействия с Другим в личном пространстве, в сфере непосредственного телесного контакта, предоставления Другому предмета, имеющего для испытуемого глубокое личное значение. Пример вопросов ЛБ: «С кем бы ты хотел (хотела) жить в походе в двухместной палатке? Поиграть в поводыря?» Вопросы СБ затрагивают область дистантного взаимодействия с Другим в игре, развлечениях, учебе. Пример вопросов СБ: «С кем бы ты хотел (хотела) пойти играть на площадку? Пригласить на день рождения?»

Эксперимент проведен в отдельном, привычном для детей, кабинете, в индивидуальном режиме. Предъявлению стимульного материала предшествовали несколько косвенных вопросов, направленных на получение первичного представления испытуемого об опыте непосредственного восприятия или общения с представителями другой расы и этнической культуры: «Любишь ли ты путешествовать? Был ли за границей?» Все ответы, а также эмоциональные и вербальные проявления в процессе обследования фиксировались в индивидуальных протоколах.

Для оценки дифференцированности социальной категоризации учитывалось количество выборов фотоизображений по расам и полу: общее количество, количество выборов по ЛБ и СБ, по выбору партнера своего или противоположного пола, по выборке каждого возраста, по группам мальчиков и девочек.

Результаты

В исследовании приняли участие школьники 1–4 классов (7–11 лет) общеобразовательной школы с изучением ряда предметов на английском языке. Все испытуемые – представители европеоидной расы, русскоговорящие. В таблице представлены данные по распределению испытуемых по учебным классам и полу (табл. 1).

Подгруппа	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	Итого
Мальчики	42	24	34	20	124
Девочки	46	34	46	40	166
Всего	88	58	80	60	290

Мы исходили из предположения о том, что у детей в период социализации в возрасте с 7–8 до 10–11 лет будет наблюдаться динамика расовых предпочтений.

Всего участниками эксперимента было сделано 1415 выборов. Половина выборов делается в пользу ЕР. Оставшиеся выборы практически равномерно распределяются между МР и ЭР (табл. 2).

Таблица 2

Частота выборов представителей разных рас (% к общему числу выборов по возрастной группе), значение $\chi^2_{эмп}$

Группа	Раса			Итого	Кол-во человек	$\chi^2_{эмп}$	Уровень p
	ЕР	МР	ЭР				
1 класс	55,1	24,5	20,4	100,0	92	305,8	$p \leq 0,0001$
2 класс	49,4	25,1	25,5	100,0	58	105,3	$p \leq 0,0001$
3 класс	49,8	25,8	25,2	100,0	80	148,6	$p \leq 0,0001$
4 класс	50,8	25,2	24,0	100,0	60	128,6	$p \leq 0,0001$
Все	55,1	24,5	20,4	100,0	290	672,2	$p \leq 0,0001$

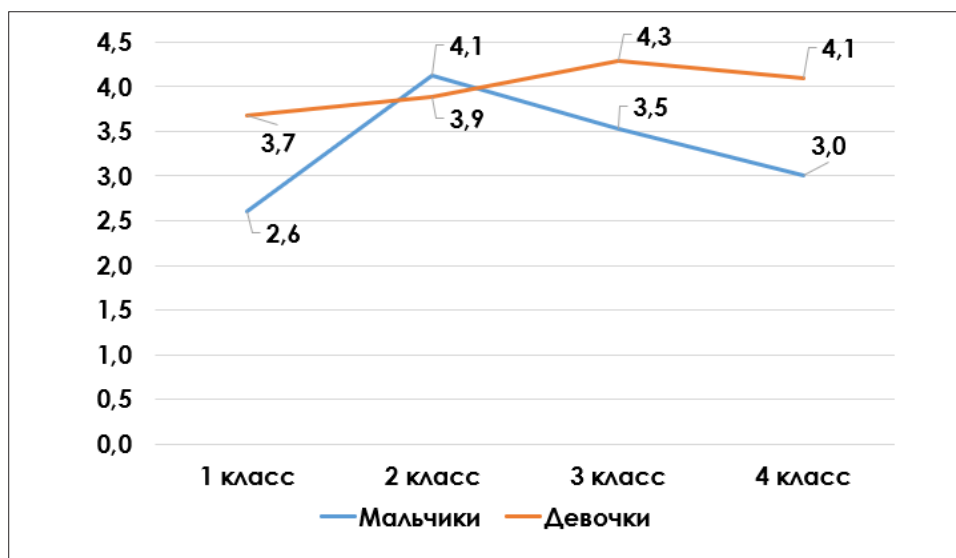

Рисунок 1. Среднее количество выборов фотоизображений лиц экваториальной расы (ЭР) мальчиками и девочками разного возраста

Для оценки значимости статистического «сдвига» в предпочтениях в сторону ЕР использован критерий согласия χ^2 . Сопоставление полученного эмпирического распределения частот расовых предпочтений с теоретическими частотами выявило значимые различия от равномерного распределения. В таблице 2 приведены значения эмпирического χ^2 -критерия и уровни значимости ($\chi^2_{кр}$ для нашего способа расчета равен 13,8 при $p < 0,001$).

Аналогичные результаты получены в нашем исследовании для предпочтений в личной и социальной сферах. Оценка влияния фактора возраста на расовые предпочтения проведена дополнительно с помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA, разработанного Р. Фишером. Проверялись рабочие гипотезы: о влиянии возраста на предпочтения мальчиков,

когда мальчики выбирают мальчиков или девочек в ЛБ и СБ; когда девочки выбирают мальчиков или девочек в ЛБ и СБ. В каждом случае была принята гипотеза H_0 – об отсутствии влияния возраста на расовые предпочтения.

Следующим шагом исследования стала проверка гипотезы о влиянии фактора пола на расовые предпочтения. Проведен однофакторный дисперсионный анализ по показателям количества выборов фотоизображений лиц ЕР, МР и ЭР. По предпочтениям фотоизображений ЕР и МР не обнаружено влияния фактора пола ($F_{ЕР} = 2,4$ и $F_{МР} = 5,25 < F_{кр} = 5,99$). Однофакторный дисперсионный анализ позволил выявить разницу в расовых предпочтениях девочек и мальчиков только в одном случае – в отношении экваториальной расы (рис. 1). Девочки значимо более благосклонны к ЭР, чем мальчики ($F_{эмп} = 11,4 > F_{кр} = 5,99$; $p = 0,015$).

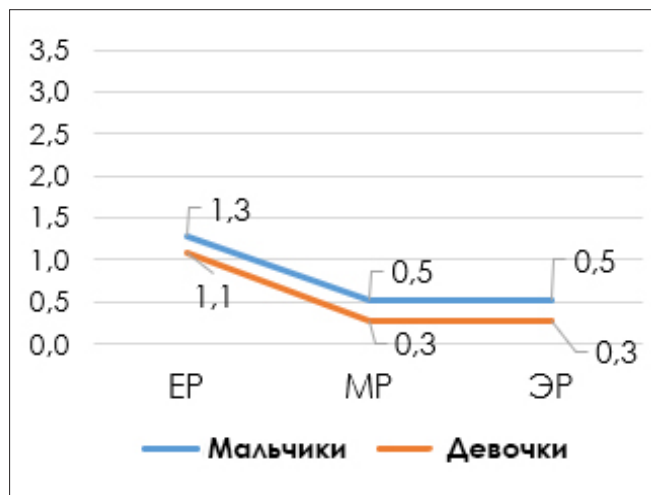
Проанализировано влияние пола на социальную категоризацию по каждой возрастной группе, с учетом предпочтений лиц своего или противоположного пола. Выявлены значимые различия между мальчиками и девочками в частоте выборов фотоизображений лиц разной расы противоположного пола (двухфакторный дисперсионный анализ; $p = 0,004$). Девочки значимо реже выбирают фотоизображения мальчиков, чем наоборот. Эта тенденция отмечена как в личном, так и в социальном блоках взаимодействия. Количество выборов по убыванию: ЕР, МР, ЭР. Эта тенденция прослеживается в каждой возрастной группе. На рисунке 2 отражены тенденции предпочтений фотоизображений лиц своего и противоположного пола на примере 1-го класса.

Следующим шагом исследования стал анализ дифференцированности социальной категоризации по расе и полу в группах мальчиков. Респонденты различались по склонности выбирать одно и то же фотоизображение при ответах на разные вопросы, выбирать только девочек, только мальчиков, только одну из рас или все три.

Количество категорий фотоизображений, которые выбирал ребенок, характеризует его когнитивную простоту/сложность, т. е. склонность воспринимать и интерпретировать окружающий мир в упрощенной форме или в сложной, стремясь к разнообразию (Холодная, 2000). Предпочтение в выборе испытуемым трех и более категорий свидетельствует об интенции социальной активности, гибкости мышления в процессе социальной категоризации при выборе ингруппы. Выбор из 1–2 категорий предложенных фотоизображений – показатель ригидности мышления, когнитивной простоты, или тенденции внутригруппового фаворитизма и внешнегрупповой враждебности как преобладающей (Turner, Brown, & Tajfel, 1979).

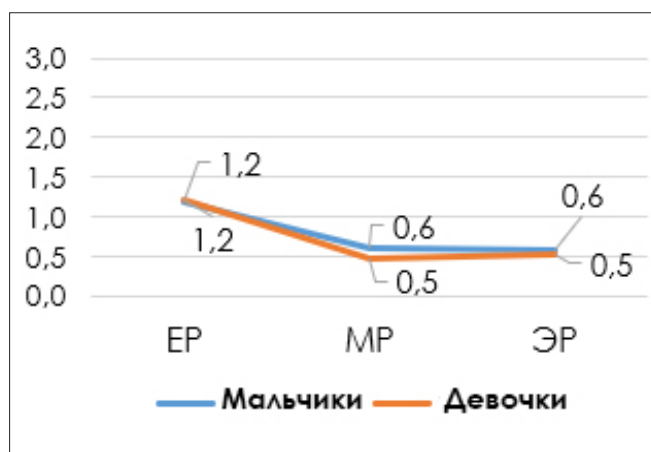
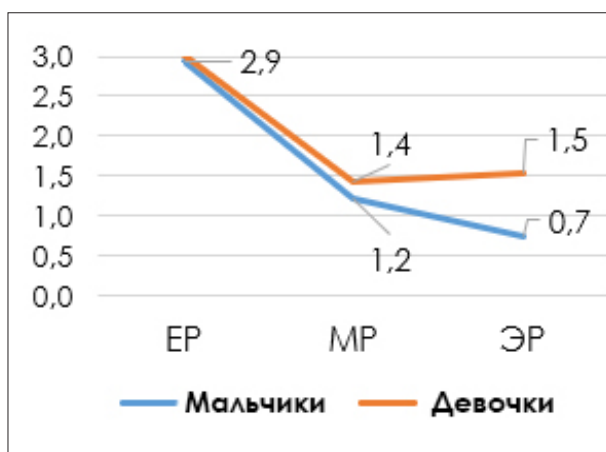
При анализе результатов было выявлено, что в среднем 4,0% испытуемых ограничиваются выбором 1–2 категорий из 6 возможных. Картина многообразия/ограниченности социальной категоризации в выборе партнера для взаимодействия в группах мальчиков и девочек представлена на рисунках 3 и 4.

Характер выбора мальчиками категорий предложенных фотоизображений является типичным для всех обследованных классов. Употребление категорий: редкий выбор одной категории (2,4–5,0%), выбор двух категорий – с 5,0–5,09 до 16,7%, трех категорий – 10,0–16,7%, четырех категорий – 8,8–20,8%, пяти категорий – 2,4–23,5%. Около половины всех мальчиков (45,2–50,0%) делают выбор из всех шести категорий фотоизображений. Тенденция группового фаворитизма, т. е. жесткий выбор представителей своего пола и своей расы, отмечена только у 1,8% мальчиков.

а) ЛБ (личный блок). Выбор партнера своего пола

б) ЛБ (личный блок). Выбор партнера противоположного пола

в) СБ (социальный блок). Выбор партнера своего пола

г) СБ (социальный блок). Выбор партнера противоположного пола

Рисунок 2. Выбор фотоизображений партнера своего и противоположного пола мальчиками и девочками 1-го класса

Условные обозначения: на графиках представлено среднее количество выборов фотоизображений лиц европеоидной (EP), монголоидной (MP), экваториальной (ЭР) рас. Личный блок и социальный блок – по 12 разных ситуаций взаимодействия.

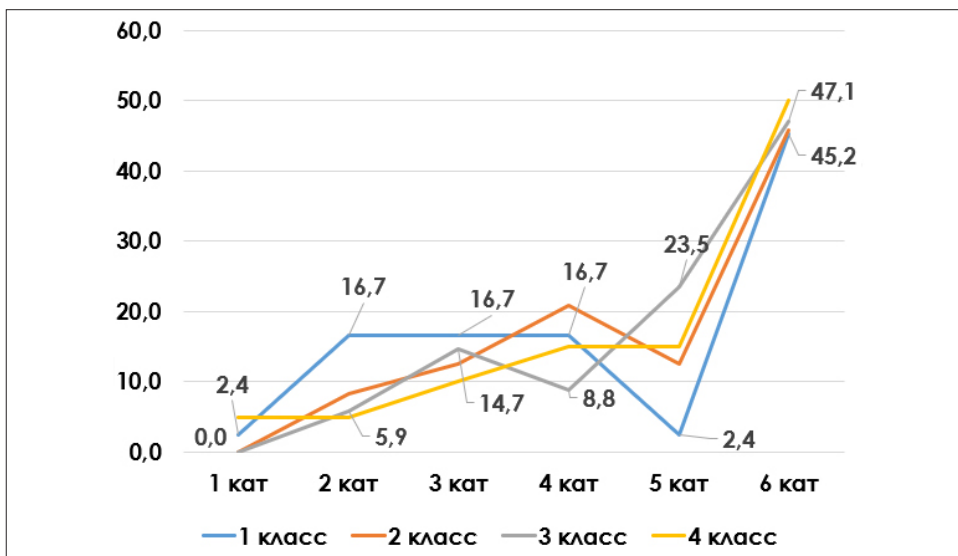

Рисунок 3. Выбор фотоизображений разных категорий мальчиками 1–4 классов (% от количества мальчиков в каждом классе)

Условные обозначения: на графике количество категорий всех сделанных выборов обозначено «1 кат», т. е. для всех взаимодействий предпочитался партнер одного пола и одной расы; «6 кат» – при ответах были выбраны партнеры обоего пола и всех трех рас. Для классов 1 и 3 даны цифровые обозначения для облегчения ориентации.

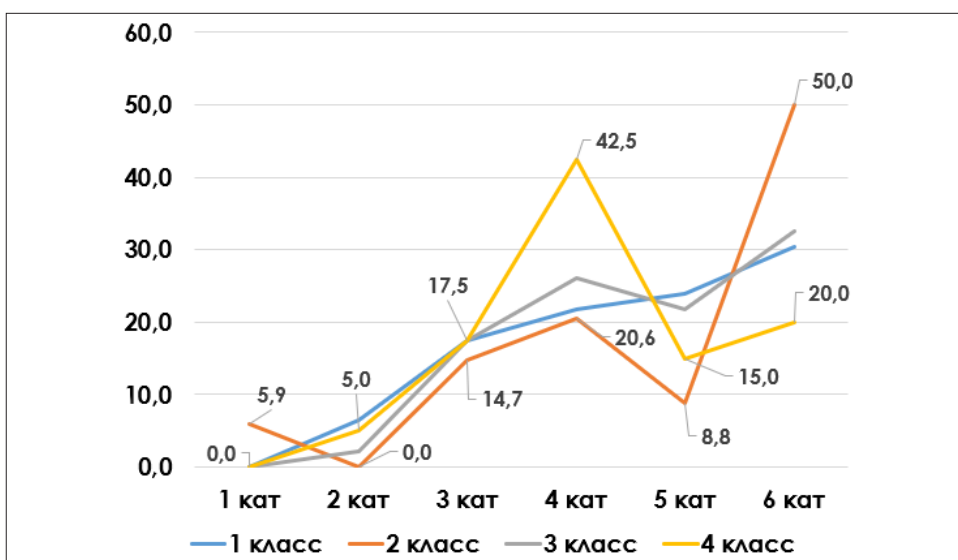

Рисунок 4. Выбор фотоизображений разных категорий девочками 1–4 классов (% от общего количества девочек в каждом классе)

Условные обозначения: на графике количество категорий всех сделанных выборов обозначено «1 кат», т. е. для всех взаимодействий предпочитался партнер одного пола и одной расы; «6 кат» – при ответах были выбраны партнеры обоего пола и всех трех рас. Для классов 2 и 4 даны цифровые обозначения для облегчения ориентации.

Характер выбора девочками партнеров разных категорий пола и расовой принадлежности тоже достаточно типичный от класса к классу. В каждом классе примерно равное количество девочек ограничивает свой выбор двумя (от 2,2–5,0 до 6,5 %) или тремя категориями (14,7–17,5 %). Выявлены две девочки во 2-м классе (1,5 % всех девочек), которые для разных видов взаимодействия выбирали только девочек ЕР.

Большинство девочек в каждом классе выбирает себе партнеров из четырех и более категориальных групп: выбор четырех категорий от 20,6 до 42,5 % девочек; пяти категорий – от 8,8 до 23,9 %; шести категорий – от 20,0 до 50,0 % категорий. В 4-м классе наблюдается особенность в распределении обращения к партнерам из разных категорий. Максимальное количество девочек (42,5 %) выбирало представителей только четырех категорий, это всегда девочки (ЕР, МР, ЭР), и редкие выборы мальчиков ЕР (1–5 выборов) и МР (0–2 выбора) из шести возможных (1–3 выбора). У девочек 2-го класса зафиксирован интерес к партнерам всех шести категорий.

Сравнение полученных данных по выборам мальчиков и девочек с очевидностью свидетельствуют об устойчивом уже с 1-го класса стремлении мальчиков к включению в интруппу лиц, различающихся по полу и расе, и большей сдержанности девочек, ориентирующихся на ограниченный круг лиц. В каждом классе есть несколько девочек и мальчиков, с осторожностью относящихся к лицам не своего пола или не своей расы.

Обсуждение результатов

Анализ расовой имплицитной идентичности российских школьников на этапе коммитмента позволил выявить несколько закономерностей социальной категоризации. Имплицитную идентичность мы определяли по склонности испытуемых вступать в предполагаемые интрупповые отношения с лицами своего или другого пола и расы. Согласно концепции социальной категоризации Г. Тэджфела и Дж. Тернера, в подавляющем большинстве случаев для совместных занятий в личной и социальной сферах предпочтение отдается «своему» представителю интруппы, с которым строятся отношения на этапе коммитмента (Turner, Brown, & Tajfel, 1979). Эта тенденция позволяет интерпретировать выбор в проведенном эксперименте как отражение имплицитно присущей идентичности участников исследования.

По факту, около половины респондентов для разных сфер взаимодействия выбирают представителей европеоидной расы. Другая половина выборов практически равномерно распределяется между монголоидной и экваториальной расами. Говорит ли этот результат о тенденции к отчуждению представителей других рас, об отнесении их к аутгруппе? Мы пришли к парадоксальному выводу. Экспериментальные условия выбора можно понять иначе: ребенок выбирает либо ЕР, либо не ЕР. В целом, испытуемые из всей совокупности предложенных категорий выбирают 50/50 «своих» или «не своих», делая практически равный выбор партнера своей (ЕР) и другой (МР, ЭР) рас. Это свидетельствует об отсутствии критерия «расовая идентичность» в структуре имплицитной идентичности у детей исследованного возраста. В многочисленных исследованиях расовой и этнической идентичности, проведенных Ананьевой и Товуу (2019) на российских выборках, обнаружено, что раса и этническая принадлежность воспринимаемых лиц не оказывают существенного влияния на правильность их понимания, в отличие от пола – как испытуемых, так и изображенных лиц. В работах разных авторов, посвященных идентичности российских младших школьников, отмечается отсутствие категории «расовая принадлежность» в самокатегоризации (Шакурова, 2007; Андреева, 2011;

Гудзовская и Шпунтова, 2016; Кузьмин, 2017). К наиболее типичным компонентам в конфигурации их социальной идентичности относятся гендерный и семейный (Кузьмин, 2017). Упоминание расовой и этнической идентичности встречается значительно чаще в школах, группах, смешанных по этим признакам (Dutton et al., 1998).

Практически равное распределение выборов партнеров (примерно по 25 %) между МР и ЭР демонстрирует, что для российских детей возраста 7–11 лет стремление к взаимодействию со сверстниками других рас в различных видах деятельности в личной и социальной сферах общения имеет равную ценность. Это может рассматриваться как результат присвоения детьми позитивной расовой имплицитной идентичности родителей. В расовых предпочтениях детей, основанных на имплицитной идентичности, неявно содержится информация об установках «по умолчанию» в окружающем мире взрослых. Это согласуется с данными Huguley, Wang, Vasquez, & Guo (2019), Kickett-Tucker (2009) о влиянии позитивной расовой идентичности родителей на идентичность детей, с данными Dasgupta (2013), согласно которым результатом пассивной вовлеченности являются имплицитные установки, стереотипы, предпочтения.

Полученные результаты могут также свидетельствовать о факторе преобладания в российском обществе коллективистической когнитивной ориентации, задающей мышление холистического характера, когда центральное внимание уделяется целостному полю этнических и расовых групп, с опорой на сходство, поиск и выделение объединяющих элементов (Nisbett, Peng, Choi, & Norenzayan, 2001). Преобладающая когнитивная ориентация является неявным условием пассивного вовлечения в систему общественных ценностей и их некритичного присвоения: дети усваивают то, что «носят» в себе окружающие взрослые. Сходные данные получены в исследовании этнической идентичности студентов (Мышкина, 2014). Повышение этнической самооценки в эксперименте приводит к увеличению частоты использования позитивных оценок представителей другого этноса (Wu, Outley, & Matarrita-Cascante, 2019).

В период активной социализации детей с 7–8 до 10–11 лет нами не обнаружена возрастная динамика расовой имплицитной идентичности. Это согласуется с исследованиями Г. Тэджфела, который писал, что есть много свидетельств того, что дети довольно рано усваивают иерархию оценок различных групп, преобладающую в их обществе, и что этот порядок остается довольно стабильным. Это относится не только к оценке групп, которые находятся в повседневном контакте, таких, как расовые группы в смешанной среде, но также и к расовым группам в других странах, с которыми практически нет личных контактов (Tajfel, 1982). В лонгитюдном исследовании Гудзовской и Шпунтовой (2016), проведенном на возрасте от 7 до 25 лет, также эмпирически установлено, что конфигурация идентичности в ее когнитивной репрезентации является достаточно устойчивой по структуре основных социальных компонентов.

Анализ влияния фактора пола на расовые предпочтения, а, следовательно, и на имплицитную расовую идентичность, позволил выявить следующие закономерности. Девочки и мальчики по выборам фотоизображений лиц европеоидной и монголоидной рас не различаются. Вместе с тем выявлена разница в частоте категоризации представителей экваториальной расы как членов своей ингруппы. Девочки значительно чаще делают выбор в пользу представителей ЭР, чем мальчики. Девочки и мальчики в подавляющем большинстве случаев выбирают представителей своего пола. Представители противоположного пола выбираются значительно реже: в среднем, в одной трети случаев. Мальчики в возрастной группе 7–11 лет в большей степени, чем девочки, стремятся к включению в ингруппу лиц, различающихся по полу, независимо

от расы, что согласуется с данными Кузьмина (2017) о том, что у мальчиков, в отличие от девочек, ярче выражен этнический компонент идентичности.

Среди девочек и мальчиков есть по 1–2 % таких, которые выбирают только одну категорию партнеров: лиц своего пола и расы. Такой выбор может свидетельствовать о нарушенных отношениях этих детей в их в классе и может быть использован в качестве прогностического методического инструмента для обнаружения учащихся, нуждающихся в усиленном психолого-педагогическом внимании. Эта идея требует дополнительного исследования.

Некоторые выбросы значений и выявленные особенности распределения половых и расовых предпочтений по каждому классу и половой группе, вероятно, могут объясняться фактором влияния учителя и образовательной среды в целом. Обнаружение внутригрупповых различий между детьми одного возраста является другим направлением продолжения исследований. Помимо этого в последующих исследованиях можно учитывать факторы языка общения и привлекательности для испытуемых внешнего облика изображенных на фотографиях детей.

Выявленные результаты экспериментальной работы дают основание для следующих выводов.

Проведенный эксперимент с детьми из четырех возрастных групп с 7 до 11 лет позволил выявить особенности социальной категоризации при отнесении ими фотоизображений сверстников разных рас и разного пола в разных предполагаемых ситуациях взаимодействия.

В период активной социализации детей с 7 до 11 лет возрастная динамика расовой имплицитной идентичности не претерпевает ярко выраженных изменений. В половине экспериментальных ситуаций российские дети выбирают представителей своей расы, в половине – представителей других рас. Выбор между представителями монголоидной и экваториальной расами распределяется практически равномерно.

У российских детей 7–11 лет в структуре имплицитной идентичности слабо выражен критерий расовой идентичности как основание социальной категоризации. Дети этого возраста находятся на этапе коммитмента, т. е. активного интереса к взаимодействию со сверстниками независимо от их расы.

Для российских детей возраста 7–11 лет стремление к взаимодействию со сверстниками других рас в различных видах деятельности в личной и социальной сферах общения имеет равную ценность.

Фактор пола влияет на расовые предпочтения, а, следовательно, и на имплицитную расовую идентичность детей 7–11 лет: девочки значимо чаще включают в ингруппу представителей экваториальной расы. Мальчики в большей степени, чем девочки, включают в ингруппу лиц более широкого круга категорий, различающихся по полу и расе.

В связи с транзитивностью современного социокультурного пространства ожидаются динамичные изменения в проявлениях расовой имплицитной идентичности.

Литература

- Ананьева, К. И. и Товуу, Н. О. (2019). Адекватность межрасового восприятия личности человека по выражению его лица в коммуникативной ситуации. *Экспериментальная психология*, 12(2), 8–15. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120201>
- Андреева, Г. М. (2011). К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 6. Доступ 06 марта 2021, источник <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580#e3>

- Выготский, Л. С. (1982). Мышление и речь. В В. В. Давыдов (ред.), *Л. С. Выготский. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии* (с. 5–361). Москва: Педагогика.
- Гудзовская, А. А. и Шпунтова, В. В. (2016). О компонентах личностной зрелости. *Российский психологический журнал*, 13(2), 36–46. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.2.3>
- Кузьмин, М. Ю. (2017). Сравнение идентичности и ее динамики у младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста. *Российский психологический журнал*, 14(2), 67–89. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.2.4>
- Мышкина, М. С. (2014). Особенности этностереотипов в условиях предъявления стимулов разных видов. *Вестник Самарского государственного университета*, 1, 224–233.
- Ставропольский, Ю. В. (2009). Социально-психологическая модель идентичности (коммитмент-подход). *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 11, 184–192.
- Тэйлор, Д. (2014). *Белое самосознание. Расовая идентичность в XXI веке* (М. Ю. Диунов, пер. с англ.). Москва: Икс-Хистори; Кучково поле.
- Холодная, М. А. (2000). Когнитивный стиль как квадриполярное измерение. *Психологический журнал*, 21(4), 46–56.
- Шакурова, М. В. (2007). Социально-педагогическая обусловленность становления и развития социокультурной идентичности личности: к постановке проблемы. *Сибирский педагогический журнал*, 7, 150–162.
- Berry, J. W. (2005). Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 29(6), 697–712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
- Carlos Poston, W. S. (1990). The biracial identity development model: A needed addition. *Journal of Counseling & Development*, 69(2), 152–155. <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.1990.tb01477.x>
- Coard, S. I., Breland, A. M., & Raskin, P. (2001). Perceptions of and preferences for skin color, black racial identity, and self-esteem among African Americans. *Journal of Applied Social Psychology*, 31(11), 2256–2274. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.2001.tb00174.x>
- Cross, W. E. (1991). *Shades of black: Diversity in African-American identity*. Philadelphia: Temple University Press.
- Dasgupta, N. (2013). Implicit attitudes and beliefs adapt to situations: A decade of research on the malleability of implicit prejudice, stereotypes, and the self-concept. *Advances in Experimental Social Psychology*, 47, 233–279. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-407236-7.00005-X>
- Dutton, S. E., Singer, J. A., & Devlin, A. S. (1998). Racial identity of children in integrated, predominantly White, and Black schools. *The Journal of Social Psychology*, 138(1), 41–53. <https://doi.org/10.1080/00224549809600352>
- Helms, J. E. (2019). *A race is a nice thing to have: A guide to being a white person or understanding the white persons in your life*. Cognella Academic Publishing.
- Hindley, A. F., & Edwards, J. O. (2017). Early childhood racial identity – The potential powerful role for museum programming. *Journal of Museum Education*, 42(1), 13–21. <https://doi.org/10.1080/10598650.2016.1265851>
- Hoffman, J. L., & Lowitzki, K. E. (2005). Predicting college success with high school grades and test scores: Limitations for minority students. *The Review of Higher Education*, 28(4), 455–474. <https://doi.org/10.1353/rhe.2005.0042>
- Hud-Aleem, R., & Countryman, J. (2008). Biracial identity development and recommendations in therapy. *Psychiatry (Edgmont)*, 5(11), 37–44.
- Huguley, J. P., Wang, M.-T., Vasquez, A. C., & Guo, J. (2019). Parental ethnic-racial socialization

- practices and the construction of children of color's ethnic-racial identity: A research synthesis and meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 145(5), 437–458. <https://doi.org/10.1037/bul0000187>
- Kickett-Tucker, C. S. (2009). Moorn (Black)? Djardak (White)? How come I don't fit in Mum? Exploring the racial identity of Australian Aboriginal children and youth. *Health Sociology Review*, 18(1), 119–136. <https://doi.org/10.5172/hesr.18.1.119>
- Marcia, J. E., Waterman, A. S., Matteson, D. R., Archer, S. L., & Orlofsky, J. L. (1993). *Ego identity: A handbook for psychosocial research*. Springer-Verlag New York Inc. <https://doi.org/10.1007/978-1-4613-8330-7>
- Nadal, K. L. (2011). *Filipino American psychology: A handbook of theory, research, and clinical practice*. John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118094747>
- Neville, H. A., Heppner, P. P., & Wang, L.-F. (1997). Relations among racial identity attitudes, perceived stressors, and coping styles in African American college students. *Journal of Counseling & Development*, 75(4), 303–311. <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.1997.tb02345.x>
- Nisbett, R. E., Peng, K., Choi, I., & Norenzayan, A. (2001). Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. *Psychological Review*, 108(2), 291–310. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.108.2.291>
- Okazaki, S., & Sue, S. (2016). Methodological issues in assessment research with ethnic minorities. In A. E. Kazdin (Ed.), *Methodological issues and strategies in clinical research* (pp. 235–247). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/14805-015>
- Rockquemore, K. A., & Laszloffy, T. A. (2003). Multiple realities: A relational narrative approach in therapy with black-white mixed-race clients. *Family Relations*, 52(2), 119–128. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2003.00119.x>
- Sue, S. (1998). In search of cultural competence in psychotherapy and counseling. *American Psychologist*, 53(4), 440–448. <https://doi.org/10.1037//0003-066X.53.4.440>
- Tajfel, H. (1970). Experiments in intergroup discrimination. *Scientific American*, 223(5), 96–102.
- Tajfel, H. (1982). *Social identity and intergroup relations*. Cambridge University Press.
- Turner, J. C. (2010). Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. In T. Postmes, N. R. Branscombe (Eds.), *Rediscovering social identity* (pp. 243–272). Psychology Press.
- Turner, J. C., Brown, R. J., & Tajfel, H. (1979). Social comparison and group interest in ingroup favoritism. *European Journal of Social Psychology*, 9(2), 187–204. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420090207>
- Umaña-Taylor, A. J., Quintana, S. M., Lee, R. M., Cross Jr., W. E., Rivas-Drake, D., Schwartz, S. J., ... Ethnic and Racial Identity in the 21st Century Study Group (2014). Ethnic and racial identity during adolescence and into young adulthood: An integrated conceptualization. *Child Development*, 85(1), 21–39. <https://doi.org/10.1111/cdev.12196>
- Williams, M. T., Duque, G., Wetterneck, C. T., Chapman, L. K., & DeLapp, R. C. T. (2018). Ethnic identity and regional differences in mental health in a national sample of African American young adults. *Journal of Racial and Ethnic Health Disparities*, 5, 312–321. <https://doi.org/10.1007/s40615-017-0372-y>
- Wu, Y.-J., Outley, C., & Matarrita-Cascante, D. (2019). Cultural immersion camps and development of ethnic identity in Asian American youth. *Journal of Youth Development*, 14(2), 166–182. <https://doi.org/10.5195/jyd.2019.708>

Гудзовская А. А., Мышкина М. С.

Имплицитная расовая идентичность российских школьников на этапе коммитмента

Российский психологический журнал, 2021, Т. 18, № 1, 91–105. doi: 10.21702/rpj.2021.1.7

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Дата получения рукописи: 01.11.2020

Дата окончания рецензирования: 12.01.2021

Дата принятия к публикации: 15.01.2021

Информация об авторах

Алла Анатольевна Гудзовская – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института изучения общественных явлений, г. Самара, Российская Федерация, SPIN-код: 9668-5930.

Марина Сергеевна Мышкина – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация, SPIN-код: 7752-1676.

Заявленный вклад авторов

Алла Анатольевна Гудзовская – подготовка обзорной части исследования, работа с англоязычными источниками по теме исследования, интерпретация результатов, статистический анализ результатов, интерпретация результатов, подготовка графических иллюстраций, обсуждение методологии и выводов исследования.

Марина Сергеевна Мышкина – идея исследования, дизайн эксперимента, сбор данных, анализ данных, критический пересмотр содержания, подготовка обзорной части исследования.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научное издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2021
ТОМ 18 № 1

Сдано в набор 07.04.2021 Подписано в печать 08.04.2021

Дата выхода в свет 15.04.2021

Цена свободная

Формат 210×297. Усл. печ. л. 14,3. Бумага офсетная. Гарнитура Segoe UI.
Печать цифровая. Тираж 100 экз. Заказ № № 7/21.

Подготовлено к печати и отпечатано DSM Group
ИП Кубеш Н.В. Св-во № 000721173. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15.
E-mail: dsmgroup@mail.ru, dsmgroup@yandex.ru